

IN THE GRIM DARKNESS OF THE FAR FUTURE THERE IS ONLY WAR!

13th LEGION

A LAST CHANCERS NOVEL BY GAV THORPE



WARHAMMER

40,000

NOVEL

Через сотни мест, разрушенных войной, через десятки кровавых миров, осужденные солдаты 13-го Штрафного Легиона сражаются в отчаянных битвах, дабы обрести искупление перед лицом бессмертного Императора. В этой бесконечной войне против диких орков, безжалостных эльдар и коварной угрозы Хаоса, лейтенант Кейдж и штрафники должны сражаться не ради победы, но просто ради своего выживания!

- [Гэв Торн](#)
 - [Предисловие.](#)
 - [Глава первая.](#)
 - [Глава вторая.](#)
 - [Глава третья.](#)
 - [Глава пятая.](#)
 - [Глава шестая.](#)
 - [Глава седьмая.](#)
 - [Эпилог.](#)
-

Гэв Торн 13ый Легион

Непобог: Wisher

Редактура:

forums.warforge.ru

Предисловие.

Зал гудел и вибрировал от энергий, бегущих по толстым кабелям, протянутым по низкому потолку. Где-то в отдалении слышалось постоянное «фамп-фамп-фамп» работающей тяжелой машинерии. На металлических стенах квадратной комнаты, с интервалом в метр висели светосферы, освещающие место сугорожным, желтым светом. Со скрипом колесо замка на двери медленно повернулось; толстые металлические стрежни по обеим сторонам двери с хрустом встали в свои покрытые ржавчиной скобы. Дверь распахнулась и внутрь вошла фигура, запахнутая в длинную черную шинель с высоким воротником, закрывающим лицо. Когда он вышел на свет, желтое сияние придало его худому лицу болезненную бледность. Прежде чем сделать еще шаг вперед, он оглянулся через плечо и расслабился когда дверь закрылась за ним.

Внезапно мужчина остановился. Его

темные глаза уставились на хранящийся в
середине комнаты артефакт. Он
представлял из себя гроб, стоящий
вертикально и заканчивающийся целой
кучей проводов, которые цеплялись к
наспех сооруженным коннекторам, шедшим
из кабелей на потолке. Осколки и
небольшие куски стеклянной крышки гроба
валялись по всему полу. Ничто не
указывало на то, что содержалось в нем.

Отойдя от первоначального шока,
мужчина начал изучать саркофаг,
неловкими движениями пальцев он
подгонял различные верньеры, встроенные в
его стенки. Скривив губы от волнения, он
отошел и погладил пальцами руки в
темной бархатной перчатке, свою
короткую козлиную бородку, его брови
сосредоточенно нахмурились.

— Будь проклята Императором эта
стазисная камера, — бормотал он про себя,
снова осматривая все вокруг, — я должен
был позволить техножрецу освятить ее.

Когда он обходил заднюю часть
саркофага, его взгляд зацепился за темную
точку в верхнем углу дальней стены. Он

пристотрелся и увидел вентиляционную шахту. Ее проржавевшая решетка была раскурочена и вырвана. Поднявшись на цыпочках, он подтянулся, чтобы заглянуть в открывшееся отверстие: слабый свет комнаты освещал около метра узкой шахты, которая стремительно уходила вверх. Опечаленный, он опустился на пол и ударил себя кулаком по бедру. Снял перчатку с правой руки и полез в глубокий внутренний карман шинели, доставая аппарат, размером с кулак. Пока он нажимал на кнопки аппарата, сияние светосфер поймало золотое кольцо на его указательном пальце, и нарисованную на аппарате букву «Т» с располагающимся по центру ухмыляющимся черепом.

Поднеся аппарат к губам, мужчина заговорил.

— Третий день месяца Послания. Я вернулся к стазис-генератору, который, кажется, барахлил. Объект сбежал. Я немедленно начинаю расследование, чтобы вернуть или уничтожить его. Молюсь Императору, чтобы мне удалось вернуть монстра. Эта оплошность может дорого

нам стоять.

Глава первая.

Покидая Избавление.

+++ Каков статус операции Сбор? +++

Нос гвардейца взорвался брызгами крови, когда мой кулак зарядил ему меж глаз. Дальше я двигаю левой в подбородок, отбрасывая того на шаг назад. Он повернулся от следующего удара, заливая все кровью из треснувших губ. Я ощущаю запах застарелого пота и свежей крови, испарина от пламенеющего солнца стекает по моему лицу и груди. Я слышу, как все вокруг скандируют и подбадривают.

--- Открой ему на хер гребаную шею! --- распознаю я голос Джоррета.

--- Порви этого орочьего сына на части! --- орет Франкс.

Гвардейцы Хорека тоже подбадривали своего бойца, их покрасневшие лица выглядят темными по сравнению с бело-серым камуфляжем

жилетов и леггинсов.

Он делает выдох, его лицо в крови, пыльная униформа покрыта красными подтеками. Я легко ухожу в сторону от идиотского рывка, жестко зарядив ему коленом в живот и ощущая, как от удара у него треснули ребра. Он согнулся пополам, его лицо — маска боли, но я не собираюсь останавливаться. Я двумя руками хватаю его за голову и врезаю коленом по лицу, слыша треск от перелома лицевых костей или челюсти. Он падает набок, и пока падает, мысок моего ботинка военного образца ловит его подбородок, жестко впечатывая голову в твердую поверхность. Я почти готов снова ударить его, когда осознаю, что наступила оглушительная тишина. Тяжело пыхтя, я поднимаю взгляд, чтобы посмотреть, какого черта происходит.

Через ряды Хорека продирается массивный, мускулистый мужчина, и я замечаю нашивку мастер-сержанта на синем рукаве его туники. Черная кожа какого-то косятого существа перекинута через левое плечо наподобие плаща, и его

глаза с убийственной решимостью
смотрят на меня. В его руке
шестидесятисантиметровая парадная
полицейская дубинка, красные драгоценные
камни украшают один конец, и когда он
шагает ко мне, то бьет наверхушем в
живот, выбивая дух и заставляя меня
упасть на колени.

--- Отбросы штрафного легиона! ---
рывает мастер-сержант Хореков. --- Я
покажу вам, как они должны обращаться с
вами!

Он снова отводит свою руку,
хорошенько размахнувшись, но затем
останавливает удар. Только попробуй,
думаю я, мне приходилось убивать людей и
существом покруче тебя. Я все еще
разгорячен дракой и готов наброситься на
этого самоуверенного выскочку-хвастуна
офицера. Пропишу ему то же лекарство,
что только что прописал его бойцу. Он
смотрит куда-то над моей головой и на
меня падает тень. Мурашки пробежались
по мне по шее, грозя прошлась по спине. Я
разворачиваюсь, чтобы посмотреть через
плечо, все еще сжимая свои пострадавшие

внутренности. Он там. Полковник. Полковник Шеффер, командующий 13-ым Штрафным Легионом, известный среди бедняг, которым не повезло попасть в него, как Последний Шанс. Находящееся за ним солнце покрывает его траком -- кажется, солнце всегда оказывается за ним -- он всегда находится в тени или вы видите только силуэт, когда впервые встречаете его, словно это его талант. Все что я могу видеть, это только ледяной блеск его пронзительных, голубых глаз, смотрящих на мастер-сержанта, а не на меня. Я рад этому факту, потому что его лицо словно высечено из камня, а это явный признак плохого настроения.

-- Этого достаточно, мастер-сержант, -- спокойно произносит Полковник, просто стоя на месте, его левая рука покоится на рукояти силового меча.

-- Этим бойцам нужна дисциплина, -- отвечает Хорек, его рука все еще поднята для удара. Я думаю, этот болван достаточно глуп, чтобы попытаться ударить, и, я искренне надеюсь, что он так

и сделает, только чтобы посмотреть, что Шеффер сотворит с ним.

— Уберите своих солдат с летного поля, — говорит Полковник мастер-сержанту, — и мои вскоре последуют вашему примеру.

Офицер Хореков, похоже, собирался еще немного поспорить, но затем я вижу, как тот допустил ошибку, встретившись взглядом с Полковником. Я ухмыляюсь, когда замечаю, как тот угрожал от легяного, пристального взгляда. Каждый видел что-то свое в этих голубых глазах, но это всегда оказывалось каким-то болезненным и неприятным напотинанием. Полковник не двгается и не говорит ничего, пока мастер-сержант разгоняет своих бойцов, подталкивая их глубинкой, если они разворачиваются, чтобы оглянуться. Он назначает двоих, чтобы утащить бойца, которого яшиб, и бросает один убийственный взгляд в мою сторону. Я знавал таких как он, характерный «дег» и когда они достигнут своего лагеря, то оплатятся за нанесенное оскорбление Хореку.

--- Встать, Кейдж! --- равняет
Полковник, все еще не двинув ни одним
мышцой. Я с трудом подвигаюсь,
вздвигая от вспыхивающей боли в животе
после удара мастер-сержанта. Я не
смотрю Полковнику в глаза, но уже
напрягаюсь, ожидая получить нагоняй.

--- Объясните свое поведение,
лейтенант, --- тихо произносит он,
скрестив руки, словно тренер по кроссу.

--- Эти отбросы Хорека сказали, что
мы все должны были сдохнуть в
Узбавлении, сэр, --- отвечаю я, --- сказали,
что мы не заслуживаем жить. Что ж, сэр,
я только что похоронил куски примерно
от ста пятидесяти штрафников
Последнего Шанса и потерял терпение.

--- Ты думаешь, что такие потойные
отбросы как вы, заслужили жизнь? ---
спокойно спрашивает Полковник.

--- Я знаю, что мы дрались так же
крепко, как и любой гребаный гвардеец
Хорека, даже сильнее, --- отвечаю я,
впервые глядя прямо на него. Полковник,
казалось, секунду размышляет, после чего
резко кивает.

--- Хорошо, --- говорит он, и от удивления моя челюсть отваливается.

--- Грузи бойцов в шаттл --- без каких-либо еще драк, лейтенант Кейдж, --- приказывает Полковник, разворачиваясь на пятках и маршируя в сторону поселения.

Избавление.

Я изумленно смотрю на других штрафников «Последнего шанса» вокруг меня, встречая нахмуренные брови и пожатие плечами. Секунду я успокаиваю себя, стараясь не думать о том, какого черта тут произошло. Я давно понял, что иногда лучше не пытаться понять Полковника, так как это просто сведет тебя с ума.

--- Что ж, вы, бесполезная толпа избитых гологранцев, --- рявкаю я на остатки своего взвода, --- вы слышали Полковника. Тащите свои жалкие задницы в шаттл, да побыстрее!

КОГДА я трусцой бегу к громадным очертаниям нашего шаттла, Франкс прилипает ко мне слева. Я стараюсь игнорировать здорового сержанта, все

еще разозленный на него за произошедшее
пару дней назад, когда он втравил меня в
серьезные неприятности с Полковником.

--- Кейдж, --- начинает он, глядя на
меня вниз через свое огромное плечо, --- у
меня с тех пор не было шанса перетерпеть с
тобой.... ладно, до атаки тиранидов.

--- Ты умеешь в вуду, с тех пор как ты
пытался увести взвод в джунгли в
иудомской попытке побега? --- огрызаюсь я,
целенаправленно грубя. Он не отстает
так просто, даже если я считал его
каким-то подобием своего друга. Он
натянул до предела наши дружеские
отношения, пытаясь организовать за моей
спиной восстание.

--- Ты не можешь винить меня за это,
Кейдж, --- говорит он, меня раздражает
слабый скучеж в его глубоком голосе, --- мы
тогда все могли сдохнуть, ты знаешь это.

--- Я все еще жив и знал, что если
позволю тебе свалить, то сдохну, ---
отвечаю я, даже не потрудившись
взглянуть на него, --- Полковник убил бы
меня за то, что я позволил тебе уйти,
даже еще до того, как у тиранидов

появился бы такой шанс.

--- Да знаю я, знаю, --- извиняющимся тоном говорит Франкс.

--- Слушай, --- я наконец-то встречаюсь с ним взглядом, --- я не виню тебя за то, что ты хочешь свалить. Император знает --- мы все этого желаем. Но валить нужно с умом. Выбрать лучшее время и, желательно, чтобы я был к этому непричастен.

--- Я понимаю, Кейдж, --- кивает Франкс, после чего утолкает. Один из членов экипажа шаттла в своей хрустящей сине-белой униформе флота, выглядящий возбужденным и обеспокоенным, считает нас, пока мы поднимается по посадочной рампе, угрюмо смотря, словно страстно желает, чтобы нас просто можно было бы оставить здесь.

Внутри шаттла стоит жара, под суровым солнцем он медленно разогрелся так, что воздух внутри обжигает. Я смотрю, как остальные рассаживаются по местам вдоль трех скамеек, пристегивают себя толстыми ремнями безопасности, которые свисают с балок.

тянущихся вдоль всего десятиметрового отсека шаттла. Когда я нахожу себе место и пристегиваюсь, рядом со мной усаживается Франкс.

--- Как Кронин? --- спрашивает он, возясь с металлической застежкой, пытаясь потуже затянуть кожаный ремень вокруг своей бочкообразной груди.

--- Не выгел его. Он выгвинулся с первым шаттлом, --- отвечаю я, проверяя, все ли пристегнулись. Увидев, что выжившие из моего взвода уселись так же крепко как любовь Боевых Сестер к Императору, я подаю сигнал флотскому старшине, ожидающему в конце пассажирского отсека. Он исчезает за переборкой и три раза вспыхивают красные, сигнальные лампы.

--- Я еще не слышал полной истории о Кронине, --- говорю я Франксу, прижимаясь спиной к жесткому металлу скамьи, чтобы устроиться. Франкс собирался ответить, когда грохот ускорителей отразился корпусом шаттла. Грохот перерастает в рев, и я ощущаю, что взлетом шаттла меня еще сильнее вжало

В лавку. Поднимаясь в небеса над
Узбавлением и набирая скорость, весь
корабль яростно трясется. Мои ботинки
вибрируют вместе с палубой шаттла, а
моя задница нежно съезжает в сторону
на металлической лавке. Мой живот все
еще болит, и я ощущаю слабую тошноту,
когда шаттл резко поворачивает, выводя
нас на новый курс.
Двадцатисантиметровый порез на бедре
начал болезненно пульсировать, когда из-за
ускорения кровь прилила к ногам. Я
сжимаю зубы и игнорирую боль.

Напротив иллюминатор, через него
видно, как земля уходит. В километре за
стенами Узбавления, казалось бы,
случайным образом разбросаны шаттлы и
десантные корабли. Само поселение
быстро отдалается до тех пор, пока я не
стал только слабо различать линию
куртин и здание главной крепости. Затем
мы влетаем облака, и все белеет.

Когда мы выходим из атмосферы, реак-
тивные двигатели превращаются в глухое
завывание и голубое небо за
иллюминатором заменяет россыпь звезд.

Франкс наклоняется ко мне.

--- Говорят, Кронин тронулся, ---
говорит он, постукивая себя по голове, дабы
подчеркнуть эту мысль.

--- Скажу я тебе, что это чертовски
странно, --- отвечаю я, --- что-то произошло
с ним, пока он был в часовне.

--- Часовне? --- спрашивает Франкс,
энергично почесывая голову сквозь густые
коричневые завитки.

--- Что ты слышал? --- спрашиваю я,
любопытствуя, какие слухи начали
летать вокруг, всего лишь через день после
битвы с тиранидами. Сплетни лучший
способ изтерять моральный дух, так же,
как и реакция на недавнюю битву. Конечно
же, мы никогда не были особо счастливы,
учитывая, что застряли в штрафном
легионе до самой смерти, но иногда
некоторые бойцы подавлены сильнее, чем
обычно. Сражение с инопланетными
тиранидами на миссионерской станции
было ужасающим, впрочем, бой с этими
монстрами всегда такой. Я хочу знать,
какие мысли занимают бойцов.

--- Ничего особенного, --- говорит

Франкс, неудачно попытавшись пожать плечами, будучи туго связанным ретнями безопасности, -- люди говорят, что он шагнул за край.

-- Насколько я слышал, его, и остатки 2-го взвода загнали в часовню, -- отвечаю я.

Туда отовсюду лезли тираниды, пробившиеся через восточную стену. Большинство были огромными воинами, и пробиваясь, они разломали дверь святилища своими когтями. Били окна и лезли внутрь. Там некуда было бежать, эти инопланетные ублюдки просто начали крошиться и резать всех, кто находился там.

-- Они потеряли весь взвод, за исключением Кронина. Они, должно быть, посчитали его мертвым, так как Полковник нашел его под грудой тел.

-- Точный способ слететь с катушек, -- мудро изрекает Франкс, улыбнувшись своими выпуклыми губами.

-- В любом случае, -- продолжаю я, -- Кронин точно сошел с ума, как ты и сказал. Постоянно что-то бубнит про себя, лепечет что-то, что никто не может

разобрать.

--- Я видел такое и раньше, --- говорит Пол, который слышал всю беседу, сидя рядом с Франксом. Его узкое, точеное лицо излучает осведомленность, словно он был мудрецом, раздающим знания древних или что-то в этом духе.

--- У меня был однажды сержант, которому миной оторвало ногу на Гаулисе II. Он просто повторял имя своего брата, минута за минутой, день за днем. В конце концов, он перерезал себе горло медицинским скальпелем.

На секунды возникает тишина, пока все размышляют об этом, и я продолжаю пересказ, чтобы отвлечь их от мысли о самоубийстве.

--- Да, достаточно мрачно, --- говорю я им, --- но случай с Кронином еще страннее. Выяснилось, что он не просто тямлит всякую чушь, о нет. Он цитировал писание, верно? Натаниель, священник, вернувшийся в Избавление, послушал, как тот цитировал строки из Литании Веры. Типа: «И Звери из Бездны восстанут во множестве и повергнут слуг Императора

своими когтями». Этого рода чүшь.

--- Да фракните меня, если я хоть раз
видел Крони́на с чертовой молитвенной
книгой. Ни разу, за два долбанных года
сражений рядом с этим орочьим сыном, ---
оглядываясь, объявляет Джоретт со своего
места на лавке в центре шаттла. Теперь
прислушались все остальные, осознав, что
нас слышно за приглушенным шумом
двигателей. Сорок пар глаз уставились на
меня в предвкушении дальнейшего
поворота в истории.

--- Верно! --- объявляю я, решительно
кивнуv, чуть подыгрывая аудитории. Я
наслаждаюсь тем, что ради разнообразия
могу рассказать новую историю, не давая
им сцепится друг с другом, как это обычно
происходит после того, как мы сваливаем
с миссии.

--- Натаниэль просидел с ними
несколько часов, пока мы хоронили
погибших, --- продолжаю я, охватывая
взглядом тех, кто может меня видеть, ---
я слышал, как он объясняет Полковнику его
видение произошедшего. Тина Крони́на
посетил лично сам Император, пока тот

полугодохлый валялся в часовне. Сказал, что
ему даровали божественное знание.
Конечно же, он на самом деле сказал не
так, он просто процитировал подходящую
строчку из Литании, типа: «И появился
Император в сияющем ореоле и обратился
к Своему народу на Гаталатморе». Как ты и
сказал, откуда во имя семи кругов ада, он
вообще знает эту чушь?

--- В этом нет ничего
сверхъестественного, --- отвечает Ганно, в
одиночку сидящий в конце шаттла.
Кажется, почти все внутренне застонали,
за исключением парочки парней, которые с
нетерпением ожидают дальнейшего
развития событий этого концерта. Мне
самому Ганно вроде как нравится --- он не
такой баран, как большинство остальных.

--- О, наш мудрый священник, ---
саркастически устехается Пол, ---
пожалуйста, просвети нас в своей
благодатной мудрости.

--- Не называй меня «священник»! ---
рычит Ганно, угрюмое выражение стяло
плоские черты лица мужчины среднего
возраста, --- ты знаешь, что я оставил эту

фальшь в прошлом.

--- Как скажешь, Ганно, --- отвечает ему Пол, одаривая презрительным взглядом.

--- Все на самом деле достаточно просто, --- начинает объяснять Ганно, с этого момента терпеливо игнорируя Пола, --- вы все были на службах Экклезиархии, на сотнях, даже на тысячах. Помните вы их или нет, вы наверняка слышали все Литании Веры и каждую строчку Книги Святых как минимум дважды. Травма Кронина воздействовала на его разум, так что он теперь может вспомнить только эти строчки и ничего более. Для него это осталось единственным способом разговаривать.

Некоторые кивнули, а вижу в этом разумную мысль. По моему опыту, люди и так наполовину фаргнутые на голову. У нас сколько я знаю, не нужно было слишком сильно подталкивать, чтобы башню вообще сорвало. Один Император знает, как много раз я ощущал, что качаюсь на краю пропасти безумия. К счастью, я

непрошибаем, как шкура зрокса и это меня
еще не затронуло. В любом случае, не
настолько, как утверждают остальные.

--- Что ж, думаю это более разумное
объяснение чем то, что Император
наполнил его Своим божественным духом, -
говорит Маллори, лысеющий худой
матрос, сидящий рядом с Полом.

--- В конце концов, не думаю, что
Императору особо приглянулся наш
лейтенант Кронин, особенно, учитывая
тот факт, что он очутился в Последнем
Шансе за то, что ограбил и спалил
церковь.

--- Конечно, разумное, --- говорит
Ганно, его голос опускается до
заговорщицкого шепота, -

это ведь мог быть и совсем не
Император!

--- Заткни свой гребаный рот, Ганно
Эльфинзо, --- выплевывает Пол, сотворив
правой рукой у груди оберегающий символ
орла. --- Я, может быть, и убивал женщин
и детей, и знаю, что я никчемный кусок
корочьего дерьма, но все еще думаю, что не
стану делить комнату с гребаным

еретиком!

Пол начинает теревить свои ремни, но у него не особо получается, потому что его левая рука оканчивается крюком вместо кисти. Я понимаю, что события могут выйти из-под контроля.

— Хватит! — рявкаю я. — Вы все знаете границу. Не важно, что ты натворил, чтобы тебя занесло к обреченным бойцам Полковника, мы все теперь штрафники Последнего шанса. Так что закройте свои гребаные хлебальники, пока не вернется на транспортник.

Послышалось, как некоторые заворчали, но вслух никто ничего не сказал. Многие из них имели трещины в черепе или сломанные носы за то, что огрызались мне. Вы понимаете, я не бык, просто вспыльчив, и мне не нравится, когда мои бойцы становятся непочтительными. Увидев, что все успокоились, я закрываю глаза и пытаюсь немного поспать; остается еще два часа до захода в док.

ТОНОТ ботинок разносится эхом

вокруг нас, когда флотские охранники
маршем сопровождают нас обратно в
камеры. Слева и справа, вдоль кажущегося
бесконечным коридора, сводчатые проходы,
ведущие в грузовые отсеки
модифицированные, дабы вести свой груз
из людей, якобы в полной безопасности.
Всего там около двадцати огромных
камер. Первоначально каждая вмещала
двести человек, но после тридцати
тысяч почти постоянных сражений,
почти все теперь пусты. А за
последнюю поездку опустели еще сильнее,
после защиты Узбавления нас осталось
около двухсот пятидесяти. Стража
чванливо расхаживает рядом, легко
сжатая гробовики своими тяжелыми
перчатками или закинув их за плечи. На
головах шлемы из экипировки для их
тяжелой работы, а визоры, защищающие
от вспышек, прячут лица. Только плашки с
именем, пришитые на ремень левого плеча
говорят, что это те же самые десять
человек, которые сопровождают мой взвод
последние два с половиной года.

Я вижу ожидающего нас впереди

Полковника, рядом с ним стоит кто-то еще. Когда ты приближается, я вижу, что это Кронин, его маленькое, мощное тело пригнулось, словно его кто-то нагрузил огромной, невидимой ношей. Прищуренные глаза лейтенанта рыскают и бросаются из стороны в сторону, постоянно исследуя меня. Он вздрагивает, когда я шагаю вперед и отдаю честь Шефферу.

--- Лейтенант Кронин единственный выживший из 3-го взвода, --- говорит мне Полковник, жестом показывая стражникам загонять всех остальных внутрь, --- так что я перевожу его к вам. По правде говоря, учитывая, как мало вас осталось, всех теперь соберут в единый отряд. Ты будешь главным; Грин был убит в Узбавлении.

--- Как он погиб, сэр? --- спрашиваю я, любопытствуя, что случилось с другим лейтенантом, одним из ста пятидесяти штрафников «Последнего шанса», которые были живы два дня назад, а теперь служат пищей тварям на безымянной планете под нами.

--- Его разрезало паутиной-удавкой, --- холодно отвечает Полковник, на его лице

не возникло ни единой эмоции. Я
содрогнулся --- быть медленно
нашинкованным, пытаюсь выбраться из
сжимающийся петли зазубренных мускулов
--- тошнотворный способ уйти из жизни.
Только подумайте, я никогда и не думал о
простом способе умереть.

--- Оставляю на тебя организацию
оставшихся бойцов в отделения, и назначаю
им определенные обязанности, --- говорит
Полковник перед тем, как пройти мимо
меня, и широким шагом отправиться по
коридору. Лакей Департамента,
обернутый в огромную коричневую робу
спешит за Полковником, таща с собой
массивную связку пергаментов, затем они
оба теряются во мраке вдаль.

--- Внутрь, --- командует охранник у
меня за спиной, табличка именует его как
поррент-офицер Хопкинссон.

Закрываясь, за мной лязгает
массивная дверь катеры, оставив меня
запертым в комнате с компанией из
нескольких десятков убийц, воров,
насильников, еретиков, пародеров,
уклонистов, осквернителей, грабителей

могил, некрофилов, таньяков, нарушивших
приказы, богохульников и других
разнообразных паразитов. И все же, иногда
с ними возникают интересные беседы.

--- Направо! --- ору я, мой голос
отскакивает от высокого металлического
потолка и от дальних балок. --- Всем
сержантам, тащить свои жалкие задницы
ко мне!

Когда в огромном загоне воцаряется
порядок, я осматриваю свое маленькое
войско. Нас осталась пара сотен, стоящие
или лежащие на металлической палубе
разрозненные группы, растянувшиеся во
всех концах камеры. Их голоса тихо бормочут,
заставляя слегка звенеть металлические
стены, и я ощущаю их объединенный запах
пота от нескольких дней на раскаленной,
как печка, планете под нами.

Через пару минут рядом со мной
стоит восемь человек. Я всматриваюсь в
эти неприятные лица.

--- Кто произвел тебя в сержанты,
Роллис? --- требую я ответа, подходя и
глядя в распухшее лицо, прямо в его
бусинки черных глаз.

--- Лейтенант Грин, --- выдерживает мой взгляд и дерзко отвечает он.

--- Да? Ты теперь снова солдат, кусок дерьма! --- рывком я, отталкивая его в сторону. --- Скройся с глаз, долбаный предатель.

--- Ты не имеешь права! --- орет он, шагая ко мне, и почти подняв кулак. Мой локоть резко рвется вперед и бьет его в горло, отправляя задохнуться на пол.

--- Не имею? --- рычу я. --- Думаю, так я тоже не имею право делать, --- говорю я, пиная его под ребра. Не считая убийц, вот такие несомненные предатели, как он, вызывают у меня рвотные позывы. Бросив на меня ядовитый взгляд, он встает на карачки и уползает.

--- Направо! --- командую я, разворачиваясь к другим, беря на заметку этот толстый кусок дерьма. --- На чем мы остановились?

РЕВ тревожных сирен доносится отовсюду, настолько пронзительный, что заставляет скрежетать зубами. Я стою, сжата обеими руками пневмо-кайло, е-

двигатель приятно пыхтит, выхлопные трубы выпускают завитки маслянистого дыма.

--- Поторопливайтесь, разрушайте все! --- орет кто-то сзади меня.

Я слышал, как крушили машинерию, перерезали трубопроводы, разбивали энергетические катушки. Передо мной панель с циферблатами, и я положил на нее наконечник молота, включил двигатель на полную, воздух наполнился летящими осколками стекла и кусками вырванного металла. Искры осыпают мой тяжелый рабочий комбинезон, оставляя крошечные подпалины на толстых перчатках, защищающих руки. Я вставляю свое пневмо-кайло в огромный ценной механизм с шестеренками, позади разбитой панели, отправляю зубчатые колесики звенеть на пол и заставляю тяжелые цепи хлестать рядом с моей головой.

--- Они идут! --- орет прежний голос через шум бьющегося стекла и скрип покоруженного металла. Я оглядываюсь через плечо, вижу группу охранников,

бегущих через сводчатый проход слева от
меня. На них тяжелые панцирные
нагрудники темного-красного цвета, витая
цепочка и глаз, эмблема Союза Харпикон,
выделенная желтой краской. У них у всех
чужовищные огнестрельные ружья, черные,
эмалированные куски металла угрожающе
отражают свет. Мимо меня бегут люди,
но их лица сложно разглядеть, словно они в
дымке или что-то в этом роде. Я мельком
вижу наполовину сгнивший череп,
напоминающий мне человека, которого
звали Сноутон, но я знал, что он погиб год
назад, сражаясь с пиратами в Поясе
Зандуса. Мимо мелькают другие лица,
лица мертвых. Раздается громоводобный
рев и все вокруг начинают бегать. Я
осознаю, что стража Харпикона
стреляет. Пули рикошетируют повсюду, со
свистом отрывают куски машин и с
глухим шлепком вбиваются в плоть
окружающих меня людей. Я пытаюсь
побежать, но мои ноги словно приварены к
полу. Я отчаянно озираюсь в поисках
укрытия, но такого нигде нет. Затем я
остаюсь наедине с охраной, дымящейся

стволы их ружей смотрят в мою сторону. Затем раздается гром выстрелов, и появляются ослепительные вспышки.

Я просыпаюсь, задыхаясь. Испарина покрывает мою кожу, несмотря на прохладу огромной каюты. Я отбрасываю в сторону тонкое одеяло, которое служит мне кроватью и встаю, положив руки на холодный пол, чтобы успокоиться, поскольку от внезапного движения у меня кружится голова. Сглотив то, что на вкус как дохлая крыса, я оглядываюсь. Повсюду обычная ночная суета — бормотания и стоны тех, кто не может заснуть, странный шепот толпы тех бедняг, которых сокрушил демон сна. Всегда происходит одно и то же, когда вы погружаетесь в империум.

За последние три года, каждую ночь в варп-пространстве у меня кошмары, всегда с тех пор, как я вступил в Имперскую Гвардию. Я всегда возвращался в улей на Олимпии, совершая рейд саботажа на конкурирующей фабрике. Иногда это был Союз Харпикона, как сегодня; иногда это

был рейд против Жореанских Консулов; а
иногда даже против дворян Просвещенных,
хотя мы никогда не осмеливались сделать
это в реальности. И там всегда ходячие
мертвецы. Люди из моего прошлого
возвращаются и преследуют меня: те,
которых я убил, погибшие товарищи, моя
семья, все они появляются в кошмарах.
Позднее я осознал, что их все больше и
больше после каждого сражения, словно
павшие присоединяются к моим снам. И я
всегда в них утирал, что возможно
беспокоило меня больше всего. Иногда меня
разрывали на части пули, иногда
распиливали на половину цепным мечом
или силовым топором, иногда заживо
сжигали огнеметы. Некоторые люди
говорили мне, что Варп не ограничен
временем, как реальная вселенная. Вместо
этого, вы можете увидеть картинки из
своего прошлого или будущего, причудливо
смешанные вместе. Интерпретировать
Варп-сны — специальность Ламмакса,
одного из бывших людей Департамента. Я
думаю, его вышвырнули в штрафной
легион за богохульство, когда он

предложил расшифровать сны старшего
квартирмейстера. Он сказал, что таким
образом проявляется мой страх смерти.

Внезапно раздается сводящий с ума
крик из дальнего конца грузового склада, в
котором мы содержится, лампы там
коротит и аритмичная пульсация
вызывает головную боль. Никто уже не
спал там месяцами, с тех пор как стало
достаточно места, чтобы все
расположились в этом конце. Так как
теперь всех собрали в одной камере,
должно быть, кто-то попытался заснуть
там. Я вскакиваю на ноги и натягиваю
ботинки на босую ногу. Когда иду в сторону
заварухи, то стахиваю со своей обнаженной
грудью выступивший пот. Мое тело везде
покалывает от аномального ощущения
энергий, под пальцами коллекция шрамов,
покрывающая грудь, кажется странно
горячей. Я смотрю вниз, наполовину
ожидая увидеть, что старые раны
светятся. Но это не так.

Я топая во тьму, остальные
наблюдая за мной. Крик был настолько
громким, что разбудил флотских

матросов на другом конце палубы. Я понимаю их подозрительность и болезненное любопытство, потому что иногда человек начинает кричать в варп-пространстве не своим голосом. К счастью, этого никогда не происходило с кем-то знакомым, но парни рассказывали басенки о людях, одержимых существами из варпа. Они совершенно сходили с ума и убивали кучу народу до того, как унасть и умереть, или их тело переходило под полный контроль какого-нибудь странного разума твари, в этом случае, они крались вдоль коридоров и хладнокровно убивали всех встречных. И это происходило даже тогда, когда защита от илматериума продолжала работать. Вы точно не захотите знать, что происходит на тех кораблях, где печати защиты от варпа разрушаются от продолжительной атаки бесформенных существ, поглощенных мыслью об убийстве экипажа.

— Император Терры, пристотри за мной, — шепчу я про себя, находясь на полпути к источнику криков. Если это действительно Затронутый, это станет

по-настоящему серьезной проблемой. Они не оставляют нам ничего, что можно было использовать как оружие, так что фактически мы беззащитны. И все же, это благо, потому что от нас чертовски мало бы чего осталось, если бы мы были вооружены. Частенько возникали потасовки, но, несмотря на то, что губают люди, забить человек до смерти занимает некоторое время, и кто-то обычно растаскивает грабю до возникновения трупов. Тем не менее, если бы я хотел кого-нибудь убить, я бы это сделал, особенно, если бы жертва спала.

Все мое тело трясется, и я не совсем уверен по какой причине. Я пытаюсь убедить себя, что от холода, но я все-таки тружчина, чтобы признаться, когда мне страшно. Меня не пугают люди, за исключением, возможно, Полковника. Как тогда, так и сейчас, инопланетяне заставляют меня дрожать, особенно тираниды, но что-то в самой мысли о варп-существах пугает меня до глубины души, хотя я никогда не сталкивался даже с одним из таких. Во всей галактике я

даже не могу придумать ничего столь жуткого.

Я вижу, что кто-то барахтается на одеяле впереди, как раз где освещение переходит во тьму. В неустойчивой дылке от слотанной светосферы сложно разглядеть детали, но мне кажется, что я вижу искривленное лицо Кронина и поворачиваюсь. Я слышу шаги за спиной и резко разворачиваюсь, почти натыкаясь на Франкса, который поднялся и пошел вслед за мной.

--- Просто варп-сны, --- с перекошенной улыбкой он пытается уверить меня, рефлекторно подняв свои огромные руки.

--- Как будто это мне поможет, --- коротко отвечаю я, разворачиваясь обратно к скорчившейся фигуре Кронина. Я как раз собираюсь сказать пару слов, когда его искривленный рот исторгает вопль.

--- И из глубин... восстанет могучий зверь, с множеством глаз... и множеством конечностей. И зверь из... тьмы восстанет против света человечества... с ненавистной жаждой и неумным голодом!

--- Не буди его! --- шипит на меня

Франкс, когда я протягиваю руку к распростертой фигуре.

--- Почему нет? --- требую я ответа, становясь на колени рядом с Кронином и взглянув на сержанта.

--- Проповедник Дюрант однажды сказал, что если разбудить человека во время варп-сна, то это опустошит его разум, позволив Хаосу проскользнуть, --- с серьезным выражением лица убеждает он.

--- Что ж, тогда я рискну порчей, а? --- отвечаю я ему, раздраженный тем, что кажется мне детскими суеверием. --- Если он продолжит дальше в таком же духе до конца цикла, я вообще не засну.

Я кладу руку Крону на плечо, сначала мягко, но все сильнее сжимая, пока он продолжает трястись и вертеться. Ничего существенного это не приносит, и я склоняюсь над ним и жестко шлепаю его по щеке тыльной стороной ладони. Он резко открывает глаза и на секунду в них горит какой-то опасный свет, но быстро сменяется слутным узнаванием. Он садится и смотрит прямо на меня, в колеблющемся свете его глаза

косят.

— Святой Люций говорил с жителями Белушидара, и велика была молва их восхищения, — произносит он с теплой улыбкой на тонких губах, но его глаза быстро становятся затравленными.

— Думаю, это значит — спасибо, — говорю я Франксу, вставая, пока Кронин укладывается обратно на одеяло, еще раз осматривая окружение перед тем, как закрыть глаза. Я стою там еще пару минут, пока дыхание Кронина снова не становится глубоким и спокойным, означая, что он опять действительно заснул или слишком хорошо претворился, чтобы я больше не беспокоился.

«Какого черта Грин позволил себя убить?», несчастно спрашиваю я сам себя, устало возвращаясь обратно к себе в зону отдыха. Я как-нибудь обойдусь без обязанностей няньки за этой толпой преступников с дерьмом вместо мозгов. В «Последнем шансе» и так достаточно сложно выжить, чтобы еще беспокоится о ком-то другом. Я полагаю, что мне просто нужно забыть на это, пусть сами о себе

заботятся. Черт, если уж и это они не могут сделать, то заслужили смерти.

ЧЕРЕЗ несколько дней после происшествия с Кронином, мы присаживаемся перекусить в центреры, разложив на полу перед собой тарелки с протеиновыми шариками. Нам приходится цеплять их руками; нам не дают никаких столовых приборов, чтобы мы не могли заточить и использовать как своего рода ножи. Вот такое вот отношение действительно ломает людей — они даже не верят тебе, что ты будешь есть, а не кинешься резать друг друга глотки. Пища для нас тоже измывается. Я точно знаю, что они привезли на борту сотни рогатых с полей вокруг Избавления, но разве мы видим хоть какое-то парное мясо? Никогда. Нет, все та же коричневая, наполовину жидкая жижа, которую ты запихиваешь себе в рот пальцами, ощущая, как она ужасно скользит по пищеводу, напоминая по консистенции остывшую блевотину. Через некоторое время ты к ней привыкаешь, тебе приходится. Ты

просто впихиваешь ее в себя, глотаешь и надеешься, что не сильно подавишься. У нее даже нет никакого вкуса, кроме солоноватой воды, с которой она смешана. Она холодная и склизкая, и не единожды я ощущал острое желание швырнуть это дерьмо в лицо охраннику, но меня просто отпинают, и я останусь голодным. При полном отсутствии гастрономического восторга, она, конечно же, наполняет твое брюхо и позволяет жить дальше, что от нее и требуется.

Я как обычно сижу с Таппо и Франксом, самые близкие к понятию друга, что у меня были среди этой презренной компании. Несколько минут мы проводим наполняя рот этой жижей, после чего проталкиваем ее внутрь восстановленным фруктовым соком. Некоторым может показаться, что фруктовый сок был неким расточительством, но на борту корабля, где воздух постоянно снова и снова фильтруется, и где только искусственное освещение и заткнутое пространство, это лучший способ остановить любую заразу.

Есть истории, когда экипажи целых кораблей дошли от лихорадки Талоуса или муританской холеры, и в этом заключался огромный риск, поскольку вам нужно было всего лишь дать человеку полпинты сока в день, чтобы предотвратить худшее.

--- Ты когда-нибудь думал, чтобы сбежать, пока ты на борту? --- спрашивает Франк, используя свой мизинец, чтобы стереть последний кусочек протеина с ободка тарелки.

--- Я слышал, что это реально, --- говорит Ганно, отодвигая тарелку в сторону, прежде чем начать ковыряться у себя во рту ногтем, пытаясь подцепить застрявший где-то кусочек протеина.

--- Некоторые из экипажа считают, что существуют места, где человек может прятаться вечно, --- добавляю я, выливая остатки сока в рот, и полощу его, чтобы слыть чудовищную текстуру, оставленную настой.

--- Этот корабль не настолько большой, но все равно тут есть сотни мест, куда никто давно не заглядывал. Тежгу палубати, в системе трубопроводов

или под гвизгателями. Ты можешь ползать там и красть себе еду, это будет не сложно.

--- Ага, --- говорит Франкс, скривив губы, --- но это не совсем гребаная свобода, не так ли?

--- А что бы ты назвал свободой? --- спрашивает Ганно, подпирая себя локтем и вытягивая свои глинные ноги перед собой.

--- Не знаю, --- пожав плечами, --- отвечает сержант, --- полагаю, это как выбирать: что тебе есть, куда пойти, с кем дружить.

--- Я никогда не мог позволить себе такого, --- говорю я им, --- в фабричном улье самое главное было выжить, как и здесь. Убей или будешь убит, выиграй торговую войну или голодай, все просто.

--- Никто из нас не знает что такое свобода, --- говорит Ганно, качая головой из стороны в сторону, чтобы разработать тугие мышцы, --- когда я был проповедником, все что я знал, так это святые писания и догмы Екклезиархии. В любой ситуации они говорили мне в точности, что я должен делать и что

чувствовать. Они говорили мне, кто был прав, а кто ошибался. Я теперь осознал, что у меня по-настоящему не было вообще никакой свободы.

--- Ты знаешь, я с агротира, --- говорит Франкс, --- просто фермер, там не было особых лишений. У нас была куча машин, единственный человек мог присматривать за пятнадцатью сотнями гектаров. Мы всегда жрали от пизы, бабы молодые и здоровые, мужики желать больше нечего.

--- Так какого гребаного лешего ты поперся в Гвардию? --- выпралившись, выналивает Ганно.

--- А у меня был какой-то фразовый выбор?! --- с кислой миной на лице горько произносит Франкс. --- Когда орки вторглись на Алрис Колвин, мы просто получили список от Департамента Муниторум. Меня призвали. Вот и все, не было выбора.

--- Ага, --- встречаю я, --- если ты хорошо устроился, то, в конце концов, это главное.

--- Оказалось в Гвардии не так уж и плохо, --- говорит сержант, наклонившись

вперед, дабы положить свою тарелку на тарелку Ганно, -- по правде говоря, мне нравилась дисциплина. Как солдат, мне не о чем было волноваться кроме приказов. Жрали и пили от пұза, было удобно считать, что все, что тебе приказали -- будет правильным.

-- Но как только тебя повысили, все изменилось, -- вклинивается Ганно, снова откидываясь назад.

-- Да, это уже стало проблемой, -- продолжает Франкс, коткая свои курчавые волосы рұкой, -- чем выше я поднимался по командной цепочке, тем меньше мне это нравилось. Вскоре пришлось принимать решения, из-за которых ұтирали и калечились бойцы. Вдруп мне стало казаться, что в этом всем моя вина. Полковник был прирожденным офицером, родин из дворянства, он ни секунды не дұмал о солдатах, просто делал все, чтобы протащить свою жирную задницу повыше, надеясь стать генерал-командующим или главнокомандующим.

-- Из-за этого ты перестұпил черту? -- спрашиваю я, зная, что Франкс попал в

«Последний шанс» и 3-я
подстрекательства к нарушению
субординации и не подчинению приказам.

— Верно, — говорит он, его лицо
отрачнееет от воспоминаний, голос
становится глубоким и озлобленным, — мы
застрали на ледяных полях Фортуны 22,
месяц сидели на полунайке, потому что
повстанцы сбивали наши шаттлы с
припасами. Получили приказ атаковать
крепость «Цитадель Ланскара», две
дюжины лиз по чистому льду. Офицеры
обедали тушеным мясом рогатого оленя и
черного вола, пили Шаналанское бренди,
тои бойцы жрали высушенные суррогаты и
делали воду из снега. Я повел свои две
роты в лагерь офицеров и потребовал
припасов для марша. Ублюдки
Департаменту отправили нас восвояси, и
бойцы пришли в неистовство, разграбили
все подчистую. Я не пытался остановить
их, они терзали и голодали. Что мне нужно
было сделать? Приказать им тащиться
обратно в ледяные пустоши и атаковать
вражеское укрепление с пустым брюхом?

— Притерно, то же самое случилось и

с тобой, Ганно, — говорю я бывшему проповеднику, делая подушку из своего тонкого одеяла и укладываясь на нее, заложив руки под голову.

— Умущие и неумущие? — спрашивает он, не ожидая ответа. — Я понимаю, почему Франкс сделал то, что сделал, но я не имею ни малейшего понятия, что заставило меня в тот день осуждать кардинала перед лицом полудюжины офицеров Имперской Гвардии.

— Думаю, ты прав, — говорит Франкс, — кардинал не стал бы казнить людей, которые ценой своих жизней защищали его планету.

— Но ты продолжил, и обвинил всю Екклезиархию в коррупции, — добавляю я с устешкой, — подвергая сомнению, существовал ли на самом деле Император. Насколько это глупо, а?

— Я не мог поверить, что такие страдания происходят, если такой святой дух приглядывает за человечеством, — решительно отвечает Ганно, — если и есть Император, в чем я сомневаюсь, то кардиналы и подобные ему представляют

такую фигуру совершенно нелепо.

--- Не могу себе представить, чтобы все продолжалось так, если бы не было Императора, --- говорит Франкс, качая головой, стараясь понять эту мысль, --- в этом случае убил бы себя, как только меня арестовал Полковник.

--- Ты правда веришь, что у тебя есть душа, нуждающаяся в спасении? --- с заметным презрением спрашивает Ганно.

--- Ты веришь, что великолепно Императора волнует, сдох ты на службе Императора или тебя расстреляли как негодяившегося приказам грабителя?

--- Эй! --- равкаю я на обоих. --- Давайте оставит эту тему, а?

В этот момент подходит Пол, его лицо искажено злобой, и он почти рычит.

--- Он снова это сделал, --- говорит он сквозь зубы.

--- Поллис? --- зная ответ, спрашиваю я и вскакиваю на ноги. Пол кивает, и я следую за ним в дальний конец каюты, где он и те, кто остались от старого взвода Кронина обычно едят. Там и сидит подавленный Кронин.

--- Да украду я с тарелки безнадежных, дабы накормить уста бессильных, --- произносит безумный лейтенант.

--- Это проповедь Себастиана Тора. Я ее знаю, --- вставляет Пол, стоящий как раз за моим правым плечом.

--- Где Поллис? --- требую я ответа.

Один из валявшихся на земле бойцов кивает головой вправо, и я вижу предателя, сидящего, прислонившись к стене камеры в десяти метрах дальше. Они просто доверили мне разобраться с ним. Большинство из них ненавидят Поллиса, как и я. Они боятся, что этот ублюдок-предатель сделает с ними что-нибудь, если они будут противостоять, гнев Полковника еще один сдерживающий фактор. Что ж, я не буду стоять в стороне, пока дышу тем же воздухом, что и он, от этого мне хочется вырвать его легкие. Я марширую к нему и встаю перед этим мешком с дерьмом. Он держит на коленях наполовину полную чашку.

Я стою, оперев руки в бока. Меня трясет от гнева, настолько я не могу терпеть этого человека.

--- Медленно ешь, а? --- шиплю я Роллису. Он медленно поднимает взгляд своих крошечных черных глаз.

--- Это потому, что я более цивилизованный, чем вы, животные, и не должен мириться с таким оскорблением, --- громко произносит он, отставляя тарелку в сторону.

--- Ты снова отобрал еду у Кронина, --- это утверждение, а не вопрос.

--- Я попросил его разделить рацион со мной, --- говорит он с кривой ухмылочкой, --- он не отказался.

--- Он сказал: «И щедрость Императора ниспадет на их, кто тяжко трудится во славу его», --- делает замечание, стоящий за мной Пол, --- по мне, так это больше похоже на: «отвали от меня».

--- Я последний раз предупреждаю тебя, Роллис, --- тяжело произношу я, его распухшее лицо вызывает во мне отвращение, --- больше предупреждений не будет.

Его глаза наполняются страхом, и он открывает рот, чтобы что-то сказать, но

той ботинок вышибает ему на колени
окровавленные зубы. Он хватается руками
за челюсть, скулит от боли. Когда я
разворачиваюсь чтобы уйти, слышу
движение за спиной, и смотрю через плечо.

— Нагла! — ругается он, наполовину
встав на ноги, по его подбородку течет
кровь и слюна. — Я отплашу тебе за это,
ты, ханшешкий сын орка!

— Продолжай также, и в будущем
тебе понадобится сунчик, — со слехом
отвечаю я. Мне было бы жаль этот кусок
дерьма зрокса, если бы он не был таким
отмороженным козлом.

Он снова резко опускается обратно,
пробуя свои зубы пальцем, его глаза
источают чистый яд. Если бы они, правда,
могли убивать, на мои пальцы ног уже бы
вешали бирку.

— Если он попытается еще раз это
сделать, — говорю я Полу, — сломайте ему
пальцы на левой руке. Тогда ему будет
сложнее есть, но нажимать на спусковой
крючок он все равно сможет. Я вас
прикрою.

Пол оглядывается на предателя, явно

стакую эту мысль.

--- Я надеюсь, что он попытается, ---
трачно произносит он, пристально глядя
на Поллиса, -

я просто надеюсь на это...

ПОД тусклым рутяным сиянием
старого солнца, неумолто двигался
вперед флот тиранидов. Меньшие
корабли-трүтни толпились под
массивным, покрытым кратерами
панцирем корабля-улья, большие по
размерам суда медленно скручивались друг
с другом, чтобы войти в спячку, которая
позволит им преодолеть огромное
расстояние между звездами. Рассеивались
облака спор, медленно разлетаясь под
действием солнечного ветра. Один корабль
улья все еще не спал, его питающие
щупальца были обернуты вокруг разбитого
корпуса боевого корабля Империи, вы-
плевывая минеральное содержимое,
плоть мертвого экипажа, высасывая воздух
изнутри корабля для своих нужд.

Флотилия био-кораблей заполонила
все небо, подгоняемая инстинктом снова

впасть в спячку, пока не найдут новую добычу и новые ресурсы для поглощения. На их пути оставались голые скалы, кружащиеся по орбите вокруг солнца, очищенные от любых органических частиц, на них не осталось ничего, кроме самых основных химических соединений. Ничего не осталось на разграбленной планете Лангоста III. Ничто не свидетельствовало о том, что здесь когда-то жили люди. Все что осталось — лишенный атмосферы астероид, неотмеченная могила трех миллионов человек. От них остался только чистый генетический материал, хранимый внутри огромного корабля-улья, готовый превратиться в еще одну армию охотников, в еще одну армию стертоносных существ.

Глава вторая.

Ложная Надежда.

+++ Операция Новое Солнце действует, готовы к вашему прибытию. +++

+++ Операция Сбор готова перейти в следующую стадию. +++

Можно сказать, что когда вас выкидывает из варп-пространства, вы чувствуете, словно ваше тело вывернулось наизнанку какая-то гигантская, невидимая длань. Вы можете сказать, что это как будто вас рассеяли на частицы и затем собрали обратно в реальной вселенной. Можно сказать, что твой разум гудит от подобия рождения и смерти, каждое из них всасывается в твоем мозгу и затем мгновенно исчезает. Я слышал, как другие солдаты и путешественники описывали это именно так, и еще множеством других причудливых сравнений. Вы можете сказать, что это очень похоже

описание, но соврете, потому что это не
похоже ни на что. По правде говоря, вы
совсем едва ли заметите, как вас выкинет
из варп-пространства. Где-то на загворках
разума вы чувствуете небольшое давление,
а затем вроде как напряжение спадает,
словно вы только что долбанули каких-то
стимуляторов или что-то в этом роде.
Тебе становится чуть легче, дышится
чутьочку спокойнее. Что ж, вот именно
так это всегда происходило со мной, и
никто еще не дал более точного описания
того, что знаю я. Опять же, может быть,
вы на самом деле ничего такого не
испытывали; возможно, все это просто у
вас голове. Я знаю, что меня чертовски
хорошо отпускает каждый раз, когда мы
вываливается обратно в реальный космос,
потому здесь намного меньше опасности,
чем там, на Той стороне. Принимая во
внимание компанию, в которой я оказался в
эти дни, а это чертовски много о чем
говорит, потому что каждый выход был
только прелюдией к следующей кровавой
бумбе.

Я стою на верхней галерее правого

борта, вместе с еще двумя десятками
штрафников «Последнего Шанса». Ряд
иллюминаторов справа тянется на
несколько сотен метров. Деревянная стена
внутренней переборки, сплошь обитая
деревом, тянется во все стороны, оставляя
огромный коридор тридцати метров
шириной, вдоль которого мы бегаем туда-
сюда, но не оставляет ни единого
укромного уголка или трещинки в
невыразительной комнате, где можно было
бы укрыться. В каждом конце галереи
только одна дверь, охраняемая взводом с
заряженными дробовиками. Запечатанные,
стерилизованные, безопасные. Как раз то,
что хотел Полковник. Нам повезло, что
мы тренируемся, когда начинается
высадка. Из обзора массивных
иллюминаторов с большим трудом
исчезают шаттлы, открывая далекую
голубую звезду. Мы все еще достаточно
далеко, чтобы разглядеть планеты, нам
все еще предстоит войти в систему на
обычных плазменных двигателях.

Пол подходит ко мне, от физических
упражнений с него капает пот.

--- Где мы? --- спрашивает он, протирая лоб тыльной стороной своей здоровой руки.

--- Ни одной долбаной идеи, --- сильно пожав плечами, отвечаю я. Уголкем глаза замечаю, что у ближайшего конца галереи за нами наблюдает флотский офицер. Он ходит туда-сюда, излучая одновременно самоуверенность и нервозность. Не спрашивайте у меня, как ему это удается, но, кажется, что он просто сочится чувством превосходства, однако его глаза говорят другое. Остановившись рядом со мной, он быстро оглядывается проверить --- по близости ли остается стража.

--- Что тебе нужно? --- требует он ответа, его губы кривятся, словно он разговаривает с лужицей блевотины.

--- Он просто поинтересовался, где мы, --- с приятной улыбкой отвечаю я. По какой-то причине я нахожусь в хорошем расположении духа. Скорее всего из-за того, что мы вышли из варп-пространства и поэтому сегодня не обращаю внимание на травлю от флотских.

--- Система XV/10 8, вот мы где, --- с

пухтылкой отвечает он.

--- Ах да, --- говорит Пол, кладя руку мне на плечо и наклоняясь к офицеру, --- XV/108? Это же рядом с XV/109. Я слышал о ней.

--- Да? --- явно удивленно спрашивает лейтенант, выпрямляясь по струнке.

--- Да, конечно, --- говорит Пол, его голос остается невозмутимым, а лицо излучает искренность, --- я слышал, что это страна Гроксов. Куда не глянь, ничего кроме гроксовых ферм. Говорили, что парни там так прикипели к гроксам, что живут с ними, спят с ними и даже детей делают.

--- Правда? --- спрашивает лейтенант, в этот момент его пухлое лицо кривится в подлинном отвращении.

--- Ага, --- продолжает Пол, хитро глядя на меня, пока не заметил флотский, --- по правде, взглянув на тебя, я тут подумал... А ты уверен, что твоя мамаша не была гроксом, а папаша одиноким фермером?

--- Конечно нет, мой отец был... --- начинается он до того как осознает, что на

самом деле только что сказал Пол.

--- Будьте вы прокляты, штрафное
отребье! Шеффер услышит об этом
оскорблении!

--- Для тебя Полковник Шеффер,
грохочущий сынишка, --- отвечает Пол,
внезапно становясь серьезным, и
пристально смотрит на лейтенанта, ---
вам флотским давно уже пора запомнить.

--- Вот так боец, да? --- огрызается
лейтенант, делая шаг в нашу сторону. ---
Когда плетью будет срезать полосы кожи с
твоей спины, ты тоже надолго запомнишь,
что это сделал с тобой флотский!

После этих слов он разворачивается
на месте и марширует обратно, толстые
каблуки его ботинок громко стучат по
покрытому деревом полу. Мы вместе с
Полом просто загибаются от смеха, и я
вижу, как его плечи напрягаются еще
сильнее. Проходит пара минут, прежде
чем мы снова можем контролировать себя
--- каждый раз, когда я смотрю на Пола, я
вижу его невинное лицо и взбешенный
взгляд лейтенанта.

--- У нее нет даже треклятого

имени, — говорит Пол, когда немного успокаивается и встает рядом с ближайшим иллюминатором, на фоне темноты костюма в огромном арочном иллюминаторе, который возвышается над нами, по крайней мере, метров на десять, он выглядит бледным.

— Это беспокоит, — соглашаюсь я, вставая рядом с ним, — даже недавно открытые системы обычно получают имя, даже если это имя корабля или человека, который открыл ее.

— Без имени, без имени..., — секунду борочет себе под нос Пол, после чего смотрит на меня и сжимает руку с крюком за спиной на манер офицера или кого-то в этом духе, — мне вдруг пришла мысль. Если нет имени, то может быть это мертвая система. Значит, здесь нет населенных планет. Верно?

— Может быть, — отвечаю я, хотя точно не уверен. В отличие от Пола, который прошел Схолу Прогениум, мое образование по большей части состояло из того, как обращаться с лазерным токарным станком и парировать удар

монора лолот.

--- И мертвая система подходящее место устроить штрафную колонию... --- предполагает он и отворачивается от иллюминатора, на сей раз больше заинтересовавшись инеем.

--- Ты думаешь, они сошлют нас? --- недоверчиво спрашиваю я.

--- Конечно, нет, --- отвечает он, все еще пялясь в иллюминатор, --- но нам могут подкинуть еще бойцов, это разумно.

--- Понял твою мысль, --- говорю я и приваливаюсь к толстому, бронированному стеклу, --- прошло уже два с половиной года, а у нас только один новый человек.

--- И, может быть, он организует из нас как один большой взвод, чтобы освободить место для новичков, --- с задумчивым выражением лица говорит Пол.

--- Хотя погожди, --- произношу я. Внезапно в голову приходит одна мысль: --- Разве не будет лучше поставить старичков во главе отделений и взводов?

--- Что? Чтобы мы показывали им все выученные нами трюки? --- со слухом

отвечает он. -- У Полковника точно есть мысли получше.

Мы идем слоняться дальше и еще немого болтаем, прогуливаясь туда-сюда по галерее, после чего один из охраны заставляет нас упражняться дальше, а не бездельничать. Мы болтаем о том, чем будем заниматься, если вообще когда-либо свалим из «Последнего шанса», когда нас прерывают.

-- Лейтенант Кейдж! -- рявкает голос у меня за спиной, и я автоматически вытягиваюсь по струнке, строевые тренировки вбили в меня так крепко, что я до сих пор не могу заставить себя не реагировать на такой волевой голос.

-- Чур меня Император, это Полковник, -- шипит Пол, вытягиваясь слева от меня, -- этот поганый флотский ублюдок заложил нас.

Полковник идет позади нас. Я слышу его медленные, уверенные шаги.

-- Гвардейцы, кругом, -- приказывает он, и мы оба абсолютно синхронно разворачиваемся на месте, движимые скорее инстинктом, чем разумом.

--- Если это насчет флотского лейтенанта, сэр, --- начинаю оправдываться я, но он прерывает меня коротким, рубящим движением руки, его золотые эполеты качаются от движения.

--- Между нами, --- тихо произносит он, наклоняясь, чтобы смотреть нам в лица, --- меня не волнует, что флот Империи думает о вас. Ничто не может быть хуже моего мнения.

Секунду мы стоим в молчании, пока он внимательно смотрит на нас обоих. Кашлянув и прочистив горло, он снова выпрямляется.

--- Кейдж, --- говорит он мне, глядя прямо, на остальных штрафников «Последнего шанса» в галерее, --- ты сопроводишь меня в мою каюту после занятий для получения брифинга относительно следующей миссии.

--- Да, сэр! --- гаркаю я, сохраняя нейтральное выражение лица, хотя внутри ощущаю, словно меня бросили на палубу, и вбивают головой в деревянные доски. Расслабленность, которую я чувствовал последний час после выхода из

варна, полностью исчезла и в мои мышцы и кости возвращается напряжение. Значит, мы снова будем сражаться. Никаких новобранцев, никакой новой крови. Только новое сражение в какой-то другой кровавой войне. Возможно, до последнего вздоха. Что ж, такова жизнь в «Последнем шансе». Это все, что нам остается.

* * *

ОХРАННИК вежливо стучит в общую лакированную дверь, после чего открывает ее внутрь и дулом гробовика приглашает меня войти. Я шагаю внутрь, как делал это десятки раз раньше, и вытягиваюсь, мои начищенные ботинки тонут в густом ковре. Я слышу, как за спиной закрывается дверь и удар ботинок охранника по палубе коридора, вставшего на стражу.

Полковник поднимает взгляд из-за массивного стола, затем снова смотрит в инфопланишет перед собой, кажется,

мгновенно забыв о моем присутствии. Он
сжимает большой палец в
идентификационную панель на боку
инфопланишета и тот жужжит, по звуку я
распознаю операцию удаления данных. Он
осторожно кладет аппарат на стол перед
собой, параллельно ближайшему ко мне
краю, после чего снова смотрит на меня.

--- Вольно, --- приказывает он, вставая.
Сжав руки за спиной, он несколько секунд
теряет коленату шагами позади кресла с
высокой спинкой. Тогда я осознаю, что
именно эту позу имитировал Пол чуть
раньше и с трудом сдерживаю устешку. Он
останавливается и пристально смотрит
на меня. От испуга я сглатываю, на
секунду веря, что он может читать мои
мысли.

--- Тираниды, Кейдж, --- прямо
заявляет он, снова шагая туда обратно и
глядя в пол.

--- Что... что по поводу них, сэр? ---
через секунду спрашиваю я, осознав, что он
ожидает от меня каких-то слов.

--- Некоторые из них могут быть в
этой системе, --- отвечает он, все еще не

глядя на меня, но по его позе я каким-то образом могу сказать, что все его чувства все еще обращены ко мне.

--- Значит, для нас мало что тут осталось, --- смело говорю я, надеясь, что возможно ты прибыл слишком поздно, и что на этот раз пропустил сражение.

--- Может быть, Кейдж, --- медленно произносит он, останавливаясь и глядя прямо на меня, -

мы здесь, чтобы установить, почему потеряна связь с нашей заставой на третьей планете. Мы подозреваем, что сюда был направлен маленький разведывательный флот от Кракена.

Когда он поворачивается к столу, чтобы взять прозрачный лист с терминала считывателя, и я задумываюсь о том, кого он имеет в виду под «мы». Насколько я знаю --- мы всего лишь преступный элемент, скачущий по этой части галактики, и по пути попадающий на любые войны, с которыми нам повезло оказаться рядом. Я ни разу не слышал о вышестоящем начальстве Полковника, если такое вообще

существовало.

--- Ты помнишь первое сражение этих штрафников «Последнего шанса»? --- Внезапно спрашивает он, снова садясь, более расслабленный, чем был секунду назад.

--- Конечно, сэр, --- мгновенно отвечаю я, задумываясь, что он имеет ввиду под «этими» штрафниками, --- никогда не забуду Учар IV. Хотел бы, и даже пытался, но никогда не забуду.

Он отвечает уклончивым ворчанием и протягивает мне лист. Тот покрыт линиями и кругами, и я осознаю, что это какая-то звездная карта. На ней крошечные нарисованные руны около крестов, переходящих в дуги, идущие от одного конца к другому, но насколько я могу понять, эта надпись может быть и на харангарском. Я тупо смотрю на Полковника, и он осознает, что я понятия не имею, что держу в руках.

--- Кажется, что защита Учара IV не обязательно была лучшим планом в мире, --- тяжело произносит он, выдерживая лист из моих пальцев и кладя его в конверт из тонкого пергамента в центр стола.

--- Спасение ста девяност
миллиардов человек было плохим планом,
сэр? --- спрашиваю я, пораженный тем, что
подразумевает Полковник.

--- Если этим мы обрекли пятьсот
миллиардов на гибель --- тогда да, ---
отвечает он, строго взглянув на меня,
предупреждая, дабы я не развивал эту
мысль.

--- Пятьсот миллиардов, сэр? ---
спрашиваю я, полностью запутанный и
неуверенный о чем говорит Полковник.

--- Когда мы сломали флот
тиранидов, атакующий Цар IV, большая
часть его не была уничтожена, ---
отвечает он, наклонившись вперед, чтобы
поставить локти на полированный
император столешницы. Его руки, облаченные
в черные перчатки, сжимаются.

--- Эта часть флота-улья Кракен
просто раскололась. Многих мы
утрудились выследить и уничтожить,
пока тираниды все еще приходили в себя
после поражения. Однако мы думаем, что
значительная часть выживших, которые
атаковали Цар-IV, объединились в новый

флот и отправились в другом направлении. Невозможно сказать точно, куда они отправились, но доклады с наблюдательных станций и патрульных кораблей указывают, что курс может лежать прямо в центр сектора, в котором мы сейчас находимся. В сектор Тифон. Если бы мы позволили им взять Учар-IV, то могли бы собрать больше сил для обороны, и уничтожить тиранидов полностью, вместо того, чтобы рассеять их к черту на рога, где не сможет найти их и где нельзя отследить их, пока не станет слишком поздно.

--- Значит, вместо потери планеты, мы можем потерять весь сектор Тифон? --- спрашиваю я, наконец-то понимая, что подразумевает Полковник. --- Именно здесь могут погибнуть пятьсот миллиардов?

--- Теперь ты понимаешь, почему так важно узнать, куда именно направляется флот-улей? --- спрашивает он, его костлявое лицо серьезно как никогда.

--- Определенно, сэр, --- отвечаю я, моя голова кружится от мысли, что может произойти. Это такое количество людей,

что вы даже представить себе не можете. Это больше чем в улье, даже больше, чем в целом мире-улье. И если тиранидов не остановить, пятьсот миллиардов человек — все они будут сожраны чудовищными, бесчувственными ксеносами.

СОН в этот раз немного другой: мы защищаем огню из наших собственных факторий от бесформенных зеленых человечков, которых я никогда не видел прежде. Атакую меня, они шипят и кудахчут, их отдаленно напоминающие человеческие тела, покрытые чем-то похожим на чешуйки, шевелятся и изменяются.

Звук рядом со мной выдерживает меня из сна, и я замечаю нависшую надо мной тень. Прежде чем я что-то успеваю сделать, что-то тяжелое падает на мое лицо и затыкает рот и нос, удушья. Я взбрыкиваю, но когда втягиваю немного воздуха, что-то бьет меня в живот и выбивает остатки воздуха из легких. Я беспомощно кручусь несколько секунд, слышу, как другой мужчина пыхтит.

ощущаю тепло от его тела, когда он
взбирается на меня. Ткань на моем лице
воняет омерзительным и застарелым
потом, заставляя меня еще сильнее
закрыть рот.

Внезапно с меня снимают тяжесть, я
слышу пронзительное хихиканье и
отдышку. Я отбрасываю эту штуку с лица
--- всего лишь рубашка --- и вижу Роллиса.
За ним стоит Кронин, вокруг шеи
предателя обернут носок, узел на нем
жестко вжимается ему в трахею. Бывший
лейтенант снова хихикает.

--- Да свершится месть Императора,
сказал Святой Тафистис, --- стеемся
Кронин, сильнее затягивая
импровизированную гарроту и опрокидывая
Роллиса спиной на палубу. Кронин
наклоняется над плечом Роллиса,
скручивая носок сильнее и кусает того за
ухо, после чего поднимает взгляд и
устехается мне, кровь капает с его
подбородка на шею Роллиса. К этому
моменту лицо Роллиса синеет, под его
массивными бровями выпирают глаза. Я
неустойчиво поднимаюсь, моя голова все

еще шутит от удущья.

— Отпусти его, Кронин, — говорю я, шатко сделав шаг в его сторону. Если Роллиса убьют здесь, то казнят Кронина, а возможно и меня. Полковник отдавал такие приказы раньше; и не стущаясь, прикажет еще раз.

— Да ниспадает вечная благодарность Императора на тех, кто щегр в своих дарах, — отвечает он, на его узком лице появляется жалобное выражение, и он слизывает кровь с губ.

— Давай, — тихо говорю я. С еще одним горестным взглядом Кронин отпускает Роллиса и тот резко валится на палубу, вцепившись в свое горло и задыхаясь. Я ставлю ногу ему на спину и переворачиваю, прищиплив податливое тело к полу. Скрестив руки и положив их на колени, я наклоняюсь вперед, еще сильнее вжимая его тяжело поднимающуюся грудь.

— Ты еще не достаточно страдал за свои преступления, слишком быстро ты не умрешь, — шиплю я ему, — а когда настрадаешься, я буду тем, кто тебя

прихлопнет.

--- ЭТО гурная идея, --- говорит Линскраг, после чего глубоко вздыхает и делает глоток из фляжки. Мы на небольшом привале на марше, сидим в гряди джунглей. В деревьях повсюду чирикают, свистят и визжат птицы. Мимо пролетают насекомые размером с большой палец, и я стахиваю одного, который пытается сесть на руку. Кто может сказать, что я пойтаю, если он грызнет меня. Мелькают ярко раскрашенные крылья дроух, и жуки, размером с мою ступню, суетливо несутся к свету на дальнем конце тропинки, в трех метрах впереди. Воздух горячий и влажный, пропитывает нас влагой и собственным потом, который сочится из каждой части моего тела, даже пока я отдыхаю.

--- Что именно гурная идея? --- кисло взглянув, спрашиваю я. --- Угми через зеленую адскую дыру, пока тебя медленно пожирают тухи, утонать в собственном поте и задохнуться от серных испарений?

Не вижу ничего хорошего в этой идее.

--- Нет, я не об этом, --- говорит он, отмахиваясь, --- я говорю о том, что мы идем по этой тропинке.

--- Найти ее, было единственным хорошим событием, которое приключилось с тех пор, как мы приземлились на этом забытый Императором мир джунглей, --- с горечью отвечаю я, снятая правый ботинок и массируя покрывшуюся пузырями ногу.

--- Это определенно зверь протоптал ее в подлеске. Я имею ввиду, что мы уже потеряли восьтерых, всего лишь за пятнадцать часов! Мы тонули в болотах, падали в невидимые расселины, были отравлены излобразами, подхватили кровоточивость глаз и черную рвоту, укушены змеями и птицами. Какая-то доблестная болотная крыса оттяпала ногу Дрокену и мы все тучительно сдохнем, если не найдем заставу в следующие день, два.

--- Ты знаешь, почему здесь тропинка? --- спрашивает Линскраг, склонившись на меня, осторожно

присаживаясь на сваленное дерево, его худощавые мускулистые очертания виднеются через прилипшую к телу и промокшую от пота рубашку.

--- Я не знаю. Потому что Император любит нас? --- спрашиваю я, стаскивая промокший от пота и болотной воды носок с ноги и выжимая его.

--- Потому что здесь постоянно ходят звери, --- говорит он, морща нос, при виде как я массирую ногу, --- они ходят здесь достаточно часто, вот почему сформировалась тропинка.

--- Очень интересно, --- сухо отвечаю я и соскальзываю ногой в свой влажный ботинок.

--- Дома в поместье меня учили охотиться, --- проникательно отвечает он, накручивая колпачок обратно на бутылку с водой.

Готов поставить, что так и было, думаю я. Линскраз когда-то был бароном на Коралле и рассказывал, что политические оппоненты фракнули его в пух и прах, пришив ему нелегализованную работоторговлю. Он никогда не был в

Гвардии до «Последнего шанса», так что кем бы ни были его враги, в свое время они, должно быть, потянули за некоторые ниточки.

--- Чем это поможет в охоте? --- спрашиваю я, меняя ногу, пока пытаюсь согнуть пальцы на правой внутри влажного ботинка.

--- Именно здесь они ищут жертву, --- преувеличенным терпением отвечает он, разворачивая свое хищное лицо и глядя на меня через плечо со снисходительностью в глазах.

--- Но если ты это знаешь, --- говорю я медленно, когда шестереночки в голове начинают приходить в движение, --- то другие звери не знают?

--- Другие хищники знают... --- тихо отвечает он.

--- Что? --- я почти ору на него. Другие штрафники «Последнего шанса» торопливо смотрят в мою сторону, их руки инстинктивно тянутся к лазганам.

--- Ты итеешь ввиду... что вдоль нее охотятся звери?

--- Ага, --- говорит Линскраз, медленно

и беспечно кивая.

— А тебе в голову не приходило сказать об этом Полковнику? — спрашиваю я и отчаянно пытаюсь сохранить самообладание.

— А, я уверен, что он знает, — отвечает Линскраз, снятая шлем и стирая пот с глинных волос, — у нашего Полковника взгляд охотника.

— Значит, здесь безопаснее, чем в джунглях, — говорю я, несколько успокаиваясь, — я имею ввиду, что полностью как ты говорил раньше, что огромным хищникам нужна большая территория, так что их не может быть много в округе.

— Не могу сказать, что заметил, как Полковник особо печется о нашей безопасности, — водружая шлем обратно, хохочет барон.

— Думаю да, — соглашаюсь я, корча гримасу.

— Конец привала! — я слышу, как дальше по тропинке орет Полковник. Мы в конце колонны, приглядываем за теми, кто пытается слиться или затеряться. Тем не менее, Полковник не знал ни одного

идуота, который бы думал, что в одиночку
выживет в мире-смерти как этот, так
что лучше было не теряться.

--- Большинство зверей убивают
только когда голодны, так ведь? --- в
поисках небольшого успокоение я
спрашиваю Линскрага, пока мы идем вдоль
тропинке по лодыжку в грязи.

--- Нет, --- отвечает он, энергично
качая головой, --- большинство хищников
едят только когда голодны. Некоторые
убивают из-за чистой злобы, в то время
как большинство очень агрессивно, и
атакуют любую угрозу их территории.

--- Под угрозой, --- медленно произношу
я, подталкивая кобурку пистолета поближе
к воспаленному бедру, --- ты же не имеешь
ввиду две сотни вооруженных бойцов,
марширующих вдоль твоих излюбленных
охотничьих угодий, а?

--- Что ж, не могу говорить за
местное зверье, --- с улыбкой отвечает он, ---
но на Коралле есть огромный кот, его
называют крюкоклык и он атакует все,
что увидит размером с человека или
больше. Не думаю, что хищники

пытающиеся выжить на мире-смерти
менее озлобленные.

Мы таршируем в тишине, облака
разражаются брызгами дождя. Он шел
почти постоянно с тех пор, как мы вчера
приземлились, за исключением последних
нескольких часов. Я позволяю разуму
отвлечься, забыть об усталости ног,
думая про нашу миссию. Мы пришли на
«Ложную Надежду», планету с уникально
депрессивным названием, потому что
потеряли связь с заставой, где было ни
много, ни мало, двести душ. Эту планету
называли «Ложной Надеждой» потому что
люди, которые изначально приземлились
здесь, пострадали в результате поломки
варп-двигателей, и их бесцеремонно
выкинуло в реальный космос. Корабль был
сильно поврежден в результате
катастрофы, и они думали, что обречены,
пока не наткнулись на обитаемый мир.
Они утварились благополучно сесть и
развернули лагерь. Спустя семьдесят пять
лет патрульное судно флота отозвалось
на их автоматический призыв о помощи, и
приземлившись, не нашло ничего, кроме

корабля, практически поглощенного джунглями. Вероятно, капитан сохранил дневник, который и поведал как пятьсот членов экипажа сдохли в течение года. Он утер последний. Последняя запись в дневнике была типа что-то этого: «кажется то, что мы считали своим спасением, обернулось для нас ложной надеждой». Я полагаю, вот так и прилипло иля.

Я узнал это от одного из членов экипажа шаттла, рядового Джемисона. Действительно приятный парень, несмотря на то, что флотский. Мы гораздо лучше сошлись с обычными рядовыми, чем с охраной, и намного лучше, чем с офицерами. Я полагаю, потому что большинство из них никогда не хотели очутиться на своем месте, их просто силком загнали во флот. Тем не менее, вскоре старшие вгубасили им в головы, что флот лучше чем Гвардия. Я не знаю, как давно продолжается вражда между флотом и Гвардией, возможно с тех самых пор, как их разделили после Великой Ереси. Это одно из первых, что я

узнал, когда вступил в Имперскую Гвардию — Флот и Гвардию не смешивать. Я имею ввиду, как можно уважать Флот, когда они думают, что могут справиться с чем угодно, просто устранив угрозу еще до того, как она достигнет планеты. В половине гребанных случаев, они даже не знают об угрозе, пока не становится слишком поздно. И тогда они отвечают на нее, раздолбав с орбиты все к фразговой бабушке из своих огромных пушек. Я не стратег, но без Гвардии, ведущей наземные войны, я считаю, что Флот был бы практически бесполезен. Все, на что они годятся, так это перебросить нас из одной боевой зоны в другую относительно целыми.

Раздражающий дождь забарабанил по моему лицу. Кажется, здесь не бывает бұрь, просто постоянно льет, так что практически ничего невозможно сохранить сухим. Некоторые бойцы жалуются, что нашли резко пахнущую плесень, растущую на их рюкзаках, а это плохо.

В любом случае, мы потеряли

контакт с заставой на Ложной Надежде и
Полковник, и кем бы ни были эти
мистические «мы», решили, что, должно
быть, тут побывали тираниды, возможно
небольшой корабль. Это было очевидным,
что ничего размером с корабль-улей сюда
не прилетало, в противном случае, вся
планета к этому времени была бы уже
разграблена подчистую. Они бы закатали
тут настоящее пиршество, со всеми
этими различными животными в
качестве закуски и для мутации. Но
Полковник считает, что там, где
появилось несколько нидов, вскоре появится
больше. Я знаю об этом по Учару-IV и
Узбавлению. Они посылают разведку: на
поверхности используют скользких
фраккеров, которых мы называем
«ликторы», для поиска мест с наибольшей
концентрацией жертв. Эти ликторы,
говорят, превосходные хищники.
Считается, что они могут выследить
единственного человека в пустыне, и если
этого не достаточно, то они столь
стерпоносны, со своими когтями-косами,
что могут разорвать человека или двух

быстрее молнии. Когда они находят какое-то стоящее место, тогда и остальной рой летит на вечеринку. Не спрашивайте меня, как они держат связь со всеми этими разведывательными флотами и тварями, видимо, как-то утвдряются. Если в секторе Тифон есть тираниды, наша работа выследить их и убить до того, как они выйдут на связь или что-то там они делают для этого. Если мы не преуспеем, проинформировал меня Полковник, тогда в следующую пару лет сюда прилетят сотни кораблей-ульев, готовых сожрать все на сотни световых лет в любом направлении.

— Кедйж! — шепчет мне в ухо Линскраг, прерывая мои размышления.

— Что? — рычу я, раздраженный на него за это.

— Заткнись и слушай! — остановившись, он щерится в ответ, после чего прикладывает палец к губам и сужает глаза. Я делаю, как он сказал, медленно дышу, стараясь уловить звуки джунглей вокруг нас. Я могу слышать только дробь дождя по листьям и плеск в

гряди на тропинке. В кронах деревьев
шумит слабый ветер.

--- Ничего не слышу, --- отвечаю я ему,
простояв около минуты.

--- Уменно, --- настойчиво кивнув,
отвечает он, --- с тех пор как мы
приземлились, все вокруг поистине вопило,
насекомые и птицы, теперь не слышно
даже писка!

--- Сержант Бексбауэр! --- подзываю я
ближайшего бойца перед нами, который
остановился и смотрит на нас, вероятно
раздумывая, а не решили ли мы, несмотря
на низкие шансы прожить долго в этом
месте, сделать ноги. --- Уди и позови
Полковника из головы колонны. Возможно,
у нас проблемы.

Он машет рукой и бежит по
тропинке, расталкивая плечами парней,
большим пальцем указывая в нашу сторону
и отправляя их к нам. Среди них я вижу
Франкса, который лопитесь прямо к нам.
Он трясет под дождем и по лужам, затем
внезапно его глаза расширяются и он
открывает рот, чтобы заорать, но не
издает ни звука. Он пытается резко

остановиться, его ноги проскальзывают, опрокидывая сержанта спиной в грязь. Я слышу, как сдавленно глотает Линскраз, и бросаю взгляд через плечо. От того, что я вижу, мое сердце прекратило биться, кажется, на целую вечность.

Примерно в пятидесяти метрах позади нас, меж деревьев выступает вперед огромная голова рептилии, глиной с меня. Ее желтые глаза размером с тарелку свирепо смотрят прямо на нас, вместо черного зрачка вертикальная щель.

— Стой спокойно, — уголком рта говорит мне Линскраз, — некоторые ящерицы не видят неподвижные предметы.

Ручейки пота и холодок бегут по моей спине, и мне хочется загрохать.

— Какого флага нам делать? — напряженным голосом спрашиваю я, медленно продвигая правую руку к висящему в кобуре на поясе лазерному.

— Ты думаешь, он поранит ее? — шепчет Линскраз.

Зверюга делает пару шагов вперед, массивные мускулистые плечи гнут стоящие на пути стволы деревьев. Она

покрыта чешуйками размером с мое лицо, зелеными и блестящими, которые превосходно сливаются с окружением и промоченной листвой деревьев. Ее камуфляж почти совершенство, а так понимаю, мы могли просто пройти мимо нее. Она делает еще один шаг, и я вижу, как ее ноздри раздуваются, нюхая воздух.

--- Есть шансы, что она жрет кусты и прочую хрень? --- шепчу я Линскрагу, не особо на это надеясь. В качестве ответа распахивается огромная пасть, являя ряд за рядом зазубренные зубы, явно предназначенные рвать плоть и крушить кости.

--- Не думаю, --- отвечает Линскраг, медленно делая шаг назад, скорее шаркая ногой по грязи, чем выдерживая ее. Я следую его примеру, скользя ботинками по лужам, пока мы медленно отходим назад.

--- Что за задержка? --- слышу я, как кричит кто-то, но не остеливаюсь оглянуться назад, чтобы посмотреть кто это.

Огромная голова рептилии покачивается влево и вправо, стараясь

двумя глазами рассмотреть нас на тропинке. Она фыркает и четыре огромных ноги бегут вразвалочку, толстая шкура царапает кору деревьев по обеим сторонам тропинки, хвост описывает широкие дуги из стороны в сторону, разбивая в щепки ветки толщиной с мою руку.

--- Может уже пора бежать? --- спрашиваю я Линскрага, мою челюсть сводит от страха, грохот начинается подниматься от ног и выше.

--- Еще нет, --- говорит он, и я слышу, как он тяжело, но устойчиво дышит, словно успокаивает себя, --- еще нет.

Эта тварь кидается по тропинке к нам, набирая скорость, и я ощущаю, как дрожит земля от ударов ее огромного веса. Она больше чем боевой танк, где-то одиннадцати метров глиной, не считая хвоста. Я могу различить ее глубокое дыхание и постоянный рык, который становится громче с каждой секундой. Она набирает ускорение, теперь уже двигается со скоростью неторопливо бегущего человека и разгоняется все сильнее.

Остается около десяти метров, когда я чувствую, что Линскраз дернулся.

— Бежим! — он орет мне в ухо, отталкивает в сторону деревьев и приземляется на меня сверху, выбивая при этом дыхание.

Голова хищной рептилии поворачивается в нашем направлении и, пробегая мимо, ее челюсти щелкают, но она бежит слишком быстро, чтобы остановиться. Пока она грохочет вдоль тропинки, мы вскакиваем и прыгаем обратно — я уже выучил, что валяются в подлеске Ложной Надежды подобно самоубийству.

Впереди нас штрафники «Последнего Шанса» разбегаются, словно мухи от атакующего грила, прыгая в разных направлениях, некоторые из них разворачиваются, дабы попытаться опередить хищника. Я вижу, как Франк отскакивает в сторону, но внезапно в его грудь бьет хвост ящерицы и подбрасывает его всего в воздух, пролетев около десяти метров, он неуклюже впечатывается в ствол дерева.

Спереди слышится треск лазганов, я достаю из кобуры пистолет и начинаю стрелять в заднюю часть существа, вспышки лазеров долбят его толстую шкуру без видного эффекта. Линскраз тоже палит от бедра из своего лазгана, когда мы почти одновременно выскакиваем вслед за гигантской рептилией. Интенсивность лазерного огня возрастает, его сопровождают крики боли и вопли ужаса. За огромной тушей монстра сложно что-то разглядеть, все, что я вижу — какое-то мельтешение прыгающих в разные стороны гвардейцев. Время от времени потрясающая пасть зверя хватает одного из них, рвет и откидывает в сторону или перекусывает напополам своими огромными клыками. Она все еще грохочет вдоль тропинки, и я вижу, как ее когтистая лапа опускается на грудь бойца, пытающегося уползти в кусты, тот лопается взрывом из расплюснутых органов и всплесками крови.

— Есть ушные идеи? — я ору Линскразу, останавливаясь и пытаюсь прицелиться рептилии в голову пока та

змеится из стороны в сторону.

--- Сбежать? --- предлагает он, останавливаясь рядом со мной и вытягивая энергоячейку из лазвинтовки. Но он вставляет следующую, то оглядывается, возможно, в поисках какого-нибудь вдохновения.

--- Лазерный огонь не особенно эффективен, нам нужно ударить и сбежать, --- говорит он, отцепляя штык с пояса и прикручивая его к держателю на рукоятке лазгана.

--- Врукопашную? Я думал, это Кронин сошел с ума! --- ору я на него, мое сердце трепещет при мысли о том, чтобы добровольно подойти поближе этой убийственной массе зубов и мышц.

--- Воткнем клинки под чешуйки, в направлении головы и будем толкать глубже, --- с устешкой говорит Линскраг, явно ставящую ситуацию, после чего снова бежит по тропинке.

Как минимум десяток раздавленных тел теперь усеивает тропинку и еще несколько избитых бойцов лежат, издавая стоны. К этому времени монстр уже

прекратил рвать и метать и теперь
твердо стоит на тропинке, голова делает
выпады в сторону гвардейцев вперед.
Линскраг подныривает под пронесшимся со
свистом хвостом и втыкает штык в
желтоватые чешуйки низа живота. Я
вижу, как он широко расставил ноги и
приготовился — сжав зубы и напрягшись, он
погружает штык глубже в плоть ящерицы.
Она издает рев от боли и пытается
развернуться, дабы атаковать нас, но она
слишком громадная, чтобы сделать это
быстро, массивные бока вжимаются в
деревья, а шея не достаточно гибкая,
чтобы извернуться и атаковать нас. Она
шагает назад, сбивая Линскрага на землю,
и сдвигает ногу, чтобы занять выгодную
позицию.

— Какого флага, — слышу я
произнесенное собой, и прыгаю вперед,
хватая Линскрага за воротник одной
рукой, после чего оттаскиваю его. Я слышу
беспомощные крики других бойцов по
сторонам от ящерицы, рев приказов от
Полковника прорезается через их
истеричные вопли. Рентилия

перемещается чуть вперед, теперь она почти под нужным углом к тропинке, ее спина горбится, чтобы освободить еще чуть-чуть места. Я кувыркаюсь вперед, меж ее ног и хватаюсь за винтовку, все еще торчащую из ее живота.

Первый раз у меня не получается, так как ящерица сбросила вес и приклад винтовки болезненно бьет мне по пальцам. Выплевывая несвязные ругательства, я снова ныряю вперед, едва уворачиваясь, когда она снова подает назад, и угрожаю одной рукой достать лазган. Я прикладываюсь плечом к прикладу и поднимаюсь вверх, напрягая каждый мускул в ногах и спине, подошвы скользят и утоняют в грязи. Мои усилия вознаграждены жалобным ревом от боли. Она начинает метаться еще сильнее. Ее задние ноги путаются в шипах кустов рядом с тропинкой и на мгновение она поскользывается. Огромная туша бьет меня в шлест, и я падаю грудью на землю и лицом в лужу. Лазган снова вылетает из моей хватки.

Теперь уже из раны течет темно-

красная кровь, забрызгивая мою голову и плечи. Теперь ящерица изгибается во все стороны, вверх и вниз, влево и вправо, пытаясь засунуть голову под себя. Выдернуть штык или напасть на меня — не известно. Я откатываюсь в сторону как раз во время, задняя нога бьет в грязь, где я лежал, растянувшись под животом чудовищной рептилии.

С головы до ног я в грязи и крови, захлебываюсь и отплевываю грязную воду изо рта. Забитыми грязью глазами я замечаю, как Полковник прыгает вперед со сжатым в руке силовым мечом, дождавшись, как на его иссушающем синем клинке. Без звука он делает выпад, силовой меч попадает ящерицы в торсу, огромный кусок обгоревшей плоти плюхается в грязь. Та пыжится, разрезая своими когтями пространство, где мгновение назад стоял полковник, но он уже шагнул влево. Ящерица снова опускает свою голову в поисках добычи, Полковник бьет отточенным движением, погружая силовой меч прямо в правый глаз. Я вижу, как на пару сантиметров из затылка

гигантского черепа рептилии всунулся кончик клинка, и дико забившись на секунду, она вырывает силовой меч из рук Полковника и заставляет его отступить назад. Все прыгают в разные стороны, пока продолжается предсмертная агония, и я встаю на ноги и снова прыгаю в сторону, когда она бьет в то место, где я лежал. С грохотом, который катится по земле, чудовище наконец-то падает, и последний выдох со свистом выходит из ее искалеченной морды.

Полковник марширует к гигантскому трупу и без особых церемоний выдерживает свой силовой меч столь же легко, словно тот выскакивает из ножен. Зачехляя силовой меч, он смотрит на нас. Глядя вниз и с небрежностью, которую я считал бы вытученной, если бы не знал Полковника, он стирает пятна крови с оплетки рукояти платочком, вытащенным из внутреннего кармана шинели.

--- Хорошо, бойцы, --- говорит он, регулируя положение ножен меча на бедре,

Выясните, кто утер и кто еще

может игти.

И на этом весь инцидент исчерпан, просто еще несколько смертей в кровавой истории «Последнего шанса».

МЫ НАТЫКАЕМСЯ на заставу Ложной Надежды позднее тем же днем, как раз когда садится солнце. Эту минуту мы еще идем в густых джунглях, а в следующую уже на твердой тропе, и рядом стоят здания. Вся застава покрыта лианами и листвой, переплетающимися по стенам и крышам рокритового убежища почти непрерывно.

Мы выходим на дорогу, чуть шире, чем тропинка из грязи, необычные куски камня виднеются в плотном мху под ногами. Нет никаких признаков жизни, просто обычные звуки джунглей. Все выглядит как город-призрак, покинутый уже некоторое время, и отступающий перед вечными притязаниями окружающей растительности. Жутковато, и я дрожу, несмотря на влажную жару. Люди исчезли, словно схваченные рукой неизвестного бога. Здесь поработало что-то дьявольское, я

всем нутром ощущаю это.

Решив осмотреть все вокруг в поисках людей, я с трудом открываю ближайшую дверь, ведущую в квадратное здание слева от меня. Внутри темно, но от прерывистого света, исходящего от двери, я вижу, что здание покинуто. Внутри валяется вырубленная из дерева, разбросанная мебель, возможно из местных порог. Я вижу очаг в центре одной из комнат, но пепел внутри мокрый от дождя, который капает сквозь недостаточно хорошо прикрытый дымоход. Пока я крадусь в темноте, мой нога что-то пинает, и эта штукавина катится по полу. Я шарю вокруг, в поисках потревоженного мной предмета и мои руки натываются на что-то овальное и кожаное.

Я выношу предмет наружу, дабы осмотреть, там меня ожидают Кронин и Ганно, поддерживающие полумертвого Франкса. Казалось, сержант не сильно пострадал в схватке с ящерицей, просто синяки на спине и несколько сломанных ребер, но пару часов назад его начало

лихорадить. На разогранной груди начала
мертветь плоть. На расстоянии
нескольких шагов уже чувствовался страд
инфекции. Он в бреду, моменты
просветления чередуются с вызванными
лихорадкой иллюзиями и бормотанием. Он
продолжает просить есть, но я не думаю,
что он голоден, скорее воспоминания о
фортуне JJ всплывают в его голове. Он в
данный момент застрял в прошлом, его
память снова и снова проигрывает,
возможно, самые важные события в его
жизни.

Предмет в моей руке примерно
тридцати сантиметров глиной и очень
похож на оханку жухлой листвы,
соединенной вместе в небольшую
волокустную связку.

--- Что это такое, растение? ---
спрашивает Ганно, заглядывая мне через
плечо.

--- Что бы это ни было, это может
подождать, --- отвечаю я бывшему
проповеднику, --- нам как можно быстрее
нужно доставить раненых в лазарет.

Бросив странный предмет в грязь, я

хватая Франкса за ноги и взваливаю его на плечо, остальные кладут его руки вокруг своих шей, и мы несем его туда, где, похоже, находится центр заставы Ложной Надежды. Полковник уже стоит там, направляя отделения на обыск поселения призрака, которое в тот момент именно так и выглядит. Других двух раненных, Оклара и Церемию из отделения Франкса, прислонили к стене самого большого здания. Оклар нянчит огрызок правой ноги, Церемия поддерживает рваную повязку на том, что осталось от левой части его лица. Мы оставили трупы семерых погибших там, где сражались с гигантской ящерицей.

--- Где Дрокен, сэр? --- спрашиваю я Полковника, когда мы выходим с боковой улицы на центральную площадь.

--- Он умер от потери крови как раз перед вашим приходом, --- спокойно отвечает он, кивая в сторону здания, где сидят Оклар и Церемия.

--- Должно быть, это главное здание заставы, в нем должен быть лазарет, комната связи и склад припасов.

Разберитесь с ранеными, и потом поищите хоть что-то, что может подсказать нам, что здесь произошло.

Я осознаю, что с самого начала полностью забыл, что мы тут охотимся на нидов. И именно я неуклюже вваливаюсь сюда, даже не проверив, что может притаиться внутри.

Я практически заслужил, чтобы мне оторвали голову за такую глупость. Я вижу, как Полковник в данный момент приказывает провести зачистку поселения, чтобы убедиться, что тут не скрывается никакая мерзость. Он ожидает, что я разберусь с управляющим центром. Я кричу пятерым выжившим из отделения Франкса идти за мной, после чего достаю панель управления и нажимаю на кнопку открытия двери. С шипением дверь скользит в сторону, позволяя сумеркам затопить коридор. Я достаю лазерный пистолет из кобуры и быстро заглядываю за угол, не видя ничего необычного, просто уходящий во тьму коридор с рокровым полом и парой дверей в стенах по обеим сторонам.

примерно в пяти метрах от нас.

--- Что ж, электричество еще есть, --- слышу я, как за спиной громко произносит Хруст.

Я ругаюсь про себя, когда осознаю, что он один из выживших. Мы прозвали его Хруст за его полную неспособность красться куда-либо. Он всегда находил какого-нибудь твиза, чтобы на него наступить, ловил колючую проволоку или сшибал стеклянную утварь, он умудрялся это делать даже в пустыне. Совершенно необходимый мне боец, чтобы незамеченным проскользнуть в здание, потенциально занятое врагом!

--- Хруст, ты остаешься здесь и сторожишь вход, --- говорю я ему, взмахом лезвия пистолета мотивируя остальных зайти внутрь. Он кивает и вытягивается по стойке смирно рядом с дверью, приложив ладан к плечу.

--- Вольно, боец, --- говорю я ему, проходя мимо, слышу, как он облежченно выдыхает. Раздраженно покачав головой, я в полуприсяде начинаю красться по коридору. Из-под двери справа я вижу

искусственный свет, в то время как безлый
остотр левой выявил, что ее замок
активирован. У меня нет времени, чтобы
беспокоится об этом в данный момент, и
знаками показываю четверем бойцам
войти в правую дверь. Внутри
показывается небольшое административное
помещение, освещенное светополосами,
находящимися посередине дальной стены.
Напротив двери, на выглядевши
непрочным столе, стоит переносной
терминал, его экран погашен, панель
интерфейса аккуратно уложена в карман
подзарядки рядом с банками памяти. Я
делаю мысленную пометку вернуться и
попробовать запустить машину, как
только мы убедимся, что остальное
здание чисто. Там же, на другой стороне
от двери стоят стойки с отчетными
свитками, и я беру ближайший снизу,
который должен оказаться одним из
последних. Похоже, что записи велись на
каком-то языке, похожим на Техно-лингву,
который используют техножрецы, но я
распознаю дату в верхнем левом углу. Она
была сделана примерно сорок дней тому

назад, плюс минус пару дней, так что было логичным предположить, что, чтобы тут не произошло, это случилось примерно шесть недель тому назад, если только они по какой-то причине не прекратили вести записи раньше.

Памятуя об экипаже корабля, который нашел Ложную Надежду, я задумываюсь, что жители исследовательской станции, возможно, были перебиты обитателями ужасного мира, где они жили, без участия тиранидов. Но это все равно не делало осторожную зачистку здания менее необходимой. Следующие пять комнат, которые мы проверяем, оказываются спальнями, в каждой стоит по четыре койки, хотя ни на одной нет постельных принадлежностей. Так же не видно каких-либо личных вещей, что усиливает жуткое впечатление от заброшенного поселения, заставляя мои волосы шевелиться на затылке, пока мы осматриваемся, словно на кладбище или что-то в этом роде. Мы продолжаем находить такие же волокнистые стручки.

похожие на подобранный мной в первом здании на окраине. К тому времени, когда мы заканчиваем свои поиски вдоль коридора, у главного входа собирается куча из двадцати или около того стручков. Я не знаю, почему их оставили, когда все остальное исчезло, но эту загадку я буду разгадывать в другое время, есть гораздо более неотложные дела, вроде как убедиться в безопасности.

Все остальные части здания были осмотрены и я вернул свое внимание к запертой двери. Я изучаю запирающий механизм с цифровой клавиатурой рядом с дверью и, похоже, что нет шансов попытаться подобрать шифр.

--- Да к фразе! --- объявляю я всей галактике и шарахаю из лазнистолета в панель, которая взрывается фонтаном зеленых искр. Я слышу, как с другой стороны падает что-то тяжелое, и толкаю дверь, которая с легкостью распахивается внутрь. Держа лазнистолет наготове и присев, я заглядываю внутрь, тут же снова скрываясь из вида. Внутри еще больше

терминалов, хотя эти, кажется, соединены проводами, они стоят на прокрытых постаментов вдоль стен комнаты, примерно двадцати метров в длину и десяти в ширину. На другом конце еще одна, уже открытая дверь и через нее льется свет, виднеются два ряда кроватей. Повсюду стоит тишина, за исключением проникающих снаружи звуков, ни одного движения или других признаков жизни. Все мертво, сообщила обеспокоенная часть моего разума.

Справа еще одна закрытая дверь, и я решаю сначала проверить ее, не желая оставлять за спиной место, в котором можно было потенциально спрятаться. Огромная комната, в которой мы стоим, явно главный контрольный зал, возможно, здесь же находится коммуникационное оборудование. С лазерным наготове мы проскальзываем в дверь справа, но внутри никого нет. Боковая дверь привела нас в огромную комнату, заполненную металлическими клетями на колесах, наполненных коробками маркированных. Углеродом и примечаниями с

гатах отправки. Очевидно, это склад, и, казалось, там находятся обычные боевые рационы, тонники для очищения воды, запасная униформа и какое-то техническое оборудование. Клетки все еще заперты простыми навесными замками, было не похоже, что что-то тут взламывали. Это, возможно, исключает пиратов, эта мысль пришла мне в голову, когда я заглянул в спальни, которые выглядели так, словно их обчистили.

--- Хорошо, давайте проверим камеру, --- говорю я бойцам, расталкивая их и возвращаясь в контрольную комнату. Двое остаются сзади, дабы прикрыть нас лазгангами, в то время как другая пара и я стоим по сторонам от двери. Я быстро заглядываю внутрь, и вижу, что все кровати, по десять с каждой стороны узкой комнаты, пусты. Я ныряю через дверь и прячусь за ближайшей справа, после чего машу остальным, Дональдсону и Фредерикю, следовать за мной влево. Взглянув назад, чтобы проверить, подошли ли к двери бойцы сзади нас, я ползу вдоль пространства между двумя рядами

кроватей, пригнувшись и выставив перед собой лезвие пистолета. Мы почти на середине, в семи-восьми метрах от двери, когда движение справа привлекает мое внимание. В дальнем конце комнаты сводчатый проход, ведущий в своего рода прихожую, и мне показалось, что я вижу внутри какое-то движение.

Я скользнул влево, чтобы лучше рассмотреть, и вижу высокий стол внутри маленькой комнаты, рядом высокая книжная полка, уставленная томами и свернутыми пергаментными свитками. Я слышу, как что-то скребется по полу, возможно, пытаюсь спрятаться за столом. Я указываю пальцем вперед к сводчатому проходу, Фредерик кивает и начинает очень медленно, украдкой приближаться к нему, держа лезвие около груди. На секунду я неглубоко дышу, все мое тело напряглось, готовясь к действию. Я слышу, как стучит мое сердце, кровь стучит в уши, словно шум водонасоса. Кажется, что проходит целая вечность, пока Фредерик пятится к комнате.

Снова показалось движение, и мы

реагирует одновременно, внезапный ливень
лазерных лучей заливает комнату через
арку. Воздух наполняется треском
энергий. Мое сердце молотом стучится в
грудь, радуясь внезапной разрядке, и я
слышу, как рычу сквозь сжатые зубы. Из
комнаты доносится пронзительный визг, и
ты дает еще один залп, стреляя Дональдсон
выплывает сквозь сжатые зубы какие-то
несвязные ругательства, такие же вопли
вылетают от меня, пока я быстро
нажимаю на спусковой крючок
пистолета.

— Да прокляни вас Император,
хватит стрелять! — слышу я визгливый,
напряженный вопль из прихожей. Вся наша
троица пораженно переглядывается.

— Ты кто? — ору я в ответ, целясь из
пистолета в отдаленную комнату на
случай, если покажется тишень.

— Я лейтенант Хопкинс, —
отзывается голос, и он, с поднятыми над
головой руками и нетвердой походкой,
появляется в поле зрения. Он чуть старше
меня, щуплый на вид, с длинными волосами
и беспорядочно торчащей

растительностью на щеках и подбородке. На нем какая-то темная униформа: темнокрасный жилет с белыми бриджами в черных ботинках по колено. На его плече красуется тусклый эполет, кособоко висящий, на такой же изношенной и потертой форме. Я немного расслабляюсь и встаю, все еще целясь в него из лазнистолема. Он ухмыляется, когда видит нашу униформу, опускает руки и делает шаг вперед.

— Фрак тебя, стой, где стоишь! — ору я, шагнув в его сторону и нацелив лазнистолема в голову.

— Вы — Имперская Гвардия? Из какого полка? — грожащим голосом спрашивает он.

Я вижу, как все его тело нервно трясется, очевидно, он обеспокоен тем, что его спасители все еще могут оказаться убийцами.

— Все в порядке, — говорю я ему, опуская лазнистолема, хотя и не ставлю на предохранитель и не убираю в кобур, — мы из 13-го Штрафного Легиона. «Последний Шанс» Полковника Шеффера.

--- Штрафного легиона? --- нечетко
произносит он, после чего снимает свою
остроконечную фуражку и почесывает
голову. --- Какого черта вы здесь делаете?

--- Я думаю, на этот вопрос стоит
ответить вам, --- говорю я.

ДОНАЛЬДСОН под охраной приводит
лейтенанта Хопкинса в
административную комнату. Я сижу
вместе с Полковником, сержантами
Брокером и Розенгом в командном
центре. Он с любопытством
осматривается, видит терминалы,
которые мы утудрились включить.
Снаружи непроглядная тьма; все, что я
мог видеть через маленькое продольное
окно, так это отражение нашей командной
комнаты. Даже через толстые стены я
слышу постоянный стрекот насекомых и
редкие визгливые крики каких-то ночных
птиц или кого-то там.

--- Вы лейтенант Хопкинс из
гарнизонной роты Ложной Надежды, ---
говорит Полковник, -

я --- полковник Шеффер, командующий

13-ым штрафным легионом. Хотелось бы
получить объяснение произошедшему на
Ложной Надежде.

Хопкинс быстро отгадывает честь,
секунду пальцы его правой руки парят
около кончика фуражки, потом он
безвольно опускает руку.

— Хотел бы я, чтобы у меня был
такое, полковник, — извиняющимся тоном
произносит он, бросая долгий взгляд на
пустующий стул рядом с Брокером. Он,
кажется, почти валится с ног, под
глазами виднеются темные круги, со щек
свисает кожа. Полковник кивает на стул,
и Хопкинс с благодарностью садится, с
явным облегчением откидываясь на
высокую спинку. Я отсылаю жестом
Дональдсона, и обращаю свое внимание на
Полковника. Его ледяные, голубые глаза все
еще смотрят на Хопкинса, казалось,
проникая прямо в его душу, стараясь
понять, что он за человек.

— Записи показывают, что по
последним подсчетам на заставе Ложной
Надежды находились семьдесят пять
гвардейцев и сто сорок восемь

гражданских, -- говорит Полковник, глядя на инфопланишет в руках, -- сейчас здесь только вы. Я думаю, вы согласитесь, что ситуация требует расследования.

Хопкинс беспомощно смотрит на Полковника и слабо пожимает плечами.

-- Я не знаю, что произошло с остальными, -- с несчастным видом отвечает он, -- я был заперт здесь в одиночку на тридцать пять дней, пытаюсь выяснить, как заставить работать коммуникационное оборудование.

-- Тогда расскажите мне, что вы узнаете до этого, -- сурово требует Полковник, вручая инфопланишет Розеленгу.

-- Я болел в лазарете, -- рассказывает нам Хопкинс, глядя через проход на камеру, куда мы теперь благополучно перенесли Франкса и остальных. Мы разломали медицинский шкафчик, чтобы достать еще бинтов и стимул-игл. Среди нас не было медиков, так что на все была воля Императора, выживут они или нет.

-- Я слез с отравлением крови, местная чума, которую мы называли

джунглевый гриппом.

Я возглавлял экспедицию через серное болото примерно в двадцати километрах на запад отсюда и схлопотал дозу. Бойцы принесли меня обратно, я помню, как лекарь Мюррей дал мне один из своих эликсиров и затем, я, должно быть, потерял сознание. Когда я очнулся, здесь все уже было так, как вы и застали.

--- До экспедиции, --- спрашивает Полковник, который ни разу не оторвал от него взгляда, --- происходило ли что-нибудь неожиданное? Угрожало ли что-нибудь поселению?

--- Наш командующий, капитан Непетин, вел себя немного странно, --- нахмурившись, признается Хопкинс, --- он с двадцатью бойцами вел какие-то раскопки у Сердца Джунглей, а вернулся один. Он сказал, что они нашли лучшее место для заставы, и что там не столь враждебное окружение, как здесь.

--- Сердце Джунглей? --- спрашиваю я, до того как успеваю остановиться, чем заслуживаю хмурый взгляд Полковника.

--- Да, --- говорит Хопкинс, не заметив

раздражения Полковника, -- самая густая часть джунглей на всей планете, около трех дней марша в сторону экваториального горного хребта. Это было нелепо, поскольку там никогда не было никаких более гостеприимных мест, чем это. Я имею в виду -- вся планета фактически одни большие джунгли, прямо до полюсов. Каждый акр твердой поверхности покрыт деревьями и растениями, ужасными насекомыми, гигантскими хищниками и бесчисленными обратительными инфекциями. Я так и сказал, и другие офицеры, лейтенант Корли и Накситан, согласились со мной.

-- Вы думаете, что капитан Непетин, возможно, уговорил остальных уйти, пока вы были в коме? -- спрашивает Полковник, с отсутствующим видом стуча пальцем по колену.

-- Это маловероятно, сэр, -- с сомнением отвечает Хопкинс, -- они оба были всецело согласны со мной в последний раз, когда я говорил с ними.

Полковник машет рукой сержанту Брокеру, тот достает один из пустых

стрүчков, из сүтки под сүлом и передает
его Хопкинсу.

--- Что это такое? --- спрашивает
Полковник, указывая на предмет в руках
Хопкинса.

--- Никогда не видел ничего такого
прежде, --- отвечает лейтенант, --- я не
био-магос, но он похож на стрүчки с
семенами, которые некоторые местные
деревья выращивают для размножения. Я
боюсь, что лейтенант Наксман был
офицером связи с собратьями из Агентус
Механикус, я мало что знаю по этой
части. Хотя он намного больше, чем те,
что я когда-либо видел, и я уверен, что
запомнил бы образец таких размеров. Если
это действительно стрүчок с семенами,
дерево или куст, откуда он произошел,
должны быть огромными. Даже стрүчок
с дерева выше тридцати метров всего
лишь размером с мою ладонь, в четверть
меньше этого.

--- Он может быть с другого мира? ---
спрашивает Полковник, его выражение
лица остается как всегда нейтральным. Я
пристально смотрю на него, осознавая, что

он думает, что это возможно какой-то организм тиранидов. Я ощущаю острое желание оглянуться, думая о том, что еще может рыскать в джунглях, помимо местных убийц Ложной Надежды.

— Полагаю, что да, но не могу сказать наверняка, — печально отвечает нам Хопкинс, — я не специалист по растениям или чего-то в том же духе, я просто управляющий, я имею в виду, управляющий лагерем.

— Вы можете отвести нас в Сердце Джунглей? — спрашивает Шеффер, после наконец-то встает и начинает мерить комнату шагами. Я задумался о том, сколько времени займет, когда будущим ограниченным стулом, сделает его слишком неугодным. Он явно состряпал какой-то план, в противном случае он бы просто сидел и задавал вопросы.

— Я мог бы показать дорогу, — признается Хопкинс и в подтверждение кивает.

— Но? — добавляет Полковник.

— Все тяжелое оборудование для разведки исчезло, — скорчив гримасу,

отвечает он, -- я проверял раньше, думая о том же, что и вы, что мог бы пойти за ними. Но без этого оборудования, человек в одиночку не переживет и ночи среди деревьев.

-- Что ж, -- говорит Полковник, глядя в свою очередь на каждого из нас. Мой сердце замирает, я уже знаю, что он скажет дальше.

-- Нас гораздо больше, чем один, так что я уверен -- мы выживем.

-- Сэр? -- вклиниваюсь я. -- А что насчет раненых? Они не переживут еще один поход через джунгли.

-- Если к завтрашнему утру они смогут идти, то пойдут с нами, -- он встречает мой взволнованный взгляд своими глазами, в них нет ни тени сострадания, -- если нет, мы оставим их здесь.

Я НЕМНОГО поспал, после чего меня будят звуки мягких шагов по рокристовому полу.

Кто-то сильно кашляет на одной из кроватей дальше, рядом с катерой, где мы

нашли Хопкинса. Я улелся спать в контрольной комнате вместе с Кронином и парой сержантов, готовых действовать, если придут хоть какие-нибудь новости с транспорта на орбите. В бледном сиянии лунного света, струящегося через узкие окна лазарета, я вижу осторожно шагающую ко мне тень. Думая, что это может быть жаждающий мести Роллис, я засовываю руку под подушку, мои пальцы сжимаются вокруг рукояти ножа. Когда фигура приближается, я вижу, что она выше Роллиса, и расслабляюсь.

--- Кейдж! --- слышу я шепот Ганно, --- Франкс очнулся.

Я скидываю свое одеяло в сторону и встаю. Я вижу Ганно, босого и в полевой форме, склонившегося у двери и встатривающегося в тень контрольного центра. Внутри душно, рокрит хранит влажность и жар дня Ложной Надежды, и я покрыт легкой испариной. Я следую за Ганно вдоль ряда кроватей, в сторону интенсивного кашля.

--- Убей его, --- я слышу, как кто-то бормочет в темноте, --- из-за этого кашля.

я уже целую вечность не могу заснуть.

--- Удавись сам! --- огрызаюсь я в ответ, жалея, что не могу опознать виновника, слишком темно.

Франкс выглядит как статуя, его лицо облито потом, его локоны прилипли к натянутой коже на лбу, а щеки впали. Даже лунный свет не может скрыть желтый оттенок кожи. Его дыхание с хрипом прорывается через потрескавшиеся губы. Каждые несколько секунд он взрывается спазмом кашля, на губах появляются кровавые пятна. Но его глаза горят ярче, чем раньше, в них осознание, которое я не видел за последний день.

--- Ты выглядишь хуже, чем задница порка, которого пучит, --- говорю я ему, садясь на край кровати. Он ухмыляется, и я вижу красноватые пятна на губах от выхарканной крови.

--- Морга со шрапнелю, с тебя тоже никто не собирается рисовать портрет! --- утрачивается он, после чего его тело снова бьется в конвульсии от мучительного кашля.

--- Как ты думаешь, сможешь идти

этим утром? --- с беспокойством спрашивает Ганно.

--- Свежий воздух мне полезен. Ненавижу больнички; в них всегда полно больных, --- шутит сержант. С обеспокоенным выражением лица Ганно смотрит на меня. В сердце у него чуткая душа, я изумлен, как он умудрился так долго продержаться, но в бою он был столь же надежен, как и остальные.

--- Конечно, ты сможешь пойти утром, --- говорю я Франксу, --- и если тебе нужно будет чуть-чуть поточь, тут тебе кто протянет тебе руку. Он кивает, ничего не сказав, и откидывается на постели, закрыв глаза, его дыхание все еще остается неровным.

--- Что насчет двух других? --- я спрашиваю Ганно, который назначил себя главным лекарем, как только услышал о декрете Полковника --- оставить любого, кто не сможет идти.

--- У Оклара осталось только левая нога. Как ты думаешь, как он поживает? --- с горечью огрызается бывший проповедник. --- С Церетией все будет

хорошо, у него просто сильное сотрясение мозга.

--- Мы можем накачать Оклара стимуляторами перед уходом и соорудить ему какие-нибудь костыли? --- спрашиваю я, стараясь придумать способ, чтобы лишить Полковника еще одного трупа.

--- Может сработать, учитывая, что мы можем взять с собой целый мешок стимул-изл, чтобы держать его и Церелию на ногах, --- соглашается Ганно, хотя и с некоторым сомнением.

--- Тогда займись этим, --- говорю я ему, --- я обратно в постель.

ОКЛАР ограбил Ганно от хлопот, воткнув себе в глаз стимул-изл, оставленную на его постели. Наконечник пробил ему мозг и мгновенно убил. Мы отправились сразу же после рассвета, следуя за Хопкинсом и Полковником. Как только мы покинули заставу Ложной Надежды, то повернули на запад, карабкаясь на высокую горную гряду, которая как рассказал нам Хопкинс, тянулась вдоль всего экватора планеты.

Мы шагали впереди — я, Кронин, Ганно, Линскраз и отделение Фрейта, по очереди подставляя Франксу плечо. Он прекратил кашлять кровью, но непрерывно хрипел. Отделение Брокера приглядывало за Церемией, сержант охранял десяток стилмов, утащенных из лазарета Ганно.

Джунгли не были слишком густыми, слишком тяжело было расти на голом камне вулканической гряды. Воздух становился все горячее, и чем дальше мы продвигались, тем более душливым он становился из-за серы и непа. Мы не видели вулканы из-за навеса джунглей, но Хопкинс сказал, что есть два огромных вулкана в паре километров к югу, названные поселенцами Ложной Надежды из экипажа первого корабля — «Близнецами Кхорна», в честь какого-то жуткого и жестокого бога. Ересь и богохульство, но я полагаю, что у них оставалось очень мало веры в этот момент. Лейтенант уверил нас, что они в последнее время бездействовали, но зная нашу удачу, они могут взорваться в любой момент, только для того, чтобы нам жизнь медом не казалась. Моя голова

забита этими мрачными мыслями, я
ощущаю, что рядом со мной кто-то идет,
и справа от себя обнаруживаю Хопкинса.

— Это сержант Фарнкс, верно? —
спрашивает он, глядя, как спотыкается
висящий на Поле сержант. Я киваю.

— Должно быть, у него конституция
грокса, — добавляет Хопкинс, все еще глядя
на полу-калеку Франкса.

— Он привык, — говорю я, просто не
могу себя остановить, — но этот чертов
нужник планеты все еще может его
прикончить.

— Может, — печально произносит
Хопкинс, — у него легочная гниль, и
немногие ее пережили.

— Есть еще ободряющие новости? —
грубо спрашиваю я, желая, чтобы он
отвалил от меня и оставил в покое.

— Он все еще жив и это наполовину
чудо, — отвечает тот с улыбкой, —
большинство не переживали первую ночь.
Он продержался две и обе после дней
марша. Ему не стало лучше, но я не думаю,
что стало хуже.

— Если бы ему стало хуже, он бы

сдох, -- отвечаю я, глядя на изнуренную фигуру, которая почти висит на опаленном солнцем плече Пола, -- и глядя на него, я не уверен, что это было бы хуже.

-- Не говори так! -- восклицает Хопкинс.

-- Как? -- огрызаюсь я. -- Ты думаешь, он долго протянет в «Последнем Шансе» в его состоянии? Если он и выберется из этой выгребной ямы, то следующий бой его прикончит, в этом я уверен.

-- Сколько ему еще осталось в штрафном легиона? -- спрашивает Хопкинс, доставая флягу с пояса и предлагая ее мне. Я раздраженно отмахиваюсь.

-- Мы здесь пока не сдохнем или пока не получим прощение от Полковника, -- грубо отвечаю я.

-- У скольких он простил? -- невинно спрашивает Хопкинс.

-- Ни одного, -- рыкнул я, ускоряя шаг, чтобы оставить раздражающего меня сержанта позади.

РАССВЕТ третьего дня марша

застает нас на границе зоны, которую Хопкинс называл Сердцем Джунглей. Отсюда это место не казалось каким-то отличным от остальных, забытых Императором джунглей, но он уверил меня, что дальше поглесок надного гуще, деревья надного больше и ближе стоят друг к другу.

--- Вот отсюда капитан вел свои исследования, --- говорит он мне, пока мы стоим в оранжевом жаре восходящего солнца, и указывает на юг, на зону, которая, может быть, чуточку более темно-зеленого, чем окружающие деревья.

--- Этот ваш капитан, он не был немного сдвинутым? --- спрашиваю я, делая глоток зубочиста из фольгированного пакетика, споласкивая рот, после чего выплевываю пенистую жидкость в лужу у ног лейтенанта.

--- Не совсем, --- отвечает он, отходя назад от брызг и одаривая меня раздраженным взглядом, --- насколько я знаю, он был в добром здравии.

Она затешился на секунду, желая сказать что-то еще, но закрывает рот и

отворачивается, чтобы полюбоваться на
восход солнца.

--- В чем дело? --- спрашиваю я. Он
разворачивается, снимает фуражку и
машет головой. Как я заметил, он делает
так, когда, кажется, чем-то взволнован.

--- Ты правда думаешь, что эти
стрелки могут быть каким-то оружием
тиранидов? --- спрашивает он, стиская
руками ладонь фуражки.

--- Я видел много странных вещей, ---
говорю я ему, наклоняясь поближе, словно
собираюсь поделиться с ним каким-то
секретом, --- на Учаре-IV, техножрецы все
еще уничтожали рой тиранидских жуков,
которые сожрали с них всю органику. Я
видел био-титанов, высотой в двадцать
пять метров, огромных, четырехногих
существов, которые могли растоптать дом и
разорвать боевой танк своими
здоровенными когтями. Ты когда-нибудь
видел тиранидов?

--- Я видел рисунки, --- нерешительно
отвечает он, водружая помятую фуражку
на место.

--- Рисунки? --- смеюсь я. --- Рисунки ---

ничто! Вот когда перед тобой встанет
четырёхметровый воин тиранидов, вот
тогда ты скажешь, что знаешь на что
похожи тираниды. Их панцирь источает
стазочную слизь, чтобы пластины не
натирали, у них клыки размером с палец и
четыре руки. От них воняет смертью, и
когда они по-настоящему близко, ты
почти задыхаешься от этого запаха. Они
используют все виды симбиотического
оружия, чтобы взрывать, рвать, резать и
размалывать тебя на части. Я помню,
когда увидел их впервые на Учаре — JV.
Три воина прыгнули на нас, когда мы
проводили огневую зачистку каких-то
старых рун. Я даже сейчас четко вижу их
темно-синюю кожу и красно-черные
костяные пластины, и как они мчатся
вперед. Шок и страх заполонил нас, когда
мы в первый раз увидели их, во всех
стыслах они неестественные и жуткие. У
них есть пушки, названные нами
«пожирателями», плюющиеся градом
питающихся плотью личинок, которые
могут прогрызть тебя, что намного хуже
любой пули. Наши выстрелы из лазганов

отскакивали от них, и тем, кто не умер от «пожирателей», оторвали головы и конечности их мощные когти. Только Краггон с его плазменной пушкой спас нас, он сжег чужеродных чудовищ, пока те кромсали нас. И эти три тиранидских воина убили пятнадцать человек, прежде чем их уложили. Я помню, как Краггон умер позже на Учаре-IV, его кровь впитала пепел, когда тиранидская горгулья обрушилась на него с небес и разорвала глотку.

Хопкинс заметно дрожит, его лицо побледнело даже под загаром. Я показываю на свое лицо, или скорее на путаницу пересекающихся шрамов. Я все еще не считаю, что он осознал весь ужас тиранидов, и решаю надавить. Люди должны знать об этих отвратительных существах, с которыми мы сталкиваемся на звездах.

— Я получил это от тиранидской споровой мины, — свирепо произношу я, желая никогда не встречать тиранидов, желая, чтобы весь этот ужас, с которым столкнулся, я мог забыть вместе с резней

на Учаре-IV и устрашающим, выворачивающим кишки ужасе, который представляют из себя тираниды. Ни один, кто не был там, кто не дрался с ними, не может по-настоящему понять, какие они. Это все равно, что пытаться рассказать про океан слепому.

--- Чертова штуковина рванула так близко ко мне, вот как ты сейчас стоишь, и опрокинула меня на землю взрывом газов. Проклятые куски острой как бритва танцирной шпаннели почти оторвали мне лицо! Франкс обернул мою голову своей рубашкой, чтобы остановить кровотечение. Я был в агонии неделями, даже на постоянных дозах стимуляторов. Мне повезло, что у меня все еще остались оба глаза, сказал мне Франкс. Бойцам из моего взвода поотрывало конечности этим взрывом, проделало дыры прямо в них. Некоторые потеряли кожу и мышцы из-за кислоты в споровой линии, она прожигала все до костей. Ты знаешь, на что это похоже, когда био-кислота прожигает человека насквозь, растворяет его? Ты знаешь, на что похожи его крики?

--- Я... я... --- заикается он, глядя на меня полными ужаса глазами.

--- В следующий раз, когда постомотришь на эти рисунки, --- презрительно говорю я, --- просто вспомни это и просто постарайся себе это представить.

Он остается стоять на месте с открытым ртом и хлопает глазами. Я бессловесно рычу и лезу дальше на гору, жалея, что он напомнил мне об Учаре-IV.

ПРОРУБАЯСЬ штыком сквозь ветки и лианы, Пол постоянно ругается. Хопкинс не преувеличивал, когда говорил, что это худшая часть джунглей на всей Ложной Надежде. Тут царит сумрак, и мы прошли, возможно, два километра вниз по склону. Насколько я могу судить, мы почти у подножья, но если будем идти как сейчас еще день или два, то сдохнем от голода или жажды. Мы нашли один водоем, но он был испорчен серой из вулканов. Франк подумал было набрать падающие капли дождя во фляжку, но Хопкинс сказал, что некоторые растения и паразиты

забираются ближе к верхушке деревьев, что позволят им рассеивать свои споры с дождевой водой, так что эта грязь льется вниз каскадами сквозь деревья и несет смертельную отраву.

Один боец ему не поверил и все равно попробовал набрать воды. В течение часа его глотка распухла и он задохнулся. Мы потеряли еще одного человека от укулов ядовитых кустов, порез на ноге гвардейца наполнился гноем практически за минуты. Я застрелил его после того, как он начал утешать меня о смерти. Хопкинс одобрил, сказал, что инфекция прошла через кровоток к мозгу, сводя его с ума перед смертью. После этого я начал чувствовать чуть больше уважения к Хопкинсу, когда осознал, что он, должно быть, тоже видел достаточно кошмаров на этой планете.

— Нам нужно найти стоянку на ночь, — говорит Хопкинс Полковнику, пока мы ждем бойца, расчищающего дорогу через стену растительности перед нами.

— Мы поищем, когда достигнем подножья гряды, — отвечает он, стахивая

пот со щек платком, все еще запачканным
кровью гигантской ящерицы. Раздается
крик Пола и мы обращаем внимание на
бойцов, которые, кажется, нашли какую-то
тропинку. Я нахожу среди толпы
Линскрага, и мы обмениваемся
понимающими взглядами. Тропинка в
джунглях означает неприятности. Все же
Полковник идет по ней, и мы вместе с
Хопкинсом следуем за ним. Она почти как
живой туннель, листва сворачивается над
нами, образуя сплошной навес, близ
растущие деревья переплетаются
ветвями толщиной с руку, создавая почти
непроходимые стены по обеим сторонам.
Оглянувшись назад, чтобы проверить,
идет ли мы, Полковник идет вперед.

ПРАКТИЧЕСКИ невозможно сказать,
сколько времени мы провели в лабиринте
из растений. Сияние утирающего солнца
было единственным просачивающимся
светом, и оно отражалось листвой вокруг
нас. Чем дальше мы идем, тем чаще
начали попадаться незначительные
участки с люминесцентными грибами, они

отбрасывают болезненный желтый свет на тропинку и наполняют воздух вонью разложения. Боковые туннели, по крайней мере, я так их называю, тут и там отходят в стороны и вскоре становится очевидно, что мы очутились в огромном лабиринте ходов. Корни деревьев вылезают из скал вокруг нас, скручиваясь друг с другом в многовековой борьбе за средства к существованию. Звук вообще не слышно, кроме нашего затрудненного дыхания, потому что если раньше было жарко, то теперь мы практически варимся в своей униформе. Каждая пора нашего тела постоянно выделяет пот, рубашка и военная форма впитывают его и токрыти складками прилипают к телу.

Воздух неподвижен, у ветра нет ни единого шанса пробиться через слои зелени. Весь рот набит солью от своего же собственного пота, она сушит губы и постоянно хочется их облизать. Мои глаза так же слипаются от пота, заставляя щуриться в этом сумраке, пока я тащусь вперед, стараясь не запнуться о змеящиеся корни на тропинке. Франкс позади меня, он

достаточно пришел в себя, чтобы идти самостоятельно, но едва-едва. Влажность коверкает его легкие, заставляя постоянно кашлять. И все же, мы тащимся вперед, следуя за несгибаемым силуэтом прорывающегося вперед Полковника.

И вдруг мы выходим на открытое пространство. Кажется, что огромное давление ослабло, воздух немного очистился. В ветвях вокруг нас возникает движение, словно их трепет ветер, и из зарослей выступают остальные бойцы, мы в изнеможении падаем на землю. Я закрываю глаза и набираю полную грудь воздуха. Влажность не так высока, но в воздухе чувствуется какой-то другой привкус. Я принюхиваюсь, стараясь понять, откуда мне знаком этот аромат. Похоже на гниющее мясо или что-то в этом духе. Возможно, где-то поблизости лежит мертвое животное.

— Кейдж... — каркает Франкс, и я сажусь, смотря туда, где он растянулся в паре метров справа от меня.

— Что? — спрашиваю я, видя беспокойство на его лице.

--- Похоже, у меня галлюцинации, ---
отвечает он, указывая прямо вверх, --- я
вижу в деревьях людей.

Я проследил за его взглядом,
прищурив глаза, чтобы рассмотреть
изгибающийся навес в тридцати метрах
над нашими головами. И замечаю какое-то
шевеление, после чего сторгнув с глаз пот,
приглядываюсь сильнее. Дрожь от страха
пробегается по мне, когда я различаю
очертания женщины прямо надо мной,
наполовину укутанной в кокон из листьев и
лиан.

--- П-полковник... --- заикаюсь я, увидев
еще больше тел, висящих на ветвях над
нами, мой разум отказывается понимать,
как они утварились туда попасть.

--- Я знаю, --- мрачно отвечает он,
доставая силовой меч из ножен, синее
свечение клинка отбрасывает тени в
пещере из листьев. Остальные тоже их
замечают, и озадаченно смотрят вверх с
недоверием показывая пальцами.

--- Кейдж! --- орет Линскраг. Я
оглядываюсь. И вижу то, что видит он ---
вход в пещеру исчез, вокруг нас осталась

только плотная стена из веток и листвы.

--- Тащите огнеметы! --- ору я бойцам, заметив, что примерно четверть из них пропала, возможно, отрезанная растительностью с той стороны.

--- Некоторые из них живы, --- шепчет кто-то слева от меня, и я поднимаю взгляд. Я вижу вытянутую руку, покрытую чем-то, словно засохшей кровью или чем-то в этом роде, но пальцы медленно сжимаются. Когда я остатриваюсь, то понимаю, что движение в листве вызвано не ветром, там еще больше людей, практически незаметных, корчащихся в тучениях. Я вытаскиваю нож с пояса, и подбегаю в ближайшему, срезая по ходу гела листву.

Мои глаза встречаются со взглядом бледно-серых глаз молодой девушки, ее светлые волосы покрыты грязью и намотаны на ветки, в которых ее погребли. Она болтается в метре от земли. Я раздираю листву с ее лица свободной рукой, и вижу, как тонкая ветка оборачивается вокруг ее талии. Она что-то хрипит, но я не понимаю ни слова. Ее

лицо выглядит истощенным, а кожа суха
как пергамент. Слева и справа от меня
другие бойцы разрывают пучки деревьев,
стараясь освободить людей. Я запускаю
руку вокруг талии девушки, стараясь
избегать ее пристального, полного
страдания взгляда. Я дергаю, и она издает
вздох от боли. Дернув сильнее, я утвдряюсь
вырвать ее голову и грудь из кокона, но
когда она подается вперед, я вижу
врезающиеся в ее спину шипы глинной
локоть и толщиной с палец. Ее кровь
стекает по позвоночнику. Я хватаю
ближайший шип и пытаюсь вырвать его, но
как только дернул, то ощущаю, как что-
то скользит по моей левой ноге.

Я смотрю вниз и вижу торчащие из
земли усики, охватывающие мою лодыжку.
Они дернулись, и я заваливаюсь назад,
тяжело падая в рыхлую землю, нож
вылетает из моей руки. Я изгибаюсь
вперед и хватаю лиану обеими руками,
пытаясь выдернуть ногу, но она невероятно
прочна. Внезапно рядом оказывается
Франкс, он пилит усики штыком.
Объединив усилия, мы утвдряется

выдернуть мою ногу и оба отлетает от растения. Другие поступают так же, собираясь вокруг Полковника, стоящего в центре зеленой пещеры. Некоторые не успевают, я вижу, как их окутывают листва, пропихивая вверх вдоль веток, пока те не оказываются в паре добрых метров от земли.

Справа шарахает взрыв разломанной канистры огнемета, пламя окутывает ветви и внезапно вся область вокруг взрыва дико дергается, отбрасывая горящий цилиндр в сторону.

--- Нам нужно выбираться! --- орет Пол, оглядываясь в поисках путей отхода. Насколько я могу видеть, таковых нет, мы в ловушке. Цельный купол из ветвей, лиан и листвы, примерно шестидесяти метров в диаметре. Вокруг стоит сплошная масса растительности, медленно подползающая все ближе и ближе, заставляя нас отступить спиной к спине в круг. Бойцы начинают палить по приближающимся лианам из лазганов, выстригая усики лучами сжатого света. Но на каждый сожженный, кажется, еще один зреет

Вперед, вся пещера начинает сжиматься
вокруг нас. Что-то пролетает рядом с
моим лицом, и я слышу, как вскрикивает
Варник, зазубренный лист перерезал ему
горло. Его кровь окатывает меня, и еще
больше ужасных щупалец устремляется к
нему. Я отхожу от него и ощущаю, как
кто-то врежется мне в спину, явно
пытающийся избежать чего-то другого.
Глянув через плечо, я вижу, что это
Полковник, сжав зубы, он взмахами
силового меча крошит атакующие усики.
Внезапно мне отчаянно хочется убежать,
меня переполняет чувство, что нас
поймали, словно мух в паутину.

Кто-то еще толкает меня в локоть,
и я вижу Хопкинса, широко раскрытыми
глазами он пялится в покрытую листвою
гробницу.

--- Ублюдок, предатель! --- выплевываю
я, мой страх внезапно превратился в гнев.

Я вытаскиваю лазерный пистолет и
приставляю к его голове, заставляя того
опуститься на колени.

--- Ты знал, что здесь происходит! Ты
привел нас в ловушку! Ты был приманкой.

так? Прежде чем меня возьмут, я грохну
тебя!

Он издает вопль и падает,
сворачивается калачиком на земле. Я
слышу, как он рыдает.

--- Не убивай меня, --- утмляет он, --- не
убивай меня, я ничего не знал. Пожалуйста,
не убивай меня, я не хочу умирать. Я не
хочу умирать!

Этот явный ужас говорит о том, что
он не врет, что его не оставляли на
заставе, чтобы заманить нас сюда. Он
будет таким же трупом, как и все
остальные, так что нет смысла
расстреливать его.

Когда живая пещера становится еще
меньше, где-то десяти, возможно
двенадцати метро в ширину, я вижу все
больше и больше пойманных беглаз.
Некоторые мертвы, это явно видно по их
впалым лицам и пустым глазам.
Некоторые еще живы, их рты
открываются и закрываются в
бессловесной просьбе, их глаза полны ужаса,
они смотрят на меня, утмляя сделать
хоть что-то, но я столь же беспомощен.

как и они.

--- Там капитан! --- я слышу крик Хопкинса, и смотрю, куда он показывает. Всего в паре метров от нас стоит мужчина в офицерской шинели, такого же цвета, как жилет Хопкинса, в его коричневых глазах светится интеллект. Его кожа почти сияет здоровьем, представляя собой поразительный контраст по сравнению с изнуренными лицами других пойманных растений. Я шагаю в его сторону, но внезапно воздух наполняется густым туманом, какое-то облако забивает мой рот и нос. Это похоже на густой дым лагана, используемый Экклезиархией, меня практически тошнит. Я вижу коричневые очертания в листве вокруг меня, овалы по размерам больше моей головы, и сразу же опознаю в них те стручки, что мы нашли на заставе. Я чувствую, словно мою голову набили ватными бинтами, и со всей этой ерундой засоряющей мое горло, я не могу упорядоченно думать. И после этого я слышу голос, почти как у себя в голове.

--- Не сражайтесь с этим, --- вешает

странно мелодичный голос, --- бог-растение
сделает вас бессмертными. Примите бога-
растение, и оно отблагодарит вас.
Примите его, как я принял. Ощутите его
божественную красоту, станьте частью
великого дара бога-растения.

Я смутно осознаю, что вокруг меня
многие из бойцов прекратили
сопротивляться и с восторгом смотрят на
вьющуюся в их сторону листву. Воздух
приобретает пурпурный оттенок, словно
слегка блестящая дымка завлакивает
мой взор. Мои конечности налились
свинцом, и я тяжело борюсь, чтобы не
выпустить из рук лазеристолет.

--- Нет смысла сопротивляться, ---
успокаивающе продолжает голос, --- больно
не будет, бог-растение следит за вашими
нуждами. Оно будет поддерживать вас,
так же, как и вы его. Отдайтесь богу-
растению, и оно отдаст вам в свою
очередь.

Облако спор становится еще гуще,
чем прежде, пурпурная дымка крутится
вокруг моей головы, затуманивая как
разум, так и взор. Я ощущаю, как

покрытые листвою усики скользят вверх по
моей руке, изгибаются вокруг моего лица.
Я чувствую слабость в коленях, так
просто сдаться. Чтобы стать единым с
богом-растением. Я могу ощутить его
великолепие, распространяющееся вокруг
меня, его чужеродная жизнь струится
сквозь корни и ветви на многие
километры во всех направлениях.

Я ощущаю слабое покалывание на шее
и туго пялюсь вниз, взираю, как красная
жидкость сочится на воротник моей
рубашки. Где-то на загворках моего разума
отдаленный голос говорит мне, что это
моя собственная кровь, но все это мне
неважно. Мое горло и шея теплеют,
распространяют жар, словно
расслабляющий тоник, по всему телу.
Голос — я осознаю, что это мой голос, —
гонимает меня, чтобы я очнулся, сбросил
растение. Я чувствую себя очень
уставшим, но внутри, начинаю ощущать
прилив энергии, поднимающийся от
желудка. Я ощутил, что мои пальцы
дергаются и почувствовал, что в голове
немного прояснилось. Стараясь что-то

разглядеть через застилающую глаза
дымку, я пристально всматриваюсь. Я
вижу смутные очертания других людей,
словно сквозь туман, некоторые стояли
спокойно, другие неистово
сопротивляются. Звук, настоящие звуки
извне, фильтруются глухим гудением,
заполняющим мой слух, слышатся
приглушенные крики и яростные
ругательства.

Словно проснувшись из глубокого сна, я
снова прихожу в сознание, пробудившись от
резкой боли в шее. Страхнув последние
остатки состояния полусна, я хватаю
улик, присосавшийся к шее, и вырываю его,
тоя кровь темно-красными каплями бежит
по его зеленовато-желтым лепесткам. Я
вдруг снова резко осознаю происходящее.
Полковник стоит рядом со мной, отсекает
атакующие со всех сторон лианы. Франк с
другой стороны, упав на одно колено, он
гвутья руками отмахивается от
покрытого листвой щупальца,
бросающегося в лицо.

Не подумав, я начинаю палить из
лазгистолета, лучи света поджигают

растения вокруг нас, разрывают усики и срезают листья.

--- Кейдж! --- рывкает мне Полковник через плечо. --- Сдерживай его. Я разберусь с Непетином.

Он шагает вперед к капитану, и я прыгаю занять его место, мой лазеристолет выплевывает лучи энергии в зеленую, корчащуюся массу, все еще медленно зажимающую нас. В атаке возникает пауза, бог-растение собрало свои чужеродные конечности, чтобы забрать людей, которые стояли в нежном согласии, оно утаскивает их в ветви над нашими головами, их конечности безжизненно свисают, словно у кукол. Я вижу, как Полковник сражается с Непетином, руки капитана слабо молотят по Шефферу, пока Полковник проталкивает свои в покрытые листвой складки, окружающие Непетина.

--- Отойди, --- приказывает Полковник, отталкивая меня и нескольких других в сторону от капитана. Секундой позже возникает ревущий шум, платя взметнулось вокруг Непетина, шинкует

бога-растение, разбрасывая вокруг
тясистую растительность и
человеческую, покрывая нас кровью и
клеяким соком. Бог-Растение внезапно
сворачивается, ветви дико хлещут, оно
стремительно отодвигается на
расстояние. Купол немного расширяется,
дав нам пространство чуть свободнее
разойтись.

--- Есть у кого-нибудь еще огнемет? ---
оружу я, бросая взгляд в сторону нескольких
десятков оставшихся, стремясь закрепить
наступление, пока у нас еще есть шанс.
«Покаявшийся» Клайн, убийца семнадцати
женщин, шагает вперед, огонек
воспламенителя горит ярким синим
светом во мраке внутренностей бога-
растения.

--- Прожигай дорогу! --- злобно рывкаю я,
указывая в примерном в том направлении,
откуда мы пришли. Покаявшийся трачно
улыбается, после чего бежит к
отступающим стенам.

Поток пламени причиняет боль моим
глазам, горячая жидкость
расплескивается по листве и ветвям.

мгновенно превращая их в горящий аг. Он выпускает поток за потоком огня в отступающее растение, свист огнемета сопровождается треск горящих ветвей и стаккато лопающихся от жара стручков. Стена лепестков, стараясь избежать смертоносного пламени, начинает отступать еще быстрее. Оставшиеся присоединяются к нему, стреляя из собственного оружия в район пожара, заставляя бог-растение раскрываться еще глубже. После того, как мы прожигаем себе путь на добрые сто метров, мы все еще не видим признаков отрезанных от нас бойцов, возможно, они уже мертвы.

Несколько усиков нерешительно змеются в нашу сторону с потолка, но Полковник с легкостью шинкует их на части силовым мечом. Медленно, но устойчиво мы продвигается вперед, бог-растение отступает перед нашей свирепой атакой, затягиваясь позади нас, но слишком далеко, чтобы представлять опасность. Я точно не понимаю, откуда знаю, но бог-растение, казалось, становится все более и более

отчаявшись, есть что-то в не слаженной манере, с которой оно бросает на нас кусающуюся листву, что-то такое в постепенно желтеющей, болезненного цвета листве. Мы продолжаем давить, позволяя работать огнеметам.

Воздух наполняется гарью и дымом, горящей растительности, и пока я тащусь за командой с огнеметами, я задыхаюсь, резко колет в глазах. Франкс начинает так сильно кашлять, что Пол и один из его бойцов снова взваливают его на себя. Зеленый свет, окрашенный внезапными порывами красного и желтого от огнеметов, так же выворачивает меня. Казалось, прошло полжизни, пока мы проталкиваемся вперед из глубин бога-растения, отбиваясь от его все слабеющих атак. Я ощущаю, как начала подниматься земля, и осознаю, что мы подошли к хребту. Я удивлен, насколько далеко разрослось это существо, как долго мы блуждали внутри него, не видя опасности, откуда подходили ближе и ближе к его центру, откуда, по его мнению, мы никогда не должны были выбраться.

Оно было шокировано тем, что мы выбрались на чистую скалу хребта. Оглянувшись, я вижу, как спотыкаются остальные, некоторые разворачиваются и залпами отгоняют обратно ползущие в нашу сторону чужеродные конечности. Задыхаясь и ругаясь, мы тащимся по каменистому склону. Вокруг нет растительности, она явно поглощена богом-растением для своего размещения.

Через несколько минут мы достаточно далеко, на полпути к вершине хребта, все пошло намного легче без изогнутых внешних стенок бога-растения, которые затанивали нас в ловушку и выводили в разных направлениях. Я разворачиваюсь и наблюдаю, как сжимается бог-растение. Его внешние стенки стали болезненно-желтого цвета, словно трава в засуху. Наш путь отступления оставил обнаженную, серую грязь, лишенную всех питательных веществ.

--- Сержант Пол, --- я слышу, как за спиной произносит Полковник, пока я сам продолжаю палиться на чудовищное

растение, — скажи своему комм-оператору, вызвать шаттл и прикажи начать бомбардировку этого... существа.

Впервые я слышу, как Полковник почти не смог подобрать слов. Отвернувшись от странной твари, я проталкиваюсь еще чуть выше по гряде и встаю рядом с Полковником. Там же стоит Хопкинс, кровь сочится из пореза на его правом глазом.

— Что ж, это было что-то, — говорит лейтенант, глядя с изумлением на бога-растение.

— Что это была за херь? — спрашивает Франкс, изнуренно шлепаясь на лужайку с грязью передо мной. Остальные падают вокруг нас и безучастно пялятся в небеса. Некоторые падают на колени, сжав руки перед собой, пока возносят благодарность Императору. Полковник шагает вперед, пристально глядя на бога-растение.

— Что бы это ни было, — говорит он с некоторым удовлетворением в голосе, — вскоре оно будет мертво. Я склоняюсь запросить вирусную бомбардировку всего

этого мира, только чтобы быть уверенным в этом.

— Что вы сделали там, сэр? — спрашивает Хопкинс, осторожно прикладывая манжету к порезу на лбу.

— Засунул фраз-гранату, — отвечает Полковник, отрывая взгляд от зрелища и глядя на лейтенанта, — я слышал истории о таких симбиотических существах, хотя ни разу не слышал, чтобы они принимали форму растения. Они лежат в спячке веками, возможно, даже тысячелетиями, пока не поймут чужеродный разум. Они формируют связь со своей жертвой, как и то образом используя свой интеллект. Капитан Непетин, кажется, как раз был проводником такой связи, так что я взорвал его осколочной гранатой. Я думаю, мы были в самом его центре и нанесли значительные повреждения.

Он смотрит на всех нас, после чего приковывает свой взгляд ко мне.

— Те, кто остались там, были слабы, — сурово заявляет он, — сдаться перед чужеродным воздействием — один из величайших актов предательства против

Императора. Заполните это хорошенько.

Я не забуду, насколько я близок к тому, чтобы высказаться, но молчу.

С ХОРОШИМ настроением я смотрю через иллюминатор шаттла, пока мы с ревом возносимся в небеса Ложной Надежды. Через него я вижу будущую планету, захватившее сотни квадратных километров джунглей. Еще одна яркая вспышка бьет в землю с орбиты, когда наш транспортный корабль «Гордость Лота» дает еще один залп своим плазма-драйвером в бога-растение.

--- Гори, ты, инопланетный кусок дерьма, --- шепчу я, задевая свежую коросту на шее, --- гори!

Глава третья.

Плохая посадка.

Обстановка в катере напряжена сильнее, чем обычно. Всех потрясло то, что случилось на Ложной Надежде, воспоминания о том, как наших приятелей из «Последнего шанса» сожрало богородное растение, еще свежи. Что было еще хуже, мы не видели Полковника последние три недели. Судя по разговорам матросов, он, кажется, забрав с собой Хопкинса, улетел на быстром транспортнике через два дня после того, как мы покинули орбиту Ложной Надежды.

Не желая думать о будущем, натереваясь оставить прошлое позади, я постарался забыться в повседневной тяжелой работе. Мне пришлось снова реорганизовать бойцов, нас осталось только сорок семь. Я создал специальное командное отделение из Франкса, Кронина, Гаппо, Линскрага, Бекбауэра и Фредерикса. Остальных организовал в

четыре отделения с Полом, Дональдсоном, Джорретом и Славини в качестве сержантов. К этому времени все стало достаточно неустойчиво, и мне нужны были холодные головы для руководства. Если я собирался выжить во всем этом безобразии. С учетом того, что нас было меньше пятидесяти, мы даже не представляли собой взвоя, не говоря уже даже о роге. Но команде плавало невысказанное ощущение, что конец наш очень близок. Примерно три тысячи девятьсот пятьдесят штрафников «Последнего шанса» умерли за последние два с половиной года, так что я не понимаю, как сорок семь из оставшихся переживут следующую битву. Даже если Полковник вернется.

Мысль о том, что он может не вернуться, тоже была далеко не оптимистичной, и я не могу расстаться с ощущением, что он нас бросил. Нас было слишком мало, чтобы сделать что-то полезное, вот что я думаю. Я имею в виду, учитывая, что Департамент Мониторинг мог набрать полки из тысяч

бойцов, тогда что могли сделать четыре
десятка штрафников? Из сплечен
матросов, я так же узнал, что мы
направляется в систему Гипернол для
пополнения припасов. На первый взгляд,
казалось, ничего необычного. С другой
стороны, я мог вспомнить некоторых
людей, уже мертвых, которых призывали
из штрафной колонии в системе Гипернол.
Полковник свалил, и мы летим в
штрафную колонию — совпадение? Я так
не думаю. Он оставит нас там знать, я
уверен в этом.

И я не один, кто может сложить
дважды два. Как всегда, Франкс и Ганно
сидели рядом со мной во время
торжественного пожирания «гудрона» во
время обеда, прошло уже несколько циклов,
после того как мы опять прыгнули в варп,
около трех недель с тех пор, как покинули
Ложную Надежду.

— Не верю, что это все, — яростно
возражает Франкс, после инфекции на
тире-стерти его голос стал хрипящим
шепотом. — Четыре тысячи бойцов
утерло, все закончилось? Ну, просто вот

так? В этом нет смысла. Что мы сделали? Подрались в кучке воинов, многие умерли, но мы ничего не добились. Не могу поверить, что это конец.

— Ты думаешь, что есть какой-то большой план? — смеется Ганно. — Не будь таким наивным! Мы просто мясо в Имперской мясорубке, не более.

— Что ты имеешь в виду? — спрашиваю я бывшего проповедника, взволнованный его словами.

— Сидя в тюремном скитальце или на какой-то штрафной колонии ты просто мертвый груз, трупы, свисающие с тела человечества, — отвечает он после секунды раздумывания, — мы все преступники, согласно Полковнику, которые потеряли свои шансы служить Империи. Не важно, живы мы или сдохли, пока мы делаем что-то полезное. Так что они дают нам пушки, привозят на войну и позволяют бросаться на противника.

— Это тоже глупо, — возражает Франкс, качая головой, — если мы такой тусовщик, то зачем кому-то угрожать и посылать нас куда-то? Почему просто не

расстрелять нас? Солдат вешают и расстреливают, все казни перечислены в Кодекс Имперialis. Наличие флотского транспортника в нашем полном распоряжении просто неслыханно. Такой ресурс не дешёв и кому-то принадлежит во флоте.

--- Это ненормально, это уж точно, --- с задумчивым взглядом уступает Ганно, --- с другой стороны, мы все слышали о Полковника. Он искренне верит в наш «Последний шанс», что даёт нам возможность спасти наши души от Хаоса, позволив снова служить Императору.

--- Не понимаю, откуда у Полковника столько влияния, чтобы приписать нам транспортник флота, --- возражает Франкс, покачивая пальцем перед Ганно, --- со всей верой Полковника в свою миссию по спасению наших душ, я не думаю, что это достаточный аргумент, чтобы убедить Лордов Адмиралов дать нам корабль, вмещающий пятьдесят тысяч бойцов, чтобы катать пару сотен. Логистически в этом нет смысла.

--- Хотя дело не только в логистике, ---

говоря я ил, глядя на Таппо, а затем на Франкса, -- вы все знаете, что с вами приключилось, вы все еще бросили бы вызов кардиналу или позволили своим бойцам бунтовать против офицеров?

-- Не уверен, -- отвечает Франкс, в задумчивости покусывая губу, -- никогда на самом деле не думал об этом.

-- Я знаю, что ты имеешь в виду, -- взволнованно восклицает Таппо, словно только что наткнулся на какую-то скрытую правду о вселенной, -- это средство сдерживания, ты об этом говорил?

-- К этому моменту мы были в двенадцати горячих точках, -- напомунаю я ил, -- со сколькими полками мы контактировали? На Учаре-IV их был поменьше мере тринадцать; Всадники Пердигты с Окто Генезис, бойцы Хорека с Узбавления, и около десятка других из разных мест. Они все видели или слышали о нашей грязной работе, которую нам пришлось выполнять, об огромных потерях. Я точно вам скажу, если бы я видел, что за этим последует, мой нож точно бы

остался висеть на поясе в тот раз.

--- Все еще не объясняет, почему нас осталось несколько десятков, --- возражает Франкс, его голос тих и скрипуч. Ганно собирается ему ответить, но подняв руку, Франкс останавливает его. Он глотает сока, прежде чем продолжить.

--- Горло аж горит... в любом случае, бесполезно пытаться набрать еще заключенных, пока мы путешествуем. Четыре сотни --- гораздо большее средство устрашения, чем сорок, и гораздо более полезны как военная сила.

--- Так что, может быть, вот куда направился Полковник, --- предполагаю я с самодовольной улыбкой, --- он полетел вперед в штрафную колонию, набрать несколько новобранцев. Когда мы прибудем, они будут ждать нас.

--- Не знаю, что может быть хуже, --- жалуется Ганно, снова выглядя несчастным, --- если бы меня заперли где-то в тюрьме до конца жизни или утереть на поле боя.

--- Я хочу продолжать сражаться, --- твердо заявляю я, --- прав Полковник или

нет, насчет моей бессмертной души, я хочу умереть, делая хоть что-то стоящее. Я вступил в Гвардию сражаться за Императора, и не собираюсь гнить в камере, уж будьте уверены.

--- Морда со шрамами, я с тобой, --- смеется Франкс, --- дайте мне пушку, пуцеглазого ксеноса мишенью и я умру счастливым человеком.

* * *

ПРОШЛО еще двадцать циклов, после чего мы вывалились из варпа в системе Гипернол.

Напряжение и неуверенность почти рвут нас на части. Солдата, которого звали Дресс, пристрелила охрана, когда он атаковал поррент-офицера Флота во время боевой тренировки без оружия. Еще один, Крилборн сломал руку во время драки с Дональдсоном и все, включая меня, получили свежие синяки и порезы от вспышек буйного нрава. Я пытался

расслабить бойцов: тренировал их так сильно, чтобы они были слишком изнуренные для склок, организовал изменение времени приема пищи, чтобы все ели со всеми остальными и отделения не были слишком изолированы друг и друга и все в таком роде. Ничего из этого особенно хорошо не работало, но опять же, если бы я ничего не делал, все могло быть гораздо хуже.

Честно говоря, я не уверен, почему это меня волнует. Хотя, когда я думаю об этом, я не совсем честен. На первый взгляд, я совершенно был бы счастлив, позволить им передышать друг друга во сне, даже Франкса и Ганно, и не пролил бы и слезинки. Около четырех тысяч умерло в полку и вряд ли когда-либо вспомню о них, за исключением, пожалуй, как в своих варп-снах. Нет, я беспокоился вовсе не за каждого из них в отдельности. Меня беспокоило собственное выживание. Если в «Последнем шансе» все идет, как шло, что позволяло мне дышать и дальше, то и нужно оставаться настороже, нужно сделать их нх боеспособное войско. Всегда

друзья драки и ругань, даже еще больше, чем в обычной Гвардии, но в сражении они должны прикрывать друг друга.

В сражении всегда есть что-то такое, что объединяет бойцов как мы, независимо, общее ли это какое-то чувство или как у нас, просто желание выжить. Вы все в одном дерьме, и эти узы сильнее, чем дружба или семья. Но как только сражение оканчивается, сила объединения исчезает и они опять все поодиночке. За прошедшие тридцать месяцев я много что понял об этих людях, и о самом себе вместе с ними. Они природные бойцы, мужчины, которые лучше всего чувствуют себя в бою. В любых других ситуациях они ни черта не стоят, но с ножом или пистолетом в руках, они каким-то образом кажутся намного счастливее. Я знаю, потому что сам такой. Мне нравится знать, что боец передо мной враг, а боец за спиной союзник. Я могу жить с этим без проблем. А остальное не могу выносить: политиков и личностей, ответственность и разочарование, и ощущаю себя

беспомощным от всего этого. Если вы там не были, то у вас могут быть какие-то догадки, о чем я говорю, но чтобы понять по-настоящему, вы не должны просто смотреть, вы должны участвовать.

* * *

В ЗАМЕЧАТЕЛЬСТВЕ и с трепетом мы разошлись по камере после тренировки, повсюду витают слухи, что транспортник с Полковником вернулся. Мои чувства двояки, с одной стороны я просто хотел увидеть, кто прилетел с ним, после чего уже начинать беспокоиться о своем будущем.

Примерно часом позже грузовая дверь открывается и входит Полковник. Я пролаял приказы штрафникам «Последнего шанса», построив их из-за неожиданной проверки. Полковник проходитя вдоль пяти рядов, пристально смотрит на каждого, после чего останавливается рядом со мной.

--- Бойцы, кажется, готовы к сражению, лейтенант Кейдж, --- тихо произносит он.

--- Так и есть, сэр, --- отвечаю я, смотря прямо перед собой, как в прошлом учил меня сержант на базовой подготовке.

--- Ты хорошо постарался, Кейдж, --- говорит он, и мое сердце на секунду замирает. Я едва останавливаю глаза от взгляда вправо на его лицо. Это первые хвалебные слова, соскользнувшие из уст Полковника, которые я когда-либо слышал. Я знаю, это глупо, но услышав, что он доволен, я почувствовал себя хорошо. Похвала от жестокого ублюдка, этого бесчувственного тирана делает меня счастливым. Я чувствую себя, словно предатель по отношению к остальным штрафникам «Последнего шанса», но не могу остановиться.

--- Тебе снова придется реорганизовать отделения, --- говорит он, --- у вас несколько новых бойцов.

Он делает пару шагов обратно к двери и подает сигнал ожидающей в коридоре охране. Две фигуры заходят в

камеры, и я в изумлении смотрю на них.

Они почти одинаковые. Оба глинные и стройные, затаянные в городской камуфляж. Даже в желтом свете камеры их кожа невероятно бледна, почти белая, как и волосы. Не серебристая седина старости, но чисто белые, подстриженные до двухсантиметровой глины. Когда они промаршировали и встали по стойке смирно перед Полковником, я вижу их глаза, поразительно голубые, но намного темнее, чем лед глаз Полковника, хотя все также тревожащие. Приглядевшись, я осознаю, что слева женщина.

Я могу различить небольшие округлости, твердые груди под рубашкой и изгиб ее бедер совершенно радует глаз. Когда мы начинали, в Последнем Шансе было около сорока женщин, но последнюю из них, Алису, убили около года назад на Проторе. Единственными женщинами, что я видел с тех пор, были Боевые Сестры на Избавлении, и они постоянно носили силовую броню.

--- Проследите, чтобы они
расположились, лейтенант, ---

приказывает Полковник, отрывая меня от разглядывания прекрасных изгибов женской фигуры. Он выходит и все расслабляются.

--- Улена? --- спрашиваю я, подходя к новой паре, мои глаза все еще смотрят на женщину.

--- Я Лорон, --- говорит мужчина, тихим, почти женским голосом. Он указывает на свою спутницу.

--- А это Лори, моя сестра.

--- Я --- Кейдж. Вы двое присоединитесь к моему отделению, --- говорю я им, указывая на место, где бездельничают Франкс и остальные.

Без слов они проходят туда и садятся рядом друг с другом у стены, поблизости от отделения, но не совсем с ним. Франкс машет мне.

--- Кто они? --- спрашивает он, глядя на двух бойцов.

--- Лорон и Лори, --- отвечаю я, указывая на каждого, --- я полагаю, близнецы.

--- Не совсем твои нормальные гвардейцы, да? --- бормочет Линскраг, вставая около Франкса, его глаза

проследили наш взгляд.

--- Кого ты называешь нормальным гвардейцем, барон? --- с желчью в голосе спрашивает Франкс. Между ними всегда была небольшая напряженность. Я считал, что это из-за случая с офицерами полка Франкса, из-за его недоверия к любой аристократии Империи. Линскраг первое время не содействовал, когда пару лет назад он впервые попал сюда, он несколько сторонился. Но затем, я думаю, он осознал, что по шее в том же дерьме, что и остальные. Хотя Франкс, кажется, не заметил этой перемены.

--- Чуть менее цветных, я полагаю, --- хихикает Линскраг, весело хлопая Франкса по плечу.

--- Хотя мне кажется, что они немного дистанцируются, --- добавляет он.

--- Вы оба, хватит паяться! --- рывком я, отводя свой взгляд, --- они скоро потогреются, как только разделят с нами пару обедов и несколько тренировок. Они точно не усядутся со всеми остальными, учитывая, что на них все вечно пялятся с широко открытыми глазами.

--- От них мурашки по коже, ---
говорит Франкс, насмешливо загрожающе,
после чего уходит. Линскраз тоже
отчаливает через несколько секунд,
оставляя меня наедине с собственными
мыслями. Я снова смотрю на пару.
Странно, можно было подумать, что
боевая униформа сделает женщину более
мужеподобной, но мой взгляд, мужская
одежда только подчеркивала ее женские
атрибуты еще сильнее. Дав себе в уме
поощрение, чтобы очистить мысли, я
марширую тихо, прикрикнув на Пола и
отделение Джоретта отчитаться о
тренировке.

--- ДОЛЖНО быть, они колдуньи! ---
говорит Славини, присев и склонив свою
голову вперед, чтобы растянуть мышцы
спины.

--- Не думаю, что они заразят нас
любовью к тау, --- небрежно отвечаю я,
продолжая собственный разогревающий
комплекс.

--- Но никто не слышал, чтобы они
даже словом обтолвились друг с другом, ---

протестует сержант, снова вставая, ---
близнецы более склонны к магической
заразе, чем остальные, все это знают.

--- Что ж, они держаться друг друга, ---
признаю я, --- но предпочитаю оставить
это старым сплетницам и злословам
вроде тебя.

--- А, --- отвечает он, торжествующе
глядя на меня, --- есть кое-что еще. За
неделю, что они пробыли здесь, были ли
какие-нибудь неприятности? Драки? Кто-
нибудь пытался хоть что-то спереть?

--- Нет, --- отвечаю я, вращая головой
взад и вперед, чтобы расслабить шею, --- в
таком случае, я хотел бы, чтобы вы все
были такими как они.

--- Значит, в этом есть смысл, а? ---
решиительно заявляет Славини, глядя на
меня в поисках хоть какого-то признака
согласия.

--- В чем есть смысл? --- раздраженно
спрашиваю я, желая, чтобы он сменил
тему.

--- Близнецы отлично себя ведут, ---
говорит он расстроено, словно все
очевидно, --- можешь представить, чтобы

они попали в «Последний шанс» по какой-то другой причине? Должно быть, колдуны.

--- Не обязательно что-то подобное! ---
возражаю я. --- Возможно, они трусы, вот почему такие тихие. Может быть, отказались атаковать по приказу или что-то другое.

--- Они определенно не напоминают мне трусов, --- возражает Славини, опираясь на стену и вытягивая ногу вверх свободной рукой. Когда я ловлю его взгляд, в нем читается что-то резкое, но не страх.

--- Хорошо, --- признаю я, --- они не выглядят трусами, но это не делает их псайкерами.

--- Для меня --- делает, --- восклицает Славини, ставя точку в разговоре побежав трусцой по галерее. Неговерчиво покачивая головой от его упрямства, я бегу вслеп.

КАК и все остальные, я с открытым ртом глазею, как близнецы-альбиносы заходят обратно в камеру после тренировки. Лори разоблачилась от пояса, демонстрируя свою превосходно сформированную грудь и все остальное,

налет испарины блестит на ее алебастровой коже. Она тихо разговаривает с Лороном, пока идут, их головы наклонены друг к другу, полностью забыв обо всех остальных вокруг.

— Хорош глазеть! — равкаю я на бойцов поблизости, и большинство отводит взгляд. Я вижу, что Роллис все еще пялится со своего места, где он прислонился спиной к стене, и я иду к нему напомнить, кто тут главный, когда замечаю кое-то что более важное. Донован, настоящая задюка с Королиса, скользнул к близнецам, протирая свои потные ручки после боя. Я направляюсь подрезать его, но не успеваю, и он встает прямо перед Лори, остановив ее. Мои внутренности сжались от беспокойства, потому что я знал, что последует дальше — все это плохо кончится.

— Чудесная демонстрация, Лори, — хитро посмотрев, говорит Донован. Он потягивается вперед и кладет правую руку ей на грудь, глядя прямо в глаза. Она рычит, шлепком злобно скидывает его руку и пытается отступить, но он обернул

рукой ее талию и со стехом притягивает
обратно. Что конкретно произошло
дальше, я не увидел — они оба стояли
спиной ко мне — но через полсекунды
Донован откинув голову, начинает вопить.
Упадв при этом на колени и схватившись за
лицо. Лори обогнула его и пошла дальше
вместе с Лороном. Я зову Лори, она
останавливается и подходит ко мне. Она
славно улыбается, держа что-то в правой
кулаке.

— Я не люблю, когда меня трогают
извращенцы, — беспечно произносит она, ее
голубые глаза смотрят прямо в мои. Я
ощущаю, как она положила мне в руку что-
то влажное, после чего разворачивается и
уходит. Взглянув вниз, я вижу, как с моей
спины на меня смотрят глаза Донована.
Мой интерес к ее телу немедленно падает
ниже нуля

пристально глядя через
маленький круглый иллюминатор в
кабинете Полковника, я вижу мир, на
орбите которого мы стоим. Он серый и
облачный, ничем особо не примечательный.
Полковник как всегда пристально

наблюдает за мной, и я сознательно избегаю его взгляда.

--- Штрафная колония Гипернола на одной из лун этой планеты, --- говорит он, подтверждая мои прежние подозрения, --- мы спустился на поверхность в начале последнего часа середины цикла. «Гордость Лота» будет пополнена запасами в сортировочной станции на орбите. Когда мы попадем в штрафную колонию, я избавлюсь от услуг некоторых членов твоего взвода, которые неудовлетворительно действовали.

--- Могу я спросить от кого, сэр? --- спрашиваю я, любопытствуя об этих изменениях в отношении. Полковник ранее никогда не упоминал, что кого-то прежде высылал из «Последнего шанса». До сих пор единственным вариантом выбраться была смерть или прощение. Мне казалось, что мы можем потерять так же, как и все остальные.

--- Нет, --- сурово отвечает Полковник, напоминая мне, что я все еще сточное дерьмо в его глазах, и что недавнее прибавление под моей ответственностью.

Он оборачивается, дабы взглянуть в иллюминатор, и когда я отвожу взгляд от его спины, то уголком глаза замечаю что-то на столе Шеффера. В файле фотография Лорона и пока внимание Полковника витает где-то в другом месте, я наклоняюсь вперед, чтобы попытаться что-то разнюхать.

--- Ты можешь просто спросить, Кейдж, --- не поворачиваясь, произносит Полковник.

--- Сэр? --- пораженно вырвалось у меня.

--- Ты можешь просто спросить, какое преступление совершили Лорон и Лори, --- отвечает он, глядя через плечо на меня.

--- Что они натворили? --- нерешительно спрашиваю я, раздумывая, какую ловушку или тест заготовил Полковник.

--- Неподчинение приказам, --- просто отвечает Полковник, полностью разворачиваясь, --- они отказались исполнять приказ.

--- Я понимаю, сэр, --- уверяю я Полковника, напевая про себя, потому что я был прав, а Славини ошибался. Колдуньи,

конечно!

--- Я уверен, что поняли, лейтенант, --- говорит Полковник, странно взглянув мне в глаза, --- через час приготовьтесь к погрузке на шаттл, --- добавляет он, прежде чем отослать меня прочь взмахом руки.

--- ХОРОШО, --- признает Славини, когда я рассказал ему все, вернувшись обратно в загон, --- но это не значит, что это действительно произошло, просто потому, что так написано в досье.

--- Император, а ты недоверчивый тип, Славини, --- кисло произношу я, раздраженный, что он все еще не хочет признать, что неправ, --- пойдем со мной, мы разрешим этот вопрос раз и навсегда.

Я хватаю сержанта за руку и тащу его туда, где у стены, уставившись в пол, сидит Лорон. Я поставил его с сестрой в разные тренировочные группы в надежде, что это подтолкнет их к большому общению с другими, но, кажется, это просто разозлило и расстроило их. Что же мне придется что-то сделать с этими

интервертами, они станут частью подразделения, хотя бы они того или нет.

— Ты за что сюда попал? — требую я ответа, встаю перед Лореном и уперев руки в бока. Он медленно поднимает взгляд своих глубоких, голубых глаз, но не говорит ни слова.

— Как твой лейтенант, я приказываю отвечать мне, — рявкаю я, взбешенный его молчанием.

— Или это еще один приказ, который ты отказываешься выполнять? — злобно добавляю я. Он встает и смотрит мне прямо в глаза.

— Так вот, что вы думаете, — наконец-то произносит он, его взгляд мечется между мной и Славини.

— Тогда скажи нам, что произошло на самом деле, — настаиваю я. Он снова смотрит на нас двоих и вздыхает.

— Это правда, что Лори не подчинилась приказу, — медленно произносит он. Я самодовольно смотрю на нахмурившегося Славини.

— Это был приказ отступить, а не атаковать, — добавляет он, и мы оба в

отступлении пристально смотрит на него.

--- Вы отказались отступить? ---
недоверчиво переспрашивает Славини. ---
Тогда вы чудесно вписываетесь в
«Последний шанс». Вы какие-то уроды-
самобийцы или что-то в этом духе?

--- Я был ранен в ногу, --- с трагичным
выражением лица объясняет Лорон, --- Лорон
не подчинилась общему приказу об
отступлении и вернулась за мной. Она
несла меня на своих плечах около
километра обратно к линии осады. Они
сказали, что она не подчинилась приказам
и с позором отправили ее в военный суд.

--- Они не обвинили тебя в каком-
нибудь грязном заговоре или соучастии? ---
спрашиваю я, интересуясь, за что Лорон
присоединился к своей сестре.

--- Нет, --- отвечает тот, --- я
настаивал на разжаловании вместе с ней.
Они отказали, тогда я ударил капитана
своей роты. Они были только счастливы
выкинуть меня вслед за ней.

--- Чтобы остаться со своей сестрой,
ты ударил капитана? --- ржет Славини, ---
не сомневаюсь, что вы долбанутые на всю

голову колдуньи.

Я смотрю в искреннее лицо альбиноса, замечаю его странный взгляд, что еще больше вызывает во мне интерес к ним. Насчет того, откуда они.

— Очень хорошо, — говорю я ему, — с этого момента я буду держать вас с Лори вместе, если от этого вам лучше.

— Так и есть, — с простой улыбкой отвечает Лорон. Он проходит мимо Славини и затем останавливается. Он смотрит на сержанта, и улыбка исчезает с его лица.

— Я бы предложил не использовать слова «уродцы» или «колдуньи» рядом с Лори, — говорит он, его голос угрожающий, — она более чувствительна и менее благоразумна, чем я.

Ставлю, что так и есть, думаю я про себя, пока Лорон уходит, оставив Славини явно шокированным. Несознательно сержант трет костяшками пальцев глаза и отваливает, явно витая мыслями где-то в другом месте.

— Ну что, Лори, — говорит

Линскраз, наклонившись вперед, насколько позволяли ремни безопасности шаттла, чтобы высунуться из-за груди Кронины, --- ставлю, что ты не ожидала столь быстрого возвращения в штрафную колонию!

--- Мы не были в штрафной колонии, --- поправляет она. Близнецы наконец-то несколько оттаяли, когда все отстали от них и оставили груз с грузом. С их стороны, они начали чуть больше общаться, словно оба решили, что нигде не денутся, так что лучше, по крайней мере, попытаться наладить контакты с остальными. Но правде говоря, я бы сказал, что Лори питала слабость к Линскразу, хотя и не понимал, что она нашла в стазливом, некогда богатом бароне из хорошей семьи. Кронин спит между ними, спокойно захрапев, когда шаттл понес нас к луне.

--- Извини? --- говорю я, осознав, что она сказала. Я смотрю направо, где она сидит рядом с кормовой переборкой.

--- Ты имеешь в виду, что Полковник не просто забрал вас с луны штрафников,

куда мы летим?

--- Нет, --- отвечает она, резко потнувшись головой, --- последние восемнадцать месяцев мы дрались в штрафном батальоне на Проксиме Финалис.

--- Почему Полковник вытащил только вас? --- спрашиваю я.

--- Он нас не вытащил, --- говорит Лорон, и мы поворачиваем головы налево, чтобы посмотреть на него, --- нас осталось только двое.

--- Только двое? --- хрипит рядом со мной Франкс. --- Как так вышло?

--- Кластерная бомба орочьего истребителя упала прямо в центр нашего батальона, когда мы штурмовали, --- отвечает Лори и все взгляды перемещаются к ней, --- разорвав на части две сотни солдат --- всех, кроме меня и брата.

--- Нифига себе, --- с шокированным выражением лица высказывается Брокер на другом конце шаттла, --- это довольно удивительно.

--- Что случилось потом? --- спрашиваю я Лори, любопытствуя, как они

попали к нам.

--- Комиссар не знал, что с нами
сделать, --- продолжает историю Лорона,
привлекая к себе внимание, на другую
сторону шаттла, --- вот тогда снова
появился Полковник Шеффер, переговорил
с комиссаром, и затем закинул нас сюда.

--- Снова появился? --- спрашивает
Таппо, до того, как я озвучил то же самое.
--- Вы встречали его раньше?

--- Да, --- кивнув, отвечает Лорон, ---
около года назад, когда впервые был
сформирован штрафной батальон. Он
тогда прилетел и встречался с
капитаном. Мы не знаем, о чем они
говорили.

Я пытался прикинуть, что мы
сделали приблизительно год назад. Это
было не просто по некоторым причинам.
Для начала, за последний год или около
того, мы посетили пять различных миров,
и через некоторое время они все размылись
в одну бесконечную войну. Добавьте к
этому, что год назад для Лори и Лорона
могли быть не тем же самым временем
для нас, учитывая перерывы и время.

проведенное в варпе. Все дело в том, что корабли путешествуют через варп так быстро, потому что время там течет по-другому, чем в реальной вселенной. Что же, по крайней мере, так мне пытался объяснить техножрец во время моего первого путешествия с Олимпа. В нашей вселенной время течет нормально, так что люди на корабле могут провести от недели до месяца, в то время как в реальности прошло три месяца. Мне не к чему было привязаться, и, за неимением подходящего термина, нормального времени для меня с Учара-IV прошло два года. Насколько я знаю, за это время мог пройти реальный десяток лет.

Шаттл внезапно накрывается, и я шархаюсь головой в корпус, это вырывает меня из размышлений. Все смотрят друг на друга, интересуясь происходящим.

--- Какого флага? --- угрожаю вправку, после чего шаттл резко ныряет вправо, швырнув меня на ретни безопасности.

--- Турбулентность? --- предполагает Линскраг, самый спокойный из нас. Я

поворачиваю голову через плечо, чтобы
взглянуть в иллюминатор за моей спиной.
Я вижу изгиб луны над нами, слишком еще
далекой, чтобы мы вошли в атмосферу.

--- Нет, --- рычу я, дергая заток на
ремнях, и вскакивая на ноги, ---
оставайтесь на месте!

Я стараюсь пробраться к передней
переборки, опираясь на коленки людей по
пути туда.

Шаттл дрожит и заваливается на
другой борт, бросая меня в сторону, и
заставляя встать на карачки. Я ползу
вперед и подтягиваюсь по переборке,
склонившись над стеной, на которой висит
комм-передатчик, соединяющий нас с
кабиной, где сидит экипаж и Полковник.
Нажав кнопку, чтобы активировать его, я
немного уравниваю себя, поскольку
шаттл, казалось, несколько секунд
покачивает из стороны в сторону.

--- Что происходит, Полковник? --- ору
я в микрофон. Связь несколько секунд
трещит, после чего я слышу тихий и
отдаленный голос Полковника.

--- Вернись на место, Кейдж, ---

приказывает он, — пилот страдает от
синантического кровоизлияния.

Приготовьтесь к аварийной посадке.

Все смотрят на меня, они слышали,
что сказал Полковник. Почти все сразу же
заговорили, я не могу разобрать ни слова
из сказанного.

— Заткнитесь! — ору я, отщелкивая
комм-аппарат, и прислоняюсь спиной к
переборке. — Затяните ремни потуже.
Очень туго. Когда мы ударимся, положите
руки на лицо и держите локти и колени
вместе. Если нас не угробит приземление,
отделение Брокера идет первым, за ним
Дональдсон, Джоретт и Славини. Я после.
До того момента, ни слова.

Следующие несколько минут текут
тупичительно медленно, пока я карабкаюсь
обратно на свое место и снова
пристегиваю себя. Мы совершенно
беспомощны, просто надеется, что
помощник пилота сможет восстановить
какое-то управление. У луны достаточно
атмосферы, чтобы мы сгорели, если
зайдем под неправильным углом, и даже
если мы переживем это, мы ударимся с

поверхность на скорости около тысячи километров в час, если посадочные двигатели торможения не загорятся. Даже если они замедлят наш спуск, то нас будет вертеть как сучасшедших, при этом ударяя то боком, то носом о землю. И это, предполагая, что плазменная камера не взорвется от удара и не подожарит нас, тогда некоторые, возможно, смогут выбраться из этой передраги живыми.

Проходит примерно десять минут с первых признаков неприятностей, когда я ощущаю вибрацию корпуса от постоянного включения подгуживающих двигателей, изменяющих наше вращение и высоту, пока мы летим к луне. Это, по крайней мере, хороший знак, потому что говорит о том, что кто-то восстановил маневренность. Снова взглянув в иллюминатор, я вижу, что поверхность стала больше и почти заполнила обзор. Она песочно-желтого цвета, с оранжевые завитками облаков плыли в атмосфере. Антибликовые створки закрываются, блокируя обзор и защищая нас от ослепительного света.

вызванного входом в атмосферу. Полтинуты спустя шаттл начинает дико трястись, подкидывая меня на пару сантиметров вниз и вверх на скамейке, несмотря на то, что ремни болезненно туго врезаются мне в живот и плечи. Я слышу, как визг двигателей превращается в привычный рев, когда включаются турбореактивные двигатели, и осознаю, что мы не сгорим.

И все же, это не отменяет тот факт, что мы садимся со скоростью в два раза большей, чем необходимо. Если пилот включит тормозной двигатель слишком сильно — это разорвет шаттл пополам, если слишком поздно, то нас размажет столкновение.

Постоянным красным включается световая аварийная сигнализация, указывая на неизбежное приземление.

— Всем приготовиться! — ору я. Я жду секунду, чтобы проверить, что все должным образом подготовились, после чего оборачиваю руками лицо, зажимая уши, чтобы предотвратить разрыв барабанных перепонки от взрывного

изменения давления. Мое сердце бьет
молотом, мои колени дрожат, и я
стараясь прижать их друг к другу. Это
будет самым ужасным опытом в моей
жизни, потому что я всецело беспомощен
что-либо сделать. Не было ни одного
гребаного фактора, который я мог бы
изменить, чтобы выжить, за исключением
как обезопасить себя и постараться не
перенапрячься. Это легче сказать, чем
сделать, когда ты знаешь, что несешься к
земле с бешеной скоростью.

Когда мы с воём проносимся по
атмосфере, воздух наполняется
высокочастотным свистом. Я сжимаю
зубы, пока не вспомню, что должен
держать рот открытым. Я слышу, как
кто-то из солдат молится Императору, и
про себя начинаю свою. Пожалуйста, не
убивай меня таким способом, прошу я.
Сохрани меня, и я никогда не буду снова в
тебе сомневаться, я обещаю.

С почти оглушающим треском мы
ударяется, меня швыряет назад. Я
чувствую, словно мы скользим, шаттл
подпрыгивает и качается, дико

заваливаясь то вправо, то влево.

--- Фразфразфразфразфраз! --- я слышу, как хрипит рядом со мной Франкс, но я уже расслабился, осознавая, что мы сели и все еще живы. Затем внезапно я снова ощущаю потерю веса и то, что мы резко летим вниз, словно соскользнули с края утеса или вроде того. Меня потнуло к носу шаттла, когда он ныряет, и я почти дуко визжу, но утвдряюсь вовремя сдержаться. Все вокруг бешено вертится, вызывая тошноту и головокружение. С внезапным рывком вращение меняет направление. Сидящий напротив меня Маллори издает визг на высокой ноте и бьет мне на ботинки. Затем внезапно все успокаивается, и я все еще слышу, как ругается Франкс.

--- Фразфразфразфразфраз! --- повторяет он. Я смотрю на него и вижу, что костяшки его пальцев побелели, настолько сильно он сжал кулаки. У только тогда я ощущаю боль в своих ладонях, осознавая, что воткнул ногти в ладонь даже через перчатки. Заставив себя разжать пальцы, я смотрю на свои

колени, стараясь игнорировать
охватившую меня тошноту.

Следующий удар толкает мои
колени, он сопровождается звуком
раздираемого металла. И только затем
ты останавливается. Внезапно все
заканчивается, больше не ощущается
движение.

--- Фракните меня! --- орет Славина,
разорвав тишину, вздернув кулак к небу,
его голос пронзительный, а на лице
появляется дикая ухмылка. Я тоже
ухмыляюсь как безумец. Некоторые
начинают кричать, я разрываюсь от
стеха, другие плачут от счастья.
Чувствуя, что истерика вот-вот
поглотит нас, я резко бью головой с
фюзеляж, болезненное сотрясение
возвращает мне немого здравого смысла.

--- Отставить празднование, --- рявкаю
я, --- все в порядке?

Послышалась серия подтверждений, и
затем я слышу мелодичный голос Лори.

--- Что-то не так с Хрустом, ---
говорит она, указывая на грузного
гвардейца слева от нее. Я расстегнул

релни и подбираюсь к нему, сказав всем
оставаться на местах, на случай, если
шаттл двинется или что-то в этом роде.
Хруст развалился на своем сидении, его
голова утыкается в грудь. Я присаживаюсь
перед ним, и смотрю в его открытые
глаза. Они остаются безжизненными.
Когда я снова встаю, я замечаю огромный
синяк на задней части его шеи. Опасаясь
худшего, я пальцем беру его подбородок и
поднимаю голову.

Как я и подозревал, нет никакого
сопротивления.

--- Черт, --- неопределенно ругаюсь я, ---
он сломал шею.

Позволив лицу Хруста снова упасть
на грудь, я подхожу к комм-панеле.

--- У вас все в порядке, сэр? ---
спрашиваю я.

--- Пилот выведен из строя и все, ---
говорит мне Полковник, его голос в комм-
панеле потрескивает, --- что у вас?

Я оглядываюсь еще раз для проверки,
после чего отвечаю.

--- Один мертв, возможно, несколько
выбитых суставов, растяжений и синяков.

но на этом все, -- докладываю я.

-- Мы, кажется, проломили поверхность и упали в пещеру, -- сообщает мне металлический голос Полковника, -- организуй десять человек в разведотряд, я вскоре присоединюсь к вам.

Выключив комм-аппарат, я возвращаюсь в отсек.

У всех, кажется, уже утихла первоначальная радость, от осознания, что мы застряли где-то на луне. Мы даже не знаем, пригоден ли воздух снаружи для дыхания, как и что-либо другое об этом месте. Все что мы знаем, что двигатели все еще могут загореться, угрожая отправить нас в варн.

-- Джоретт, что с твоим отделением? -- спрашиваю я, шагая меж скамеек к сержанту. Он оглядывается на них, затем отвечает.

-- Все живы и здоровы, Кейдж, -- с улыбкой облегчения произносит он, -- мы фразгнутые счастливики, а?

-- Хорошо, когда Полковник придет сюда, мы узнаем, в какой заднице остановились, -- отвечаю я, садясь на

пустое место рядом с Джореттом и тяжело дыша. Что-то всегда приключалось, проклятье «Последнего шанса» всегда угрожало ударить, когда ты меньше всего ожидаешь. Даже простой перелет на шаттле не мог пройти для нас спокойно.

--- ЧТО это за долбанный шум? --- спрашивает Джоретт, когда я передаю ему респираторы и фотопленки. Я на секунду прислушиваюсь, нахмурив брови, и тоже слышу. Словно царапанье по корпусу, неустойчивый скрип.

--- Без понятия, --- отвечаю я, пожав плечами и натягивая ремень собственной маски. Скорее всего, атмосфера луны не пригодна для дыхания, но что больше беспокоит, так это тьма подземной пещеры, все остальное терпимо. Полковник приглядывает за бойцами, когда мы пытаемся произвести какой-то элементарный ремонт двигателей, силовые катушки прокололо во время крушения. Пилот-техножрец был выведен из строя и без сознания, и по его

рассеянному борлотанию, мы четко поняли, что нигуда не полетим, пока наши двигатели не включатся вместе с еще несколькими штуками. Уоррент-офицер, который управлял полетом, говорит, что навигационный маяк обнаружил нас за тридцать километров от штрафной колонии, так что о тарше не может быть и речи. У нас есть респираторы только для десятка человек и даже если бы их хватило на всех, баллонов хватит только на полчаса, после чего их нужно снова наполнить из фильтрационной системы шаттла, которая и так работает на износ на вспомогательном питании. Мы собираемся выйти наружу для проверки внешних повреждений, но, насколько мы можем судить, разрывов в корпусе нет. Если система обнаружения загрязнений шаттла все еще работает, то нет.

С выключенными двигателями мы на вспомогательном питании, так что таршу придется опускать вручную. Это тяжелый процесс, потому что нужно было опустить две герметичные переборки, чтобы сформировать воздушный шлюз.

Сложная работенка, с учетом, что система циркуляции воздуха в посадочной кабине и так почти перегружена из-за двенадцати пыхтящих и задыхающихся бойцов, воздух становится затхлым и раздраженным. Примерно через час работы мы готовы опустить рампу.

--- Хорошо, надевайте маски, --- приказываю я, опуская свой собственный загубник респиратора. Я пару раз вдыхаю для проверки работоспособности, затем затыкаю ноздри губами пробками. Я опускаю визор со лба, устанавливая его на переносице, и затем проверяю, готовы ли остальные. Я поставил по три человека за каждый ручной таховик, и они начинают вращать, опуская рампу сантиметр за сантиметром. Я ощущаю, как наружная атмосфера с удорожно врывается внутрь. Через пять минут рампа опускается, и я тарширую в пещеру, включая фотолампу. В ее резком красном свете я вижу пласты различных пород в зазубренных стенах пещеры. Взглянув вверх, луч исчезает во тьме, так что потолок, должно быть, находится более чем в десяти метрах над

нами. Я машу остальным спускаться, и
иду к двигателям, самой жизненно важной
части шаттла на данный момент. Песок
хрустит под ногами, пол усыпан
обломками скал, упавшими от нашего
падения. Я снова слышу странное
царапанье, когда оказываюсь рядом с
конголами двигателей. Но ходу
приближения, жар, выделяющийся от
ускорителей, заставляет меня потеть.

Я провожу лучом фотолампы по
соплам ускорителей, ища трещины или
вмятины, но не обнаруживаю таких. Я
вижу, как титло проходит Джоретт, светя
фотолампой на кожух двигателях с другой
стороны. Он подходит ближе, и затем
хмурит брови, выпрямляясь.

--- Кейдж, --- взмахом подзывает он
меня, его голос приглушен маской, ---
взгляни на это.

Встав рядом с ним, я тщательно
осматриваю место, куда указывает его
фотолампа. В красном свете я различаю
тень, примерно на середине, как раз над
моей головой. Похоже на дыру и я ругаюсь
про себя. Если кожух проткнут, то его

нужно залатать до того, как бойцы
внутри смогут подсоединить катушки.
Затем, кажется, что дыра двинулась,
слегка изменив очертания.

— Какого флага? — слышу я, как
бормочет Джоретт. Подтянувшись на
перекладине повыше, я приглядываюсь.
Дыра вовсе не является дырой. Это что-то
вроде существа с множеством ног,
размером примерно с лагерь. Я вижу, как
блестят ее глаза в свете фотолампы. Ее
десять ног вывихнуты наружу и вцепились
в корпус шатла. Я замечаю, как ее
трехсантиметровые мандибулы жуют, и
вижу какую-то пену у рта. Она, кажется,
совершенно не обращает на меня внимание.
Я толкаю ее фотолампой, но она даже не
сдвинулась. Уголкем глаза я замечаю что-то
еще, и, смотрю выше по фюзеляжу. Еще
около двух десятков таких же тварей
прицепились к корпусу. Пузырящийся ручей
стекает по корпусу, оставляя
металлические следы на почерневшей от
жара краске.

— Пошли двух бойцов в оружейный
шкафчик в посадочном ангаре и пусть

припавшим все огнеметы, которые там
есть, -- приказываю я Джоретту. Он
секунду колеблется.

-- Сейчас же, Джоретт!

-- Они жрут наш шаттл, -- говорю я
сержанту, после того как он отослал пару
парней обратно к ранне, -- нужно
проверить нос, выяснить, сколько там еще
этих тварей.

Если они прогрызут фюзеляж, воздух
изнутри выйдет и все задохнется... Когда
он уходит, я снова обращаю свое внимание
на инопланетных жуков, расползшихся по
шаттлу. Пройдясь до другого конца
шаттла, я насчитал еще двадцать штук.
Я полагаю, что они могут быть похожи на
ферро-зверей Эпсилона Октариуса,
переваривающих металлическую руду в
скалах. Шаттл, должно быть, для них
целый чертов банкет, это уже точно.

-- Тут еще около сорока этих
гребаных тварей! -- слышу я приглушенный
крик Джоретта от носа шаттла. Двое
бойцов, отправленных внутрь, вернулись,
неся по паре огнеметов. Я забираю у них по
одному, и отправляю вперед к сержанту.

--- Давай на хер спалим этих телких
уродцев, --- говорю я, передавая огнемёт
Ламтаксу, толкователю снов. Я отхожу
на шаг и нажимаю на запальную кнопку в
катере воспламенителя, синий огонек
пробуждается к жизни. Вручив фотолампу
одному из бойцов, я твердо сжимаю
огнемёт обеими руками, расставляю ноги
и навожу сопло на вершину шаттла. Я
нажимаю спусковой крючок и позволяю в
течение нескольких секунд огню облизать
шесть метров корпуса. В паузе между
стрелями, я замечаю оранжевые блики от
носа и понимаю, что Джоретт делает то
же самое. Ламтакс открывает огонь, и я
вижу пятна дымящегося жира там, где
раньше находились инопланетные твари.
Ламтакс перенаправляет поток пламени
и горящее топливо огнемёта стекает с
корпуса, разбрызгиваясь в метре от меня
справа.

--- Твою ж мать, смотри куда
направляешь эту долбаную штуку! --- ору я,
и пламя исчезает. Снова открыв огонь, я
заливаю оранжевой струей огня
ускорители, убеждаясь, что ни одна из

этих тварей не спряталась внутри сопел.
Еще одну минуту я иду вдоль шаттла,
посылая струи на крышу каждые несколько
метров. Прилипшее к фюзеляжу топливо
огнемета продолжает гореть, окрашивая
пещеру мерцающим оранжевым светом.

--- Хорошо, прекратить огонь! --- кричу
я.

Обменяв огнемет обратно на свою
фотолампу, я карабкаюсь по поручням
наверх шаттла. Осветив там все лучом
фотоламп, я вижу пузырящуюся,
расплавленную краску и больше ничего. Я
разворачиваюсь к другим, чтобы сказать,
что все чисто, когда странный звук
начинает эхом разноситься по пещере ---
тихое, продолжительное царапанье.
Осмотрев все с помощью фотоламп, я
вижу туннель, примерно в двадцати
метрах от хвоста шаттла. Пока я
смотрю, то замечаю тени,двигающиеся в
туннеле к нам, их сопровождает такой же
царапающий звук, который мы слышали
внутри шаттла, и он становится громче.

--- Ох, фраз, --- шепчу я, когда волна
инопланетных жуков врывается в пещеру.

разбегаясь по полу, словно живой ковер.

--- Огнеметы! --- реву я рассеянными
гвардейцам ниже, указывая на
приближающуюся массу ксеносов. Джоретт
бегом вылетает из-за носа шаттла и
сразу же ослепительное пламя освещает
пещеру. Он встает рядом с Ламмаксом и
хитрит что-то несколько секунд с
соплом огнемета, после чего посылает
широкую струю дугой к туннелю. Я
поспешно слезаю на землю, постоянно
оглядываясь через плечо на происходящее.

--- Мы, мля, сдерживает их, ---
объявляет Джоретт, и посылает еще одну
струю.

--- Да, но ненадолго, они разбегаются, ---
добавляет Ламмакс, делая паузу и
указывая налево. Верно, существа
разбегаются от огня, угрожая окружить
нас.

--- Дарвон! Тенсон! --- кричу я бойцам с
огнеметами. --- Дуйте туда и загоните их
обратно в туннель.

Покуда они выполняют приказ, я
встаю между Джореттом и Ламмаком.

--- Мы должны сдерживать этих

фрагментов в туннеле, чтобы они не обошли нас.

Пока мы шаг за шагом загоняем их обратно, мне приходит в голову мысль.

— Вы видели какие-нибудь туннели впереди? — спрашиваю я Джоретта, бросая испуганный взгляд назад.

— Расслабьтесь, — отвечает он, — это первое что я, тля, проверил.

Выдохнув от облегчения, я отхожу назад и позволяю им продолжать работу. Пару минут спустя они стоят у входа в пещеру. Он примерно два с половиной метра в ширину и примерно такой же высоты, практически круглый.

— Я пуст, — кричит Тенсон, закидывая огнемет за плечо.

— Беги к оружейному шкафчику, там должны быть дополнительные канистры, — говорю я ему.

— Они остановились! — восклицает Дарвон. Отодвинув его в сторону, я вижу, что он прав. До изгиба, в двадцати метрах перед нами, что мы видим в туннеле, нет никаких признаков этих тварей.

--- Они отступили, --- тяжело
произношу я, --- должно быть, у них где-то
рядом гнездо, чтобы столько много и так
быстро прибежало сюда. Мы должны идти
и выследить его.

--- Ты, мля, уверен? --- спрашивает
Джоретт. --- Мы уже торчим тут десять
минут. И у нас осталось воздуха еще на
двадцать гребаных минут.

--- Один Император знает, сколько
этих тварей там, --- отвечаю я, ---
огнеметы уже почти пусты. Кто знает,
сколько еще атак мы сможем отбить.
Нет, нам нужно ударить по гнезду,
собрать их всех в одном месте, в одно
время.

--- Я не уверен..., - продолжает
Джоретт, советуясь со мной.

--- Я тут главный, --- рычу я на него, и
он отступает, качая головой.

Я ПРАВ: туннель ведет прямо к их
гнезду, примерно в двухстах метрах от
шаттла. Это огромная пещера, дальняя
стена слишком далека, чтобы туда
добивал луч фотолампы. В шкафчике

оказалось всего лишь по одной
дополнительной канистре для огнеметов,
этого могло не хватить, тут тысячи
существ. Они, кажется, как-то
дезорганизованы, кучкуются случайным
образом повсюду, покрывая пол, бегают
вдоль стен и по потолку. Как и прежде, они
не обращают на нас внимания, и я веду
отделение дальше в пещеру. Я замечаю
еще четыре туннеля, уходящих из пещеры,
некоторые ведут вниз, некоторые вверх,
они прогрызли себе тут настоящую сеть
ходов. Я задумался, а знают ли власти
штрафной колонии, что у них тут
творится под ногами.

— Сэр, — коротко шепнув, Джоретт
привлекает мое внимание, потнув головой
в одну из сторон. Взглянув в этом
направлении, я замечаю массу желтых
инопланетных яиц, маленьких мешочков
из плоти, размером с мой большой палец.
Они тянутся по полу грубым кругом,
простираясь дальше света фотоламп, их
десятки тысяч. В резком красноватом
сиянии фотоламп я могу различить
большие, темные очертания. Высотой

примерно с метр, взгүтие на десятке
веретенообразных ножек, сидящее на груде
яиц в центре гнезда.

--- Я считаю, что это матка, --- с
многозначительным взглядом произносит
Дарвон.

--- Давайте сожжем ее! --- рычу я,
хватая огнемет Дарвона и направляясь к
матке жуков. Она поворачивает голову к
нам, когда мы достигаем края кучи яиц,
пучок глаз уставился на меня, в них
светится интеллект. Я поднимаю
огнемет и нацеливаю его прямо на матку,
шутливо устехаясь под маской. И только
тогда я замечаю движение справа и слева
от меня. Другие гвардейцы тоже
замечают и начинают отходить от яиц.
Из боковых туннелей, в поле зрения
появляется грудой вид бегущих существ.
Они примерно нам по талию, опираются
на десяток много суставчатых ног, их
зловещие рога выпирают вперед из
насекомьих голов. Появляется все больше и
больше, спешат к нам в тыл, чтобы
отрезать путь к отступлению.

--- Бежим! --- ору я, нажимая на

спусковой крючок огнемета и окуная
инопланетную латку в пламя, я вижу, как
она корчится секунду, после чего падает на
землю. Воздух наполняется шипением и
жужжи-солдаты, я полагаю, вот кто они
кидаются на нас, стремительно
передвигаясь на своих ножках. Другие уже
бегут к туннелю, и я следую за ними, пару
раз пуская стрелу из огнемета то влево, то
вправо, когда ксеносы подбираются
слишком близко.

Один из солдат взбегаем на стену
туннеля рядом с входом и кидается на
Джоретта, приземляется ему на плечи и
хватает ногами его голову. Он орет, когда
тварь втыкает рога ему в глотку, и
разбрызгивая кровь, сержант падает на
землю. В предсмертном спазме палец
сержанта сжимает спусковой крючок
огнемета и посылает стрелу огня в спину
одному из гвардейцев — Маллори.
Маллори барахтался секунду, пока пламя
облизывает его одежду, его волосы
вспыхивают. Размахивая руками, он
бежит в мою сторону, кожа вокруг маски
пузырится и оплывает, широко открытые

глаза нyalятся из-за визора, мне приходится отпрыгнуть вправо, чтобы он не схватил меня. Он падает лицом вперед, булькающий вопль слетает с его губ. Он секунду царапает свое лицо, пока маска вплавляется в плоть, затем оседает и остается недвижим. Мне некогда думать о нем, между мной и туннелем стоит еще двое солдат, поджавших ноги и готовых прыгнуть. Пламя со свистом вылетает из туннеля, мгновенно сжигая ксеносов, от жара огня повсюду разлетается пепел. Я вижу стоящего там Тенсона, он машет мне рукой. Перепрыгнув через обугленные, тлеющие тела солдат, я кидаясь в туннель.

МЫ организовали отступление с боем в проходе к шаттлу. Тенсон, Ламтакс и я по очереди сдерживаем наступающих ксеносов, после чего отбегаем назад за следующего бойца с огнеметом. У нас заняло примерно десять минут добраться до пещеры, где мы снова встаем у входа. Очередь Ламтакса, когда я вижу, что он целится слишком низко.

некоторые из солдат бегут по потолку прохода. Я ору, но слишком поздно, один из них падает на него, шипы пронзают его плечи. Дарвон хватается эту тварь и отталкивает в сторону, я оттаскиваю Ламтакса, чтобы Тенсон занял его место, сразу же струя из огнемёта опаливает потолок.

Ламтакс пытается разогреть рану, но я держу его руки, встав коленями ему на грудь, чтобы он не особо брыкался. Прокол глубокий, но выглядит безобидным, пока я не замечая густую как смола субстанцию, вытекающую кровь — возможно яд. Ламтакс узнает мое выражение лица, и с широко открытыми от ужаса глазами, смотрит на свое плечо. От боли по его щекам текут слезы, скапливаясь в лужицу на дне визора. Взбрыкнув, он сталкивает меня с груди, и рывком вытаскивает с пояса нож. Я пытаюсь поймать его руку, но не успеваю; он втыкает его себе в грудь по самую рукоятку.

— Справа! — ору я, вставая и расталкивая других в сторону, так как они собираются вокруг тела Ламтакса, —

Делите респираторы и обратно в шаттл.

Остальные оставьте мне.

--- Вы о чем, мля, говорите, сэр? ---
требует ответа Тенсон.

--- Мы не знаем, сколько времени
займет починка двигателей шаттла, ---
спешно объясняя я, тыкая пальцем в
туннель, чтобы напугать Тенсона об
осторожности, --- один боец может
удерживать туннель, как и остальные, и
если вы оставите мне респираторы, я
смогу продержаться чуть дольше, чем,
если бы мы остались все вместе.

--- Лучше вам вернуться обратно, ---
настаивает Дарвон, поднимая огнемет
Памтакса, --- а я сдержу их.

--- Даже не думай со мной спорить по
этому поводу, --- огрызаюсь я, --- это не
какое-то там дерьмовое
самопожертвование, я просто не доверяю
вам, вы позволите угробить себя.

А теперь отдавай мне огнемет и
тащи свою жалкую задницу к шаттлу.

Они обмениваются взглядами друг с
другом, но когда видят решимость в моих
глазах, я понимаю, что они сдались. Тенсон

отступают, послаб последнюю струю в
туннель, после чего сдернув ремешок
огнемёта с плеча, прислоняет его к стене.

--- Как только кончится топливо или
воздух, бегите в шаттл, --- яростно
говорит он, глядя на меня и остелившись
перечить мне.

--- Скройся с глаз, --- говорю я, отгоняя
его струей пламени. Я остаюсь один, с
трёмя огнемётами и примерно часовым
запасом воздуха. Я просто надеюсь, что
хватит и того и другого, как только
кончится что-нибудь одно, я --- труп.

Я ОТБЫЛ примерно ещё полдюжины
атак за четверть часа, когда ко мне
прибежал Тенсон. Я уже поменял один раз
маску, баллон той, которая на мне, уже
кончается.

--- Какого флага ты тут делаешь? ---
требую я ответа, отталкивая его обратно
к шаттлу.

--- Полковник послал меня сказать,
что основное питание восстановлено, ---
говорит он, отпихивая мою руку, ---
понадобится ещё полчаса, прежде чем мы

стожем запустить взлетные ускорители.
Как ты считаешь, ты столько
продержишься?

--- Огнемет почти пуст, в других по
половине, --- уверяю я его. Он кивает и
кидается обратно к шаттлу, еще раз
бросая на меня взгляд через плечо. Я
возвращаю свое внимание к туннелю и
вижу еще одну волну бегущих ко мне
ксеносов. Я выпускаю последнюю струю и
откидываю огнемет в сторону, хватая
другой рядом со мной, сразу же открывая
огонь. Это будет очень долгие полчаса.

Я ПОНЯЛ, что осталось, может
быть, четыре, может быть, пять
выстрелов в последнем огнемете. У меня
так же остался последний респиратор, и я
оглядываюсь в сторону шаттла, ища
любые признаки того, что они закончили
ремонт ускорителей. Таковых не
наблюдается. Глянув в туннель, я вижу
наполовину заполняющую его насыпь из
искореженных, обожженных тел чужих.
Эти существ поражали, бросаясь раз за
разом на явную смерть. Я не могу понять,

зачем они это делают. Они не выглядят слишком слышными, чтобы мстить за убийство татки и шаттл не стоил сомнений убитых. Опять же, люди могут спросить, почему я просто не прикончил себя, а остался в «Последнем шансе», сражаясь в одной боине за другой. С их точки зрения, если бы я сделал это сам, то это была бы наверняка быстрая, простая и безболезненная смерть, чем рисковать получить на поле боя мучительную и увечную. Но я не разделяю эту точку зрения. Я не собираюсь утирать за Полковника.

Раньше я горел желанием сложить голову за Императора и Империум, но чем больше я осознавал, что они собой представляют, тем больше понимал, что они этого не стоят. Я всякого насмотрелся за последние три года, с тех пор как вступил в Имперскую гвардию, и не видел ничего такого, что заставило бы меня думать, что все эти жертвы не напрасны. Постоянно утирают миллионы гвардейцев и флотских, и за что? Чтобы эти неблагодарные командующие

планетами, кардиналы и офицеры могли
сделать зарубку об еще одной
бесстысленной победе? Чтобы клерк
Департаменту Муниторум или
Администрация мог сделать пометку
на звездной карте, что вот этот
никчемный кусок скалы все еще под
властью Империи? И вот я стою здесь,
на этой дурацкой луне, противостою рою
инопланетных существ в одиночку, чтобы
свалить и рискнуть своей шеей в какой-то
другой проклятой боине?

Я начинаю ощущать головокружение,
воздух в респираторе почти кончился. Я
пару раз трю рукой визор маски, прежде
чем осознать, что пятна перед глазами не
на пластмалевых линзах. На груди трюнов
возникает движение, и я вижу, что ксеносы
опять атакуют. Я снова поднимаю
огнемет, оружие, кажется, тяжелее, чем
было секунду назад.

Нажимаю на спусковой крючок, и язык
пламени ревет по туннелю, сжигая до
тепла живых инопланетян.

Я задыхаюсь, пытаюсь сделать еще
один вдох, и осознаю, что в панике

опустошил контейнер, еще чуть-чуть воздуха осталось в самой маске. Еще больше существ несетя по туннелю, и я утүдряюсь снова выстрелить, моя глотка напрягается, пока я пытаюсь вдохнуть несуществующий воздух. Головокружение захватывает голову, и мои ноги просто отказывают ного мной. Я едва могу двинүться, но вижу, что темная тень волны жуков приближается. Я задыхаюсь, моя грудь напряглась, но я утүдрился выставить огнемет перед собой и снова выстрелить, в последний раз заставляя жуков-солдат отступити. Перестают ощущаться пальцы, и я скорее понимаю, чем чувствую, что оружие вывалилось у меня из рук. Я пытаюсь поднятися, пытаюсь найти какой-то последний резерв сил, но в этот раз такового нет. В ушах стоит рев, и тьма кружит вокруг меня.

От тряски я прихожу в себя, ощущая, что кто-то прикасается ко мне. Слабомахнув руками, я пытаюсь отогнать солдат-жуков. Один из них сдирает с меня респиратор, и я чувствую, как что-то

прижимается к моему лицу. Внезапно легкие наполняются свежим воздухом, и я ощущаю, что меня тащат по земле. Когда зрение прояснилось, я вижу стреляющего в туннель из огнемета Тенсона, после чего он хватается за ружейное ложе и зашвыривает в проход, крича что-то, что я не могу разобрать. Пока меня затаскивают на ратну, я вижу волну тьмы, кинувшейся на гвардейца, та сбивает его с ног. Шипы поднимаются и падают, стремительно втыкаясь в его тело, из глубоких ран струей бьет кровь. С завыванием ратна начинает закрываться, затемняя панораму.

— Мы внутри! — я слышу, как кто-то кричит у меня за спиной. Я лежу на спине и пялюсь в светосферу на потолке, очарованный ее желтым светом. Он кажется ослепительно ярким после пещеры, но я продолжаю пялиться на него. Пол под ногами начинает дико трястись, и я ощущаю, как увеличился вес, это говорит о том, что мы взлетаем. В поле зрения появляются нечеткие лица; они болтают, но их голоса сливаются в спутанное

бортование. Я закрываю глаза и насколько могу, концентрируюсь на своих легких.

ПОСТРЕПАННЫЙ шаттл утүдрился и пролететь несколько километров до штрафной колонии, где Полковник забрал одного из их шаттлов, чтобы вернуть нас на «Гордость Лота». Техножрец умер от полученных травм до того, как мы долетели до колонии и мы оставили тело там. Когда мы выгрузились в ангар для шаттлов, я приближаюсь к Полковнику.

--- Вы никого не бросаете, сэр, --- подчеркиваю я.

--- Ты прав, никого, --- отвечает он, наблюдая, как изнуренные гвардейцы тащатся вниз по рампе.

--- И ты также не собираешься набирать новобранцев? --- предполагаю я, глядя на его лицо в поисках подсказок насчет его мыслей, но оно ничего не выражает.

--- Для нас нет, --- подтверждает он, наконец-то оборачиваясь ко мне.

--- Почему, сэр? --- спрашиваю я через секунду, задүтавшись о том, что если я

просто спрошу, как он и говорил, насчет истории с Лорон и Лори.

— Никто из них не достаточно хорош, — это все, что он отвечает, глядя прямо на меня, и затем разворачивается, чтобы уйти.

— Хорош для чего? — спрашиваю я, кинувшись за ним.

— Сегодня ты слишком много задаешь вопросов, Кейдж, — говорит он, шагая по решетчатой палубе. Он смотрит на меня через плечо, примеряясь и затем, кажется, принимает решение.

— Зайди со мной в мой кабинет, охрана знает, как проводить твоих бойцов в загон.

Мы идем в молчании, моя голова кружится от мыслей. Что он собирается показать мне? Или он собирается отчитать меня лично, не желая портить дисциплину, отвешивая мне пару шишек перед бойцами? Опять же, раньше это его никогда не останавливало.

Пока мы поднимается по палубам на железном эскалаторе, Полковник продолжает смотреть на меня. Это

внезапное развитие событий одновременно беспокоит и вызывает интерес. Пока мы идем по коридору к его кабинету, с другой стороны к нам подходит одетый в тунику лакей. Он изумленно смотрит на меня, но ничего не говорит. Мы оба следуем за Полковником внутрь, и он закрывает за нами дверь.

— Покажите лейтенанту Кейджу документы, — говорит клерку Шеффер, садясь за стол. Из огромных рукавов туники мужчина достает связку пергаментов и вручает ее мне.

Я разворачиваю верхний и кладу остальные на угол стола Полковника. Они написаны большими, рукописными буквами. На Высоком Готике, так что я не понимаю большую часть написанного. Однако я распознаю заголовок. Там написано: «Absolvis Imperius Felonium Omnia», что, как я понял, означает: «Император прощает все ваши грехи». Внизу стоит тяжелая восковая печать с отпечатком Комиссариата, и я замечаю над ней имя Джоретта. Потрясенный, я смотрю другие, они для Ламтакса и для

остальных.

--- Прощение для мертвых? ---
сконфуженно спрашиваю я.

--- Прощение может дароваться
постертно, --- со всей искренностью
заявляет мне клерк, --- так же легко, как
благодарности и медали.

--- Все мертвые получили это? ---
спрашиваю я, поворачиваясь к Полковнику.
Он один раз кивает, пристально глядя на
меня. Ты действительно безутец, думаю я
про себя, глядя в ответ на сидящего в
оббитом кожей кресле, тот держит перед
собой сцепленные пальцы.

--- Только Император может
даровать вечное и неограниченное
прощение, --- бормочет позади меня писчий.

--- Вы все слышали мое обещание, ---
говорит Полковник, заговорив впервые, с
тех пор как мы покинули ангар шаттлов, ---
я даю вам последний шанс. Если вы
утрете на службе, вы заслужили право на
прощение. Это кое-что значит; это не
просто слова. Ваше имя войдет в анналы
Империи, как служащего Императору и
исполнившего свой долг. Если мы знаем о

ваших близких, то о детях смогут позаботиться в Схоле Прогениум. С вашими семьями свяжутся и расскажут об обстоятельствах смерти.

--- А если не утру? --- внезапно обеспокоенно спрашиваю я.

--- Все утирают, лейтенант, --- тихо произносит клерк за моей спиной. Я разворачиваюсь и смотрю на него.

--- Рано или поздно, --- добавляет он совершенно равнодушно. Я разворачиваюсь к Полковнику, чтобы потребовать ответа, почему он хочет нашей смерти, но он говорит первым.

--- Это все, лейтенант Кейдж, --- говорит он, не проявив ни одну эмоцию. Кипя внутри, я закрываю рот и отдаю салют.

--- Клерикус Амагуель вызовет охрану, чтобы вернуть вас к вашим бойцам, --- заканчивает Полковник, указывая на дверь рукой, слегка наклонив голову.

ЗВУК постоянной бомбардировки был монотонным и приглушенным стенами командного центра, он слышался как

отдаленные глухие удары. Внутри
операционной комнаты повсюду царил
организованный хаос, писчие и тыловики
бегали туда-сюда, разнося детальную
информацию о последнем наступлении
врага. В центре комнаты, среди рядов
циферблатов и тактических дисплеев,
гололитический проектор показывал
схематичный рисунок крепости, красным
мигали иконки, показывающие позиции
вражеских укреплений. Синие символы
представляли защитников, собравшихся на
местах для отражения штурма. Два
офицера стояли рядом с гололитом,
великолепные в своих темно-синих
сюртуках с золотым плечением. Один из
них, с пятью гвоздиками командора
генерала на эполетах, указывал на область
на юго-западе.

— Это похоже на отвлекающий
маневр, — прокомментировал он своему
приятелю офицеру, чьи ранговые отметки
говорили о том, что он капитан, —
верните бригаду эпсилон обратно на
западные стены и нажмите 23-ей вдоль
флангов.

Капитан погрозил пистолетом взмахом
руки и короткими фразами передал
приказ. С обеспокоенным лицом, он
повернулся к своему сеговластному старшему
офицеру.

--- Как мы можем продолжать
сражаться, сэр? --- спросил он, нервно
постукивая пальцами по золоченой
рукоятке меча, висящего на его левом
бедре. --- Ух, кажется, бесчисленное
множество и они бросают тысячи просто
чтобы проверить нашу реакцию.

--- Не волнуйся, Джонатан, --- уверил
его командор-генерал, --- помощь в пути и
когда она прибьет, мы будем спасены.

--- А что насчет другой проблемы? ---
возбужденно вопрошал капитан, его голос
упал до напряженного шепота. --- Что
сделать с врагом внутри?

--- Здесь он только один из них, ---
таким же успокаивающим тоном
ответил командор-генерал, --- их поймут
и уничтожат, и тогда эта маленькая
угроза будет забыта. Ничто нас не
остановит

Глава четвертая.

Предательство.

+++ Операция Сбор вошла в заключительную стадию. Каков статус операции Новое Солнце? +++

+++ Новое Солнце вошло в основную фазу. Операция Сбор должна быть завершена как можно скорее, время не ждет. +++

Я никогда раньше не видел Полковника таким злым. Я думал, что видел, как он бесится, но это было просто средненькое раздражение по сравнению с текущим спектаклем. Его глаза столь пронзительны, что могут проткнуть броню, его окровавленная кожа почти побелела, его челюсть сжата так сильно, что я вижу, как дергаются мускулы на его щеках. Капитан Феррин тоже далеко не счастлив. Капитан корабля багровел и потел, нахмуренно глядя на Полковника. У меня оказался в центре всего этого. Я просто докладывал о последней проверке запасов вооружения Полковнику, когда капитан

вошел и сообщил ему, что мы меняем курс, чтобы ответить на общую тревогу. Полковник спокойно сказал, что мы нигде не летим, и чтобы он нас вернул на прежний курс, и затем все понеслось.

— Вы знаете мой обозначенный приказ, Полковник Шеффер, — шипит капитан, уперев на стол Полковника сжатые в кулак руки, его толстые плечи на одном уровне со щеками.

— Могу я наполнить вам, что это судно было прикомандировано для перевозок, капитан, — огрызается Шеффер, вставая из-за стола и подходя, чтобы взглянуть в иллюминатор.

— Это расценивается как высшее предательство, не ответить на сигнал общей тревоги, — кричит в ответ капитан, — сейчас нет чрезвычайной ситуации или приказа об отмене от вышестоящего офицера.

— Судно в моем распоряжении, — тихо произносит Полковник, и вот тогда я понимаю, что все становится по-настоящему опасным. Полковник был одним из тех, чей голос становится все

тише, когда они оказываются на грани.

--- У я даю вам приказ об отмене, капитан.

--- Я все еще самый старший офицер на этом корабле, полковник, --- отвечает ему капитан, натянуто выпрямляясь и сжата-разжатая кулаки за спиной, --- это под юрисдикцией флота. Я --- командующий этим кораблем.

--- У меня высшие полномочия! Вы знаете, о чем я говорю, капитан! --- орет полковник, повернувшись на пятках и встав перед Феррином. --- Я отдаю вам прямой приказ, со всеми необходимыми полномочиями. Вы возвращаете нас обратно на изначальный курс к Тифон Прайм!

--- Ваши полномочия не распространяются на «Военные Положения флота», полковник, --- покачив головой, отвечает капитан, --- после того как мы договорились о выполнении своего долга на Кразмире, я вернусь к этому вопросу. И это --- мое последнее слово. Если вам не нравится, можете вылететь через ближайший воздушный шлюз и лететь

сами!

После этой бури капитан вылетает из кабинета, и хлопает за собой тяжелой дверью. Я не могу избавиться от картинки, как Полковник выстраивает нас в линейчку и, маршируя, мы уходим в воздушный шлюз, как и предложил Феррин. Он, возможно, достаточно безумен для такого. Полковник секунду выглядит так, словно кинется вслеп за капитаном Феррином, затем немного успокаивается. Он глубоко вдыхает, поправляет шинель и разворачивается ко мне.

— Что у нас есть для холодных погодных условий, Кейдж? — внезапно спрашивает он. Я замешкался, сбитый с толку, и он указывает на инфопластину со списком инвентаря у меня в руке.

— Я... ы... зачем? — заикаюсь я, после чего немедленно получаю в ответ негодующий взгляд.

— Вылетайся, Кейдж! — рявкает он на меня, забирает из руки инфопластину и отмахивается ею. Я спешно отдаю честь и пулей вылетаю за дверь, с радостью сбегая от Полковника, пока он в своем

убийственном настроении.

ЕЩЕ две недели вариснов закончились, когда нас выкинуло в систему Кразмир. Мы тут, чтобы драться с орками, сказал мне Полковник. К несчастью, это ледяной мир. Сомкнутый вечным ледниковым периодом, Кразмир представляет собой огромную тундру, с рыскающими снежными бурями, покрытую ледниками и зазубренными горными хребтами. Сражаться с орками и так сложно, но драться с ними в этих суровых условиях будет чертовски близко к безнадёжному. Я дрался с орками раньше, когда группа работорговцев пыталась совершить набег на планету, где я стоял гарнизоном до того как попал в штрафники «Последнего шанса». Они были огромными зелеными монстрами, не особенно выше человека, потому что постоянно сутулились, но по-настоящему широкие и мускулистые, с глиняными, словно обезьяньими руками. Своими массивными челюстями они могли откусить тебе голову, впрочем, как и оторвать ее

острыми когтями. У них также были достаточно хорошие пушки, хотя их броня обычно ни черта не стоила.

Опять же, ил особо она была не нужна; они могли выжить после ранений, которые искалечили или убили бы человека. Я не знаю, как это ил удается, но они вряд ли вообще истекают кровью, они, кажется, не особо замечают боль, и их можно было дырять, бить и прошивать самым жестоким образом, и они все еще могли драться с почти полной эффективностью. Я видел воинов с грубой и легкой бионикой, огромные шипящие поршни в руках или ногах, которые на самом деле делали их сильнее, с пушками или клинками, встроенными в конечности. Не ошибетесь, сказав, что даже несколько орков это плохая новость и особенно — паратисяч, сброшенная на Крагмир несколько недель тому назад.

У нас впереди все еще неделя путешествия по системе, до того как мы достигнем орбиты, так что вместе с несколькими десятками оставшихся на борту штрафниками «Последнего шанса» я

прошел курс выживания при холоде. И снова разговоры свелись к тому, насколько мы полезны, всего лишь с горсткой меньше взвода. Особенно потому, что на поверхности уже находится грудой штрафной легион из целых трех рот. Это примерно от пятисот до тысячи бойцов, в зависимости от размеров рот. Кто знает, может быть, Полковник просто втиснет нас к ним и оставит там?

Хотя почему-то я сомневался, что это произойдет. Мы много чесали языками, и Франкс согласился со мной в этом, еще сильнее казалось, что Полковник имеет на нас какие-то виды. Я имею в виду, если бы он просто пытался угрожать нас, то Крагмир вполне подходил, но тогда зачем было затевать драку с капитаном корабля? И о каких полномочиях он говорил? Насколько я знаю, единственным не флотским рангом, который мог приказывать кораблю что-то, был магистр войны. И только потому, что его назначали при поддержке как минимум двух адмиралов. Что ж, так нам говорили, когда объясняли систему рангов.

после того как я вступил в Гвардию. А был еще комментарий Полковника насчет преступников последней штрафной колонии, что они не достаточно хороши.

Все это заставляло задуматься о том, что здесь происходит.

МЫ ВЪЕХАЛИ в главный пусковой ангар на боевой машине пехоты — «Химере», в шаттлы, готовые спустить нас к поверхности. Постоянное пыхтение хорошо настроенных двигателей эхом возносится к сводчатому потолку, вонь дизельного выхлопа наполняет воздух. Рабочие бригады матросов взобрались в краны и порталные краны и готовят их к запуску шаттлов. Полковник получил в распоряжение флотского техножреца, чтобы он приглядывал за «Химерами», учитывая обжигающий холод, в котором им придется работать. Мы получили загруженные на борт «Химер» вегетативные процессоры, на случай, если придется валить деревья, чтобы получить топливо. Бүревые фильтры были установлены на воздушную и выхлопную

системы, вместе с системой двойного зажигания с подходящим разрядом, чтобы они наверняка не замерзли. Я, например, не хотел бы тащиться пешком по Крагмиру, куда бы там мы не направлялись. Особенно, если мы собираемся приземлиться рядом с одной из Имперских баз и затем оттуда отправиться на линию фронта. Сезон штормов только начался, делая невозможным воздушное сообщение, кроме как прямого приземления на равнины, примерно в сорока пяти километрах от мест сражения.

Проникающее пронзительное эхо от прокочущих двигателей, мгновенно заставляет всех затолчать.

--- Боевая тревога! --- орет один из матросов, помогающий нам загрузиться, той знакомый Джелисон.

--- Кейдж! Тащи своих людей на портал, если они хотят увидеть кое-что интересное.

Все вскакивают на металлические ступеньки, чтобы взглянуть через огромный бронированный иллюминатор. Я не вижу ничего, за исключением

плазменных следов за двумя фрегатами, которые выпрыгнули из варпа вслеп за нами. Очевидно, с другой стороны от нас находился крейсер «Правосудие Терры», но у меня никогда не было шанса взглянуть на него.

--- Там! --- шепчет Джемисон, указывая на движение слева. Я ладошками прикрываю лицо и утыкаюсь носом в бронестекло, пытаюсь оградиться от света, чтобы лучше видеть. Затем я вижу его, с этого расстояние не более чем стреляющая звезда, проносющаяся мимо дальнего фрегата.

--- Я надеюсь, там не так много эльдар, --- бормочет Джемисон, качая головой, --- мы не готовы к сражению, транспортники обычно составляют часть конвоя.

--- Откуда, блин, ты знаешь, что это эльдары? --- справа от меня недоверчиво спрашивает Ганно.

--- Смотри, как они поворачивают, --- отвечает нам Джемисон, кивая на иллюминатор. Я пару минут напрягаю глаза, после чего снова замечаю оранжево-

красную искру. Затем я увидел, что Джетисон имел в виду. Булавка света замедляется секунду-две, а затем кидается в совершенно другом направлении. Даже сжигая реактивные двигатели и выжимая из маневровых ускорителей все, ни один из кораблей не может повернуть так резко. Но правде говоря, даже близко к этому никто не может.

Пока я смотрю, то замечаю, как крошечная вспышка синего возникает в капле света, что я идентифицировал, как один из наших фрегатов. Он, кажется, светится чуть сильнее, пока его щиты поглощают атаку. Я могу чувствовать, как двигатели «Гордости Лота» уводят нас от битвы, рокот, который, кажется, вызван пульсацией корабля, создает в желудке неприятную вибрацию.

— Фракните меня... — шепчет Франкс, поднимая взгляд. Я смотрю на самую верхнюю часть иллюминатора, и вижу, как в поле зрения показывается движущийся свет. Я осознаю, что это «Правосудие Терры» пролетает над нами.

прямо в паре километров над верхом
транспортника. Он потрясающий, галерея
за галереей, ряды за рядами оружейных
портов появляются в поле зрения. Даже
через фильтрующую вспышки окраску
бронестекла я могу рассмотреть, как по
левому борту кратко оживают
направляющие двигатели, отдалая его
чуть дальше от нас. Показались
плазменные двигатели, огромные
цилиндры, которые были обмотаны
бессчетными километрами массивных
труб и проводов, питающие их жизненной
энергией от плазменных реакторов в
глубине бронированного корпуса. Яркость
плазменного следа почти ослепляет даже
через затемненное стекло, белая
раскаленная энергия вылетает из сопел
двигателя, швыряя его через космос с
невероятной скоростью, хотя размеры
корабля и его вес могут показаться
тяжеловесными. Нет, не тяжеловесным, а
более величественным, безмятежным, что
противоречит потрясающему количеству
энергии, которое он использует. Это
вдохновляющее зрелище, в этом нет

сомнений, и я смог понять, почему так много молодых людей в фантазиях вырастают, чтобы стать капитанами кораблей, командующими одним из этих смертоносных мастодонтов.

Глядя, как крейсер прорывается к Альгарат, я ощущаю безопасность. Определенно ничто не может выстоять перед вниманием этой гигантской машины разрушения. У флотских может и были какие-то странные представления о стратегии и обороне, но если вы поручили дело им, то они чертовски много знают об огневой мощи. Их

противоартиллеристские защитные башни имеют орудия по размерам больше, чем установленные на Титанах, их дула десяти метров в диаметре, десятки таких оборонных пунктов усеивают корпус корабля, размером с крейсер. Орудия на широком борту варьировались, иногда там огромные плазменные пушки, способные сжигать города, иногда ускорители масс, которые могут превратить фунты металла и камня в ничто. В течение минут ракетные батареи уменьшенной

дальности могут уничтожить небольшого противника, в то время как высокомогущие лазеры, которые Желмисон называл «лансатами», за один губительный выстрел могут пробить три метра самой крепкой брони. Большинство крейсеров также вооружались торпедатами, с составными боеголовками, снаряженными горючим плазмо-зарядом, несущим на головы врагов энергию взрыва небольшой звезды. По сравнению с этим, мой жалкий пистолет выглядит как плевок против океана. На самом деле, скорее, как против сомен океанов.

Когда «Правосудие Терры» становится не более чем еще одной искрой в отдаленной битве, мы начинаем терять интерес. Виднеются вспышки стрельбы, но на расстоянии в несколько тысяч километров, так что сложно разобратъ, что там на самом деле происходит. Я уверен, что на оружейных палубах и на мостике были какие-нибудь зрительные сканеры и разное другое оборудование, которое позволяет им лучше все рассмотреть, но здесь внизу, это просто

невероятно далекое и слабое световое шоу.

--- Хорошо, --- говорю я бойцам, когда они начинают разбредаться от иллюминатора, --- давайте закончим погрузку «Химер».

Мы погрузили три «Химеры» на борт одного из десантных кораблей и готовы были загнать еще две на гругой, когда мимо нас забежали матросы, внезапная паника побудила их к деятельности. Я хватаю уоррент-офицера за руку, когда он пытается прочтаться мимо.

--- Что происходит? --- требую я ответа, глядя на флотских, как они сбегаются к оружейным шкафчикам в задней части ангара шаттлов.

--- Мы получили приказ подготовиться к abordажу, --- отвечает он мне, с рычанием выдерживая свою руку, --- один из эльдарских пиратов кинулся назад и летит прямо к нам.

Они обманом отвели крейсер, и теперь мы сами по себе. Взгляни!

Он указывает на иллюминатор, и я

вижу быстро приближающиеся вихрящиеся очертания. Я не могу ясно разглядеть корабль, он защищен тем, что мы называем «голополем», которое изменяет и отклоняет свет, так что вы не можете точно засечь его местоположение, это заставляет авгуров и сюрвейров сходить с ума. Еще один пример агского колдовства эльдар в их машинах и оружии.

Я уже хотел кого-нибудь попросить связаться с Полковником, когда вижу, как он проходит через противовзрывные двери в дальнем конце ангара шаттлов. Он смотрит в иллюминатор, и я спешу к нему.

--- Нам нужно вооружиться, сэр --- говорю я, --- они ожидают абордаж.

--- Я знаю, --- отвечает он, обращая свое внимание на меня. Я вижу, что на поясе висит его силовой меч в ножнах, а на другом бедре болт-пистолет.

--- Я проинформировал охрану. Они выдают вам оружие, когда закончат формировать отряды флотских.

--- Куда нам пойти, сэр? --- спрашиваю я, пока мы идем обратно к взводу, ---

флотские, кажется, знают что делают.
Чем мы можем помочь?

--- Ты прав. Они управятся без нашего вмешательства, --- соглашается он, доставая свой болт пистолет и отщелкивая предохранитель, --- мы будем действовать в качестве резерва, за потрепавшими флота. Если будет похоже, что они дрогнули, мы выдвинемся и поддержим их.

Кажется, в этом есть смысл. Я не прочь стать за матросами и охраной. В конце концов, их готовили к такого рода вещам, к перестрелкам на короткой дистанции и рукопашной, и у них есть тяжелая броня для такого рода дерьма. Пока мы ждем охрану для раздачи оружия, я приказываю охранять десантные корабли, скорее, чтобы занять своих бойцов, чем из-за страха, что они в открытую поддержат эльдар.

Мы как раз заканчиваем, когда охрана выкатывает тележки с оружием. Они начинают раздавать дробовики и нагрудные патронташи каждому. Я хватаю один и вешаю на плечо, затем

вырываю связь электроостроз, подзываю
сержантов отделений и раздаю им по
одной, оставляя одну и для себя.
Оглянувшись в иллюминатор, я вижу
выстрелы наших жалких батарей,
шарахающих в сторону цветных тизмов,
что представляют собой корабль эльгар.
Кажется, они вообще не попадают в него,
он изменяет курс, чтобы уйти с борта,
замедляет скорость, дабы поравняться с
нами.

Весь корабль дико дрожит, когда
капитан приказывает исполнить маневр
уклонения и реактивные двигатели
оживают, внезапно прибавляя скорости и
швыряя нас в сторону. Это дает нам всего
лишь полминуты или около того, прежде
чем ярко-пурпурный поток энергии
вырывается из облака изменяющихся
цветов, бьет нас куда-то около кормовой
части, заставляя корабль угрожать от
взрывов.

--- Они отключили наши двигатели, ---
говорит стоящий рядом со мной
Полковник, его лицо мрачное, как всегда, ---
теперь они пойдут на abordаж.

Небольшие очертания отделяются от разноцветного тумана и летят в нашу сторону. Должно быть, это штурмовые корветы, решаю я, и вижу около полудюжины, кажется, они летят прямо к нам. Я думаю, это, должно быть, иллюзия, но затем чувствую, что они действительно летят прямо к нам. Они становятся все больше и больше, и я слышу грохот ботинок по металлической палубе, когда еще больше матросов выскакивают в ангар для шаттлов из окружающих зон корабля. Я заталкиваю пять патронов в уробовик и посылаю один цевьем в патронник, подготовившись к выстрелу. Нажав левой рукой электроострогу, я отсылаю взвод назад, ближе к стене, подальше от иллюминатора и пусковых дверей.

— Ждать приказа Полковника и держаться меня! — ору я на них. Я вижу, как некоторые оглядываются, ища какой-нибудь возможности сбежать, но проследив за их взглядами, я понимаю, что все двери уже снова закрыты. Взглянув вверх, я замечаю трех офицеров флота в

контрольной башне, наблюдающих за бойцами внизу через массивное стекло.

— Они здесь! — орет кто-то с передней части ангара. Я вижу гладкие, злобеще очертания иштурмовых корветов, пролетающих мимо иллюминаторов, каждый раскрашен в странные, плавные полосы черно-пурпурного и красного. Несколько секунд спустя, участки стен на каждой пусковой двери начинают светиться голубым, когда иштурмовые корветы задействовали какое-то энергетическое поле, чтобы прожечь вход внутрь. Со взрывом света, разбрасывая искры и обломки на палубу, появляется первый разлом справа от меня.

Почти сразу же вспыхивают взрывы слева и справа, команды флота открывают огонь, наполняя огромный зал грохотом дробовиков. Вспышки выстрелов пляшут в поле зрения, дополненные странными лучами лазпушек или чего-то подобного.

С места, где я нахожусь, я не могу рассмотреть атакующих, но вижу, как бойцов отшвыривает на пол взрывами

темной энергии, или разрывает на куски
градом огня. Прямо передо мной я замечаю
пульсирующий сгусток темноты, летящий
в матросов, он разрывает группу людей,
подбрасывает их обугленные тела в воздух
и расшвыривает оторванные конечности и
головы во всех направлениях. Казалось,
разом заорали все, добавляя шума к
какофонии стрельбы. Хриплые вопли
агонии или паники эхом отражаются от
стен, со звоном по палубе лязгают гильзы.
Воздух наполняется запахом кордита от
сгустков дыма дробовиков, гарью сгоревшей
плоти и запахом скотобойни от
расчлененных и обезглавленных тел. Пока
я остатриваюсь, пытаюсь понять, какого
человека тут происходит, все погружается в
анахаю, всышки выстрелов смешались с
лаем дробовиков и пронзительным визгом
осколковых ружей и пушек эльдар.

Невозможно разглядеть со сколькими
ты столкнулись и сдерживает ты их или
нет. Я повсюду вижу насыпи из тел, бойцы
отползают в стороны, держа свои
искалеченные конечности или зажимая
раны на теле и голове. Еще один взрыв

раскалывает решетки палубы, вдалеке слева, где стоит генератор или что-то типа того, там расцветает огненный шар. Выстрелы и свист теперь оглушительны, случайные попадания в железные опоры контрольной башни шипят и пузыряются, плава попорки, держащие контрольный зал в десятке метров над палубой. Шаттл справа от меня разрывается огромным огненным шаром, град шрапнели сечет бойцов вокруг него, разрезая их тела облаком острых обломков.

--- Время пришло, --- говорит Полковник, выступая вперед, голубая пульсация силового меча освещает его лицо снизу. Он кивает головой вправо и среди поредевших матросов флота и охраны, я замечаю первых воинов-ксеносов. Их броня раскрашена в те же цвета что и штурмовые корабли. Панцири покрыты клинками и пиками, по кончикам которых пробегают беспорядочные разряды энергии. Они примерно на голову выше окружающих бойцов, но настолько худые, что кажутся почти истощенными. Они двигаются

изящными, перетекающими движениями, кажется, совсем не затрачивая для этого усилий. Со скоростью, с которой не могут двигаться даже самые закаленные бойцы, они рубят влево и вправо оружием ближнего боя из экзотического набора клинков и зазубренных хлыстов. Возвратным движением меча, ксенос отсекает голову одному из бойцов, и она катится по полу, после чего тот разворачивается на каблуках и погружает клинок в живот еще одному флотскому. Вокруг них стоит аура злобы, странный пронзительный смех или экстравагантные жесты выдают их беспощадность.

Наступает момент, когда перед нами остаются огни чужаки, около двух десятков, мертвые и утирающие флотские разбросаны по палубе у их ног. Никому не понадобился приказ и все разом открывают огонь, жар от залпа охватывает меня, заставляя кожу покрыться потом. Я передерживаю цевье и снова стреляю, рукоятка моей остроги зажата между казенником и рукой, я вижу, как одного из эльдар отбрасывает

выстрелом, яркая кровь брызгами
взлетает в воздух. Слева еще больше
железнодорожников прыгает в нашу сторону, с
легкостью разрезая нескольких человек на
своем пути.

Справа загрохотали ботинки, и к нам
прибегает отделение охраны.

--- Они прорвались к главному
коридору! --- орет их младший офицер,
указывая на дальний конец ангара
штормовым гробовиком. Его визор
отодвинут назад, и я вижу его рычащее,
полное ненависти лицо, когда он
открывает огонь, за несколько секунд
десяток выстрелов разрывает
пространство между нами и
подступающими эльдарками. Вытащив
барабанный магазин из гробовика, и
откинув его в сторону, он ведет своих
бойцов мимо нас. Я вижу, как Дональдсон
ведет свое отделение вслеп, пусть идут.
Полковник стоит справа от меня, с
силовым мечом в одной руке, нацелив болт
пистолет другой на врага.

--- Отступление с боем к контрольной
башне, --- бросает он через плечо, после чего

выпускает очередь в бегущих к нам эльдар.

--- Отступаем по отделениям! --- ору я, перекрикивая шум боя, --- отделение Джоретта и командное --- вперед!

Я вижу, как другие отступают к задней части ангара и встаю на колени, загоняя еще шесть патронов в дробовик. Встав на ноги, я вижу, что остальные штрафники «Последнего шанса» на месте и начинают отступать, раз за разом отстреливаясь, огонь прикрытия других отделений врежется в чужаков. Теперь повсюду валяются кучи мертвых тел, наших бойцов и их, окровавленные куски разбросаны по металлической палубе, темнокрасная человеческая кровь смешивается с ярко-красной жизненной жидкостью чужаков. Я не могу сказать, сколько их осталось, но когда отхожу от этого другого отделения, то вижу, что слева от меня все еще бушует яростная схватка, эльдары пытаются прорваться через главные двери во внутренности корабля.

--- Если они пройдут, то получат практически прямой доступ к мостику, ---

информировать меня Полковник, выбрасывая магазин из болт-пистолета и вставляя другой, — мы должны остановить их в Ангаре.

Глянув через плечо, я замечаю, что мы оказались у ступенек контрольной башни. Можно было проследить за нашим отступлением по телам пяти погибших «Последнего шанса», лежащих среди более чем двух десятков трупов чужаков, и по бандажам патронов для дробовиков и рассыпным гильзам болт-пистолета. Несколько эльдар угрожают прорваться через наши залпы, они практически обнажены, не считая нескольких кусков усеянной клинками брони, связанных ремнями вокруг жизненно важных частей тела. Практически не касаясь земли, со сверхъестественной скоростью они ныряют то влево, то вправо. У них в руках зловещего вида хлысты и парные кинжалы, покрытые каким-то ядом, который, капая на металлическую палубу, дымится. Когда они приближаются для удара, их свирепые ухмылки демонстрируют превосходные белые зубы, яркие овалы глаз горят жуткой

страстью. Полковник контратакует с поддержкой Лорона и Лори. Шеффер подныривает под отравленный клинок и стреляет из болт-пистолета, взрывая голову атакующей. Лорон разворачивается на месте и врезает прикладом гробовика в живот другой, после чего, перехватив ружье двумя руками, он впечатывает дуло в лицо пришельцу, ломая ей шею. Лори скользит между двумя из них, откидывается вправо, когда одна из атакующих делает выпад, хватая руку женщины эльдар и крутит вокруг себя, отправляя стройное существо на клинок своей подруги. Другой рукой она стреляет из гробовика в живот оставшейся, разбрызгивая куски внутренностей по ее белой коже и окрашивая свои волосы ярко-красной кровью.

— Уводи бойцов в контрольную башню, — приказывает мне Полковник, пробегая мимо по металлическим ступенькам. Пока мы несемся по лестнице вверх, чужаки продолжают стрелять, убивая двух бойцов из отделения Славина, и те переваливаются через перила. Я

вижу, как сержант разворачивается и спускает свое отделение на пару ступенек, открывая ответный огонь по чужакам, пока те бегут по открытой палубе к нам. Мое дыхание вырывается из рта хриплыми вздохами пока я несусь по спиральной лестнице, заставляя свои уставшие ноги передвигаться, подталкивая спину Франкса перед собой, заставляя того тоже двигаться. Я замечаю, что внизу эльдары почти достигли главного входа. Только пара десятков охранников стоит между ними и закрытым проходом.

С огромным облегчением я пролетаю через дверь контрольной комнаты, другие бойцы грудой падают за мной, при этом заваливая меня на пол. Полковник хватает меня за плечо бронежилета и ставит на ноги.

— Запечатай дверь, — говорит он кому-то позади меня, используя свободную руку, чтобы указать за моим плечом на дверь в контрольную комнату. С шипением воздуха и глухим ударом дверь закрывается. Три ошеломленных офицера

флота стоят и смотрят на нас со стесью удивления и ужаса.

--- Как открыть взлетные двери? --- требует ответа Полковник, отпуская меня и подходя к ближайшему офицеру.

--- Открыть двери? Там все еще сражаются! --- отвечает офицер, его лицо --- маска ужаса.

--- В любом случае, вскоре они будут мертвы, --- мрачно рычит Полковник, отталкивая мужчину в сторону и подходя к другому.

--- Двери, лейтенант?

--- Нельзя просто повернуть рубильник, --- отвечает тот, --- ручной таховик на задней стене открывает клапана давления.

Он указывает на колесо с двадцатью спицами, диаметром метра три. Оно присоединено огромными цепями к серии массивных шестеренок, исчезающих в потолке.

--- Оно закрывает запирающий механизм, который держит двери закрытыми. Если открыть клапана, то внутреннее давление внутри ангара

полностью раскроет двери. Эта башня в отдельной системе, она нужна, чтобы поддерживать баланс давления.

--- Давай! --- шипит нам через плечо Полковник, после чего бросает взгляд обратно на ангар.

--- Отделение Славини и Дональдсона все еще там! --- с подступившим к горлу комком возражаю я. --- Вы не можете приказать мне убить собственных бойцов.

--- Я отдал вам прямой приказ, лейтенант Кейдж, --- говорит он, отворачиваясь ко мне, его голос очень тих, а глаза опасно блестят, --- мы все мертвецы, если они доберутся до мостика.

--- Я... я не могу, сэр, --- утмляю я, думая о том, что Славини и его солдаты сдерживали эльгар, чтобы мы наверняка добрались сюда.

--- Выполняйте, Лейтенант Кейдж, --- шепчет Шеффер, наклонившись ко мне очень близко, прямо к лицу, кажется, что его глаза впиваются мне в мозг. Под этим ужасным взглядом я вздрагиваю.

--- Хорошо, всем взяться за спицы колеса! --- кричу я, отворачиваясь от

убийственного взгляда Полковника. Они начинают возражать, но я затыкаю им рты, ударяя прикладом в челюсть Кордунара, когда тот начинает выкрикивать в мой адрес ругательства.

— Поддерживайте дисциплину, Кейдж, — рявкает за моей спиной Шеффер.

— У вас есть пять секунд, чтобы повернуть колесо прежде, чем я сам расстреляю вас! — рычу я на них, задумываясь о том, что мои глаза были ли наполнены тем же сумасшедшим светом, который я видел в глазах Полковника. Без дальнейших препирательств они бегут к колесу клапана. Пока они поворачивают его, оно скрипит и скрежещет; указатель на циферблате на панели над их головами начинает падать. Внезапно потеряв сопротивление, колесо быстро завертелось, раскидывая их в разных направлениях по полу. Когда они встают на ноги, повсюду вокруг нас разносится злобещий скрип. Я смотрю в окно и вижу, как двери запускаются, начинают деформироваться от напряжения. Огромные двери, толщиной три метра, с громким визгом поддаются.

каждая весит несколько тонн, их срыва-
ет с массивных петель и те улетают во
всех направлениях. Все незакрепленное на палубе в
ангаре для шаттлов высасывается
сходящим воздухом: шаттлы, «Химеры»,
люди и эльдары.

Повсюду кружатся тела. Кто-то
похожий на Славину отскакивает от
обшивки вращающегося шаттла, от
низкого давления кровь из его лица бешено
и мощно распыляется, мгновенно лишая его
жизни. Из-за дикого порыва ветра я не
слышу их криков, забывающий шторм в
ангаре вышвыривает в костос людей и
машины. Это одно из самых ужасающих
зрелищ, которое я когда-либо видел,
наблюдать, как все стремительно
уносится в разорванный провал в дальней
стене, обрекая людей на чудовищную
смерть в вакууме. Снаружи контрольной
башни начинает нарастать лед, застывая
на стекле, конденсат от нашего дыхания
быстро покрывает стекло изнутри
каплями. Я обеспокоенно бросаю взгляд на
офицеров флота, но их взоры прикованы к
ужасающей резне в ангаре. Я слышу как

несколько штрафников «Последнего шанса» позади меня проклинаят и ругаются. Я смотрю на Полковника, он стоит совершенно недвижимо, наблюдает за разрушением снаружи и не проявляет никаких-либо эмоций.

Внутри меня вскипает гнев. Он знал, что это произойдет. Как только атаковали эльдары, он знал, что все придет к этому. Не спрашивайте меня, откуда он это знал, или как я догадался о том, что он знал, но это было так. Я роняю гробовик и электроострогу и сжимаю кулаки. Слобно теплый поток, гнев несется по мне, по рукам и ногам, наполняя их силой, и я почти бросаюсь на Полковника, когда он разворачивается и смотрит на меня. Я вижу, как дернулись плечулы на его скулах и вижу отстраненность в его глазах, я осознаю, что он не совсем лишен сострадания. Он, может быть, и знал что произойдет, но не был особо от этого счастлив. Гнев внезапно испаряется, оставляя меня с ощущением тошноты и утомления. Я падаю на колени и закрываю лицо руками.

растирая глаза костяшками пальцев.
Меня охватывает шок, когда я осознаю,
что убил их. Полковник заставил убить их
всех: чужаков, матросов, охранников,
штрафников «Последнего шанса». Он
заставил меня, и я заставил других. Я
ненавижу его за это, больше чем других я
ненавижу его за то, что он сделал со мной.
Я действительно желаю ему смерти.

* * *

В КОНТРОЛЬНОЙ комнате мы
молчим, все оставшиеся в этой ужасной
комнате двадцать четыре штрафника,
все следующие шесть часов, пока
проводятся работы ремонтными
командами в компенсационных костюмах,
они притащили тяжелую машинерию,
чтобы зажать и сварить прочные плиты
на разломати. За все это время никто не
произносит ни слова, просто странные
бормотание про себя. Когда мы
возвращаемся в ангар, ничто больше не

отмечает произошедшие здесь смерти, которые мы только могли наблюдать часами ранее. Все унесло в космос. Все незакрепленные машины, все тела, всех живых, все гильзы и обломки, все это унесло ветром к звездам. Только погналыны от взрывов говорят о том, что здесь вообще сражались.

Когда мы идем обратно к загоны, я ловлю обрывок разговора между охранниками, как я замечаю, у них отличные имена от тех, кто эскортировал нас последние три года. Должно быть, наши постоянные охранники находились в ангаре. Атака эльдар была безошибочно точна. Казалось, они знали, что ангар будет самым слабым обороняемым местом и что оттуда они получают доступ к главным коридорам. Эльдары очень умны, в этом я уверен, но это мастерство планирования кажется маловероятным даже для них.

Я размышляю над ходом событий, пока мы устраиваемся в камере. Никто не проронил ни слова, огромное открытое пространство кажется еще более пустым.

из-за потери двадцати человек. Я никогда не видел бойцов такими прежде. Впрочем, я тоже никогда не чувствовал себя так из-за других штрафников «Последнего шанса». Мы все ожидали смерти; мы осознали это после первого же сражения. Осталось только двадцать из четырех тысяч, так что же изменилось в этот раз? Видимо то, что у них не было ни единого шанса. Вот почему мы здесь — это наш «Последний шанс». Если мы деремся хорошо, мы выживаем. Если сражаемся слабо — умираем. Это жестокая правда. Словно закон подулья — сильнейшие выживают, слабейших убивают и съедают. Это снова напомнило мне комментарий Полковника о других преступниках, что они не достаточно хороши. Что-то происходит, и я почти ухватил суть, но не могу сложить все части головоломки.

Мои мысли вернулись к убитым, с которых начались эти размышления. Но в этот раз, у них не было «Последнего шанса». Они просто оказались не в том месте и не в то время. И мы убили их. Я вместе с другими штрафниками повернул

это колесо и открыл ворота. Мы убили наших собственных товарищей и это высшее предательство. Эльдарские пираты не оставили нам выбора, не оставили выбора Полковнику, кроме как отправить наших солдат-товарищей на небеса. Никто из нас не хочет думать об этом.

Никто из нас не хочет думать, что мы низшие из солдат, низшие из существ, убийцы товарищей, хладнокровные предатели.

Возможно, за исключением одного из нас. Того, кто делал это и раньше. Того, кто мог такое сделать: предать нас перед чудовищными чужаками, предать своих друзей. Человека, который давным-давно заслужил наказания. Человека, в котором нет даже унции человечности, которую чувствовали даже самые сумасшедшие психопаты «Последнего шанса». Мужчина, который пытался убить меня во сне за то, что я противостоял ему. Человека, который скользил, прятался и крался по жизни — худшая, скользкая, выгребная жаба. Я ощущаю, как меня заполняет

праведный гнев. Я оттягивал этот момент слишком долго, но когда я пережил то, что случилось в ангаре, моя ярость на Полковника внезапно возвращается, но в этот раз направленная к другому человеку, более концентрированная и приправленная тремя годами ненависти и отвращения. Я практически слышу, как что-то ломается в моем разуме.

--- Больше никогда, --- шепчу я, и окружающие смотрят на меня, на их лицах беспокойство, вызванное тем, что они видят в моих глазах. Пытаемый внезапной яростью, я мчусь по камере в поисках Роллиса. Я вижу его в одиночестве, на своем обычном месте, сидящем прислонившись к стене. Он выжил, когда гораздо лучшие люди погибли. Его глаза закрыты, а голову он уронил на грудь. Он издает измученный вопль, когда я хватаю его за рубашку и поднимаю на ноги, вбивая его в переборку со звонким ударом головой о металл.

--- Кейдж, --- выплевывает он с широко раскрытыми глазами, --- отвали от меня!

--- Ты ублюдок-предатель! --- прошипел я, схватив его за горло одной рукой и прижав его голову к стене. --- Ты предал нас! Ты продал нас эльдарам!

--- Что? --- спрашивает Лорон позади меня, и, оглянувшись, я вижу, что все собралось вокруг нас.

--- Он предатель, --- произносит Линскраг, проталкиваясь через толпу и становясь рядом со мной, --- он был заодно с эльдарами.

--- Я ничего не сделал, --- задыхается Роллис, извернувшись из моей хватки и отталкивая меня на шаг назад.

--- Он был оператором связи, --- продолжает Ганно, он смотрит на это предательское отребье, --- он намеренно передавал не зашифрованные приказы, давая чужакам знать, куда идут наши солдаты.

--- Он всю свою роту положил в засаду. Все были убиты кроме него. Кажется немного странным, не так ли?

Затем с озадаченным выражением прекрасного личика, Лори шагает вперед.

--- Как он умудрился передать и что-то в этот раз? --- спрашивает она. Все на

мгновение стихают, обдумывая.

— Я знаю, — зловеще хрипит Франкс, — он вел одну из «Химер» в десантный корабль, пока штурмовые корветы приближались. Он был все еще внутри, пока нас избивали. Мож воспользоваться встроенным трансивером. Бьет на пятнадцать километров, вагон времени, чтобы передать краткое сообщение своим инопланетным сообщникам.

— Это какой-то гребаный брег! — брызгает слюной Роллис, глутясь с презрением. — Вас всех надули!

Раздается гневный рык нескольких людей, когда те воспринимают эту теорию. И я осознаю, что тоже рычу. Я снова вижу, как лицо Славини взрывается кровью при ударе о шаттл и что-то внутри меня ломается. Без раздумий я хватаю Роллиса за плечи и вгоняю колени ему в пах. Он издает приглушенный вскрик и пытается упасть в сторону, но я крепко его держу. Я боюсь его между глаз, с хрустом разбитых хрящей мой лоб врежется ему в переносицу. Я отступаю, пытаясь от гнева, и отпускаю его. Он

стоит, качаясь, ошеломленный ударами, кровь стекает по его губам и щекам.

— Ты тупой ублюдок! — рычит Роллис, внезапно ударяя правой рукой мне в скулу, отбрасывая мою голову назад. Он, шатаясь, шагает вперед на шаг и поднимает обе руки, но я реагирую быстрее, чем он бьет — тыкаю ногтями правой руки в его окрашенное кровью горло, сжимаю трахею. Когда его скручивает и он, задыхаясь, пытается вдохнуть, я хватаю его сальные патлы и влазываю коленом в лицо. В кроваво-красной вспышке я снова вижу лицо Славини, взорвавшееся и затершее перед моим мысленным взором. Я вижу, как тела и людей уносит ветер, словно выброшенные обертки от рационов. Я врезаю коленом ему в живот. Снова и снова, раз за разом, вбивая его ребра во внутренности, повторяя удары, пока его не рвет сгустками крови на мою одежду. Но я не могу остановиться; вспышками вокруг меня возникают лица бойцов, которых засосало во тьму, кровь превратилась в тысячи сверкающих кристаллов в затораживающей пустоте. Ногтями левой

руки я полосую его по лицу, загоняя пальцы
в глазницы.

И только тогда я осознаю, что бью
его не один. Отовсюду вылетают кулаки и
ноги, обрабатывая его со всех сторон,
вматывая в пол. Я отшатываюсь, когда
остальные силой прорываются к драке, и
все что я вижу, как Роллис корчится от
бури пинков и топчущих ударов. Густые
струи крови текут меж ног Кронины,
пока тот стоит над Роллисом уперев
руки в бока, наблюдая, как с кровью из того
вытекает жизнь.

— И они сразили врагов Императора с
праведной яростью, поскольку знали, что
исполняют Его работу, — со злобной
ухмылкой на лице произносит
сумасшедший лейтенант, его глаза
светятся безумием. Он вцепляется зубами
в толстую щеку тужчины, разбрызгивая по
воздуху капли крови. Еще одна серия ударов
опускается на предателя, сопровождаемая
звукот ломающихся костей.

Роллис не издает ни звука, даже ни
одного хриплого вздоха. И тогда все
остальные осознают, что все закончилось.

Не говоря ни слова, все расходятся, каждый возвращается к своему обычному месту. Я смотрю на сломленный, избитый труп Роллиса и не чувствую ничего. Ни ненависти, ни презрения. Впрочем, сожаления я тоже не испытываю. Он был полным ублюдком и сдал он нас эльдарам или нет, он давно заслужил это. Чувствуя себя намного сильнее выдохшимся, чем за последние три года, я опускаюсь на свою скатку и падаю. Через несколько минут свет тускнеет, наступает цикл сна, и я слышу, как ворчит мой пустой желудок. Я осознаю, что из-за всей этой шумихи, нас забыли покормить этим вечером. Игнорируя голод, я пытаюсь заснуть.

Я просыпаюсь от кошмара из крови и криков, в котором Полковник стаялся над нами, пока мы дошли перед ним. Пока я поворачивал голову из стороны в сторону, чтобы ослабить судорогу, до меня дошло, что меня разбудил свет дневного цикла. И затем, увидев измятые очертания дальше у стены, я осознаю, что часть кошмара с Роллисом вовсе не была

сном. Я вскакиваю на ноги и прогүливаюсь
туда, чтобы взглянуть на него. Над его
головой кровью небрежно написано слово ---
«Предатель». Пока я стою там, я ощущаю,
как кто-то склонился к моему плечу и,
оглянувшись, я узнаю Лори, она смотрит
вниз на тело. Разворачивается и смотрит
на меня.

--- Ты правда думаешь, что он это
сделал? --- спрашиваю я, наполовину
напуганный и наполовину обрадованный
тем, что мы сделали прошлой ночью.

--- А это важно? --- вопросом на вопрос
отвечает она, ее невероятные голубые
глаза смотрят мне в самую душу.

--- Нет, --- решаю я, --- он никогда не
заслуживал последнего шанса, его давным-
давно нужно было казнить. Некоторые
вещи нельзя прощать. Я удивлен, что это
дошло до кучки преступников как мы.

--- Правосудие «Последнего шанса», ---
тихо улыбаясь, отвечает она.

--- АДМИРАЛ Бекс, ваш план
совершенно недопустим, --- произнес
иссохший магистр войны, приглаживая

складки своей глиняной, черной
полүшинели, -- невозможно сравнять с
землей Коританорүм с орбиты.

-- Нет ничего, что нельзя было бы
разрушить, магистр войны Меним, --
ответил адмирал, самовольная ухмылка
стала его жесткие, ястребиные черты
лица, -- это может занять десятилетия
бомбардировок, но мы можем уничтожить
эту повстанческую крепость и всех в ней.

-- Это не выход и вы знаете это, --
раздраженно огрызнулся магистр войны
Меним, -- по древнему декрету, пока
стоит Коританорүм, Тифон Прайм
остаётся столичным миром сектора
Тифон и Высшая Гвардия Тифона
освобождена от службы в других мирах.
Мое начальство и шагү не сделает, чтобы
навлечь опасность на это
привилегированное положение.

-- Значит, вы отправите еще десять
тысяч бойцов на еще одну бойню
бесполезного штурма? -- резко ответил
адмирал Бекс. -- Если вы не можете
держать свой собственный дом в порядке,
возможно, ваше привилегированное

положение должно быть пересмотрено. В конце концов, разве можно доверять высшее руководство тому, кто позволил столице пасть перед повстанцами?

--- А вы в свою очередь должны быть озабочены отслеживанием флота-улья Дагон, адмирал, --- резко ответил магистр войны, --- или вы снова потеряли их след? Оставьте войну на земле нам и просто подвозите нам еще солдат.

--- Не беспокойтесь насчет Дагона, генерал, --- с ухмылкой уверил его Бекс, --- Флот уверяет вас, что вы под хорошей защитой. В конце концов, мы лучшая линия обороны...

--- Лучшая линия... --- брызгался слюной Меним, его лицо стало красным от гнева, --- если бы вы потратили половину ресурсов на завоз сюда полков Имперской Гвардии, от того, что вы выкинули на ничего не стоящих дипломатов по всей галактике, от флота-улья Дагон не осталось бы и следа.

--- Вы смеете предполагать, что великодушный флот Империи должен работать не более чем прославленным

курьером? --- зарычал адмирал флота
Бекс. --- Вы --- Гвардия, даже не
представляете себе, совсем не
представляете, насколько велика
галактика. Без флота, даже сама
могущественная Терра пала бы уже
тысячелетия тому назад. Что ж, пусть
так и будет. Вы можете расхорговать
столько душ Имперской Гвардии, сколько
постеете, и это будет вашей глупостью, я
не несу за это ответственности

Глава пятая.

+++ Операция Сбор почти завершена.

+++

+++ Хорошо. Жду вас в скором времени.

+++

Я вижу примерно пять метров перед собой, после чего мой взор упирается в кружащийся снег. Я туже стягиваю капюшон своей зимней шинели вокруг лица своими тяжелыми перчатками, и медленно, но упорно тащусь в снег по колено. В конце концов, оказалось, что наши «Химеры» здесь внизу бесполезны, местные использовали транспорт из шасси «Химеры», поставленной на лыжи, с гигантским турбовинтовым двигателем. Всего лишь километр или два от обогреваемой посадочной площадки до входа на заставу Эпсилон, где мы присоединится к другому штрафному легиону, но я уже выдохся от усилий. С заставы Эпсилон мы должны будем

промаршировать и задержать
продвижение орков в горах, более чем в
пятидесяти километрах от того места,
где мы находились в данный момент. Мы
не ждем, что выживем. Мы должны будем
просто купить время для организации
обороны. Две застава уже были захвачены
зеленокожими и нас забросили, чтобы мы
остановили их продвижение.

Маршрут не особо сложен, по горку
вдоль долины к главному входу на
станцию.

Прямо передо мной маячит глиняная
шпатель, пробирающегося по снегам
Полковника, почти скрытая из вида
кружащимся снегом. Рядом с ним едет
капитан Олос из Крагмирской Имперской
Гвардии, восседая на огромном,
глинноволосом, сером четвероногом
животном, которого они называли
«плугфутом». Я мог понять почему
массивные лапы четырех ног имеют
роговые наросты, которые прорезаются
сквозь сугробы снега. Капитан завернут с
головы до ног в густой темный мех,
обвязанный и опоясанный мерцающей

темной кожей вокруг талии, бегер и
биценсов. Он склонился с седла на высокой
спине плугфута и разговаривает с
Полковником, и я пошел чуть быстрее,
чтобы послушать, о чем они говорят.

--- Я отправил одного из своих бойцов
вперед, чтобы он рассказал на Эпсилон,
что мы почти добрались, --- сквозь
свирепый вой ветра орет Олос. Его лицо
обветрено от постоянных патрулей в
таких суровых условиях, кожа коричневая и
заглубелая от постоянного нахождения в
холоде.

--- Сколько еще идти? --- орет в ответ
Полковник, сложив руки рупором вокруг
рта, чтобы перекричать завывающую
бурю. На нем толстая черная шинель,
огромный шарф обернут вокруг подбородка
и фуражки.

--- Около пятисот метров, --- громко
отвечает капитан, --- полчаса марша и мы
на месте.

--- Зачем посылать всадника? Почему
просто не передать им сообщение связью? ---
спрашиваю я, тыкая пальцем за плечо на
всадника слева, несшего огромную комм-

станцию на спине.

--- Сейчас сезон штормов, --- орет в ответ Олос, --- с южных полярных регионов поднимается какая-то странная хрень, которая портит комм-передачи на любой радиостанции больше двухсот метров. На каждой заставе есть астрономы для связи с передающими спутниками на орбите. Летом не все так плохо, но орки выбрали самое худшее время для вторжения.

Кто-то тащится ко мне, и я смотрю на Лорона, его бледное, почти синее от холода лицо, виднеется из-за отороченного мехом капюшона. Как и на остальных, на нем глинная, серо-коричневая шинель, которые мы получили, когда спускались на шаттле. Он держит лязган в громоzdких рукавицах, сшитых из того же материала.

--- Какого черта кому-то пришло в голову жить в таком месте? --- стуча зубами, вопрошает он. Олос пару раз тыкает пальцем в землю.

--- Ансидиум девяносто, --- отвечает он с улыбкой, --- под скалами миллионы тонн руды с ансидиумом.

--- Чем так чертовски полезен этот ансидиум девяносто? --- спрашиваю я, размышляя, что может быть такого важного, чтобы три миллиона человек жили в таких негостеприимных условиях.

--- Из него производят каталитическое вещество для плазменных реакторов, --- говорит он, найдя среди своих покрытых снегом селеньных сумок кобур и доставая плазменный пистолет, --- для начала, это один из самых стабильных элементов воспламенения для плазменного оружия. Говорят, что плазменное оружие, произведенное из ансидиума добытого на Крагмире имеет только сорок пять процентов отказов.

--- Кажется, вы слишком непринужденно болтаете с осужденными преступниками, --- вставляет Полковник.

Я не вижу его лица, но думаю, что он одарил капитана одним из своих суровых взглядов.

--- Они служат в наказание? --- спрашивает капитан, засовывая плазменный пистолет обратно.

--- Да, --- секунду обдумав, отвечает
Полковник, --- они искупают свои грехи.

--- Тогда они по мне, --- со слехом
отвечает Олос, --- а вот шатающиеся
вокруг не осужденные и не наказанные
преступники меня беспокоят! Когда нас
так осаждают орки, я рад любой помощи,
которую могу получить!

--- Вы считаете, что двадцать два
человека смогут сильно помочь? ---
спрашивает Лорон, вылезая из особенно
глубокого сугроба.

--- Последний раз Крагмир атаковали
около семи лет тому назад, --- отвечает
он нам, --- десять человек удерживали
заставу Гатла от корсаров шесть дней. В
нужной ситуации десять человек лучше,
чем сотня.

--- Поверю на слово, --- бормочет Лорон,
отставая от нас.

НЕСКОЛЬКО десятков человек
работают во входной катере, когда мы
проходит через огромные двойные ворота
заставы. Половина из них
останавливается и смотрит на нас. Есть

только одна вещь, которая меня раздражает больше всего остального, это косые взгляды. Я не знаю почему, можете называть это раздражительностью, если угодно, но почему все, прокляни их Император, столь любопытны, когда мы рядом? Хорошо, не каждый день «Последний шанс» оказывается у их порога, но разве я стараюсь как какой-нибудь криволобый идиот, когда вижу что-нибудь, чего не видел раньше? Конечно, нет. Я имею вид, что у меня есть некоторое самоуважение. Наша репутация, кажется, бежит впереди нас все сильнее и сильнее в эти дни. Я не уверен, раздражает это или забавляет Полковника. С одной стороны, чем больше людей слышали о нас, тем выше была наша ценность в качестве устрашения. С другой же, некоторые люди видели в нас почти героев, и он явно не желал, чтобы обычный гвардеец думал, что это своего рода очаровательное продвижение в карьере. Если они так думают, то они чертовски глупы. Лично мне наплевать и на то и на другое, пока они не пялятся на меня, словно я какой-то

экспонат в цирке уродцев.

Даже в стенах заставы Эпсилон, вырубленной в голот камне гор, холодно. Дьявольски холодно. Снаружи, говорят, что без подходящей одежды ты замерзнешь в течение пяти минут. В это я чертовски охотно верю, мои пальцы ног все еще не шевелятся после короткой прогулки от посадочной площадки с вершины долины. Сегодня мы отдыхаем здесь, а утром выдвигается. Когда я повел бойцов в реквизированную для нас Полковником часть бараков, Франкс подгреб ко мне.

— Планеты собираются убить меня, Кейдж, — трачно заявляет он, руки в перчатках неуклюже расстегивают пуговицы его тяжелой зимней шинели.

— Если Ложная Надежда не прикончила тебя, то это место как прогулка по площади, — уверяю я его.

— Ложная Надежда, может быть, и не достала меня, — говорит он с гримасой на лице, — а вот холод раздирает мою грудь, я едва могу дышать.

— Переживешь, — с жаром отвечаю я, — ты наловчились выживать.

--- Может быть, --- все еще не убежденный, признает он, --- это только вопрос времени, когда мы все умрем. Если это не сделает погода, то могут орки. Сколько мы еще можем выживать?

--- Столько, сколько захотим, --- решительно отвечаю я, хватая его за плечо, --- Пойми, моя философия говорит о том, что если ты сдашься, то умрешь. Тебе нужно что-то, за что можно уцепиться. Для меня это Полковник. Каждый раз, когда я вижу его, я снова убеждаю себя, что он не получит моего трупа. Я не хочу доставить ему такого удовольствия. Пока что это работает.

--- Ты веришь ему, насчет нашего шанса на искупление? --- с надеждой спрашивает Франкс.

--- Неважно во что я верю, --- отвечаю я, пожав плечами, --- важно то, во что веришь ты. Мы разбираемся с этим вопросом каждый по-своему. Линскраг думает, что если он просто сможет выжить, то вернется и затребует обратно свое баронство и отомстит своим врагам.

Кронин тронулся, но он считает, что теперь является гласом Императора, и это поможет ему пройти через все. У каждого есть что-то свое. А те, кто умерли, просто не верили в это достаточно сильно. Если ты хочешь сражаться за свою душу, то по мне это прекрасно.

--- ИМПЕРАТОР, ты, мать твою, шошпарил меня! --- вопит Таппо на молодого парня у регулятора температуры воды. Пар поднимается от огромного бассейна, собираясь каплями на светло-голубой плитке стен. Он садится на бортик так, что в воду свешиваются только его ноги.

--- Пусть так и будет горячо, пацан, --- возражает бывший штурмовик Пол, --- эта погодка проторозила меня до самого сердца, мне нужно отогреться.

--- Смотри, чтобы твой крюк не заржавел, --- глутится Таппо, осторожно опуская свое тело в воду.

--- Самая лучшая долбаная стирка за долгое время, --- говорю я им, дотягиваясь до одной из бутылок с очищающим

теником.

--- Должно быть, этот ансидиум стоит прилично, раз они так хорошо живут на Кразмире.

--- Говорят, что Күльт Механикус отдаст и руку и ногу за эту хрень, --- соглашается Пол, соскальзывая глубже, пока на поверхности не остается только его подбородок.

--- Думаю, это его энергия разогревает воду, когда наверху так холодно.

--- Разойдись, освободи место больному! --- орет Франкс, осторожно шлепая по полу, его босые ноги с неохотой ступают по холодной плитке. Он прав, он действительно выглядит измученным, его некогда огромные мышцы теперь висят на костях. Они еще вполне хороши, но его вес значительно снизился. Он опускает палец ноги в воду и, к веселью остальных, с шипением отдергивает.

--- Слишком горячо для твоей нежной кожи? --- хохочет Пол, брызгаясь водой в сержанта. Франкс достает ногой голову Пола и загоняет того под воду. Когда он,

отплевываясь и ругаясь, снова появляется на поверхности, Франкс прыгает почти на него.

--- Аййййй, --- завывает он, кусая губы, --- горячо, мля!

--- Придется привыкнуть, --- уверяю я его, поливая каким-то лосьоном щетинистую поросль на голове, которая должна была быть волосами.

--- Не забудь полыть за ушками, --- хихикает Ганно, выхватывая у меня бутылку, его выпад вызывает волны, они переваливаются через бортик и расплескиваются по полу. Я слышу, как пришел кто-то еще, и, подняв взгляд, вижу Кронуна, осторожно шагающего по скользкой от воды плитке.

--- И найдется место в сердце Императора для всех истинно верующих, --- говорит он нам, затерев на краю и с подозрением глядя на бассейн.

--- Это значит, подвиньтесь штрафники, --- говорю я остальным, отталкивая Пола на другую сторону, освобождая место справа. Кронин делает глубокий вдох и шагает через край; худой

плужчина плюхается и полностью исчезает под водой. Через несколько секунд он вырывается из воды, на его лице расплывается такая широкая улыбка, которую я никогда не видел.

--- Можу легко здесь оставаться днями, --- хрипит Франкс, закрывая глаза и ложась головой на бортик бассейна.

--- Можно понять Крагмиранцев, почему они не возражают против холодного патрулирования, если возвращаются сюда.

--- Я думаю, они крагмирцы, --- поправляет его Ганно, швыряя лосьон Полу.

--- Крагмиранцы, крагмирцы, какая хрен разница, --- сонно каркает Франкс.

--- У я уверен, это не теряет новизны, даже после десятка патрулей по внутреннему морозу, --- продолжает бывший проповедник, --- я встречал сержанта с одной из дальних разведгрупп. Даже самые опытные бойцы утирают достаточно регулярно. Обморожения, скрытые трещины, полярные медведи, все эти напасти поджидают там беспечных.

--- Не может быть хуже, чем на

Ложной Надежде, — напомунаю я ил, —
там была адская дыра без каких-либо
положительных моментов.

— Аминь, — соглашается Франкс. У
него было намного больше причин, чем у
любого из нас, забыть этот мир-смерти.

— Повсюду возник свет великолепный,
и все вокруг осветила красота
Императора, — подает голос Кронин,
преследуя кусок мыла, который
выскользнул у него из пальцев.

— Да? И что это значит? —
спрашивает Пол. Наше синхронное
пожатие плечами посылает еще больше
ряби по воде, и Кронин оглядывается,
задумчиво нахмурив брови.

— И ликование опустилось на
Площадь Вечной Ночи, поскольку тьма
прошла, и вернулся свет, — снова пытается
он. И разочарованно вздыхает, когда мы
качаем головами.

— Попробуй что-нибудь из «Тезисов
Тора», — предлагает Ганно, — я изучал их.
На самом деле, написанный трактат был
опубликован в «Магнатиана Либер».

— Я всегда думал, что «Тезисы Тора»

скупны, -- возражает Пол, роняя бутылочку
с лосьоном через плечо на плиточный пол, --
лучше подбери какой-нибудь волнующий
гимн из «Строф Крестового Похода».

-- Если ты когда-нибудь даже
подумаешь о том, чтобы запеть, я утоплю
тебя, -- ржет Франкс. Мы все тирились с
американским ревом Пола в блоке для
подготовки на корабле.

-- А! -- внезапно восклицает Кронин,
взволнованно поднимая палец вверх, словно
какой-то престарелый школяр, который
только что открыл секрет вечной
молодости, здоровья и привлекательности
для противоположного пола.

-- Люди собрались вокруг Тора и в
восхищении упали на колени, когда
осознали, что все, что случилось, уже
прошло, а все, что осталось -- это будущее,
и оно было наполнено любовью
Императора!

-- Тор 5-6-8, - говорит нам Ганно,
задумчиво кусая уголок губы, -- там все
было насчет того, что жители Сан-
Себакла пережили ужасы Режима Крови.

-- Все будет хорошо! -- внезапно

объявляет Франкс, открыв глаза и поворачиваясь к Кронину, -- У тебя хорошее предчувствие?

Кронин снова широко улыбается и кивает, его тонкое лицо то всплывает, то тонет в воде.

-- Это успокаивает, -- говорит Пол.

-- В последний раз, когда у Кронина было хорошее предчувствие насчет задания, это было на Харрифаксе, после него, оно закончилось тем, что я запрыгнул на нары к Мораз Клантин!

-- Ты имеешь в виду лейтенанта Клантин? Ах, вот почему ты так быстро стал сержантом, коварный кобель! -- говорит Ганно, на его лице выражение потерянной невинности. Я ныряю под воду и всплываю, когда Пол пересказывает детали своего покорения. Я слышал их раньше. Мы все слышали эти истории раньше, но это не останавливало рассказчиков или слушателей от того, чтобы снова или насладиться. Два с половиной года вместе, мало что оставалось, что мы не знали друг о друге. Или чего-то новенького, чтобы рассказать.

--- Черт! --- снова всплывая, слышу я, как выругался Поливикз. Он деловито нырнул в дальнем конце бассейна.

--- Я знал, что не сработает.

--- Что там? --- спрашивает Пол, держа в руках пару гребков, чтобы пересечь около трех метров к другому краю.

--- Всегда задавался вопросом, а могут ли эти причудливые моющие средства сработать на татуировке, --- признался Поливикз, поднимая из воды плечо, чтобы показать, как он разогнул его почти до пояса. Он говорил об отметине штрафного легиона, которую вытатуировали на нем всем при «наборе».

--- Ничто нас не избавит от нее, --- уверяет нас Пол, --- кроме червей. Просто спросите Кейджа, посмотрите, что случилось с ним, --- добавляет он, подплывая обратно и подталкивая своим крюком мое правое плечо. Теперь на нем мало что осталось от татуировки, там остался шрам от близкого попадания альгарского осколкового ружья, который располосовал ее.

--- Помните Темпера? --- спрашиваю я.

и они кивают. -- Полните, как он, используя свой штык, срезал кусок примерно с три пальца, чтобы избавиться от нее?

-- Верно! -- восклицает Пол. -- Неделями истекал кровью, как какой-то долбаный ублюдок, затем ему просто вытатуировали еще одну на другой руке и Полковник сказал ему, что если он срежет и эту, то следующая будет у него на лице!

-- Надо было сказать, что следующая будет у него на члене! -- громко ржет Пол. -- Он бы ни за что даже близко не поднес бы туда штык!

-- Хотя он все равно утер от заражения крови, -- заканчивает печальную сагу о Темпере Ганно, -- вот что происходит, когда ты не меняешь повязки.

-- И что говорит о важности гигиены и улываний, -- произношу я, словно строгий учитель. Затем я хватаю мокрую тряпку, плавающую в бассейне, и запускаю ее во Франкса, она шлепается ему прямо на подбородок. Франкс швыряет ее обратно, затем Кронин подныривает и хватается

меня за ногу, утаскивая под воду, и все перерастает в мокрую свалку, когда остальные наваливаются сверху.

ПОКА мы дальше углубляемся в горы, погода становится все хуже, если вы можете в это поверить. Временами порывы ветра были сильны, что единственное, что сдерживает меня прямо — это то, я стою на бедрах в снегу. Иногда мы действительно продвигается очень медленно, когда нам нужно продираться на вершину или спускаться по склону. Ожидается, что орки достигнут прохода, который мы будем защищать, в течение пяти дней, и нам нужно пройти за это время больше сорока пяти километров. Мало того, мы еще должны тащить все оборудование для лагеря на себе. Несколько десятков плугфутов тащат сани с самой тяжелой техникой, но остальное мы затолкали в свои рюкзаки. Никогда в своей жизни я так не устал, болят даже кости. Прошедшие две ночи я просто падал на свою скатку и почти сразу же проваливался в сон. По крайней мере, у нас

есть хоть какая-то свежая еда: жаренный
снежный вол, кразмурская пшеница и
другое. Полезная для здоровья пища.
Полковник осознал, что ты не сможешь
перенести эти условия на чашке
протеиновых помоев в день.

Худшей проблемой стало нарушение
разнообразия. Ты можешь маршировать
час или два, радостно передвигать ноги и
позволить своему разуму улететь от всего
этого дерьма так, что ты не замечаешь
кусачий холод или постоянную боль в спине
и в ногах. Но затем, тебе нужно забраться
на гору или вроде того, или снег
становится слишком мягким и скользает
из под ног, или ты почти влетел в
ледяную расщелину — все это полностью
ломает ритм и тебе приходится
действительно тяжело, чтобы вернуться в
свое комфортное, оцепенелое состояние.

Полная информационная блокада
тоже влияет на твой разум. Я думал об
этом, пока тащился вперед. Не было
никакой связи с базой или даже с армией в
следующей долине. Мы полностью
изолированы. Мы шагает туда, только для

того, чтобы сражаться и умирать. Никто не ждет, что мы вернемся, они просто надеются, что наши смерти заставят орков задержаться на день два, пока они построят еще больше баррикад и подведут больше солдат с других застав. Пушечное мясо, вот кто мы. Корм для орков, который они будут пережевывать некоторое время, а может даже немного подавятся, и тогда все закончится. Огин Император знает, чему радовался Кронин. Горячая ванна, кажется, теперь находится в тысячах километрах и прошло несколько лет, хотя всего лишь три дня.

Если вы спросите меня, то Крагмир — это два разных мира. Огин из них внутри станций. Уютный, цивилизованный, теплый. Другой на поверхности, где снежные вихри разрывают снежные равнины, бури могут сорвать кожу с человека и хищники, размером с боевой танк, дерутся друг с другом за крохи драгоценной еды. Одна планета, два мира. И мы застряли в самом неприятном.

Я пристально наблюдаю за Полковником последние несколько дней, и

кажется, он изменился. Он, кажется, взволнован чуть больше обычного, подгоняет нас сверх своей обычной безразличной неумолимости. Все это дело, как нас перенаправили на Крагмир, по какой-то причине беспокоило его, а значит, беспокоит и меня. Если что-то тревожит Полковника, то возможно это сильно, очень сильно огорчит меня. Все же, казалось, что мы ничего не можем с этим сделать, поэтому я пытаюсь не особенно напрягаться. Проблема в том, что я просто тащусь вперед, и у меня слишком много времени, чтобы думать, и из-за этого я впадаю в депрессию. Я не люблю думать о будущем, потому что не знаю, вообще будет ли оно у меня. Да и в данный момент у меня только одна дорожка.

СЕГОДНЯ умер Бракстон. Этот тупой фразгер выскользнул из нашего мента и попытался сбежать. Для начала он побежал вообще не туда, еще сильнее углубляясь в глушь. Мы нашли его тело наутраше, пару часов спустя. Он соскользнул в узкую расселину, и зазубренный ледоразорвал его шинель полосками. Его тело

затверзло всего в паре метров от гна
расселины, его лицо выглядело слишком
безмятежным, с учетом того, что его
кровь затерзла в венах. До самой смерти
он, должно быть, оставался в сознании,
так считает Ганно.

Настал вечер еще одного долгого дня.
Долгого не из-за тяжелой работы, здесь
действительно долгий день. Он длится в
полтора раза больше стандартного дня
Терры, который был принят на
космических кораблях для циклов сна и
бодрствования. В середине зимы тебе
нужно топать двенадцать часов, ты
действительно не можешь даже сделать
перерыв на еду или что-то другое, потому
что как только ты остановишься, то
очень сложно заставить себя снова идти.
Мои ноги покрылись волдырями размером
с глаз, Поливикз считает, что потеряет
пару пальцев от обморожения. Я сказал
ему обратиться к крагмирским гудам,
может быть ему гадут ботинки лучше
или сделают что-то. Они посоветовали
ему положить дерьма плүгфүтов в
ботинки, для дополнительной изоляции.

Пол думал, что они разыгрывают
Поливикза, но я последую совету завтра,
посмотрим, может действительно
работает. Если это даст мне
преимущество, что-то, что поможет
выжить в этом месте, я сделаю это.

Между самоуважением и гордостью
есть тонкая грань, и некоторые люди не
видят, где она проходит. Для меня
разница была в том, чтобы делать то,
что тебе не нравится, но это необходимо
и просто вообще отказываться выполнять
что-то неприятное. Я никому не позволю
считать себя никчемным, даже если я
преступник. Но я все же готов положить
дерьмо в свои ботинки, если это согреет
мои ноги. Вопрос самоуважения, а не
гордости.

Солнце Крагмира выглядит очень
отдаленным и почти синеватым, когда
садится за горы. Все в этом месте
холодное, даже свет. Я развернулся и
замечаю, что остальные разворачивают
три штрот-тента, куполообразные формы
из укрепленной шкуры животных созданы
так, чтобы ветер обтекал их, а не срывал.

Все остальное должно делаться внутри, подготовка, чистка. Даже опорожнение кишечника, что было достаточно неприятной процедурой, учитывая, что снежный вол был достаточно жирным, если вы понимаете меня. Хотя это все же лучше, чем отморозить себе задницу в пурге.

Когда лагерь установили, я говорю Таппо разжечь печку. Столпившись под низким потолком тента, некоторые из нас пытаются как можно ближе подобраться к переносной плите, отчаянно желая хоть чуть-чуть согреться. Остальные же вместо этого заворачиваются в спальники. Как и все остальное на Краглуре, печка сделана с учетом условий планеты и представляет собой скорее горячую поверхность, чем открытый огонь, который мог бы поджечь тент. Ее бордовое свечение единственное освещение, оно отражается от хлопающих стенок и отбрасывает розовые тени, на одну секунду создавая в тенте ощущение теплоты и уюта, а в другую кроваво-красное видение ада. Я

стараясь сконцентрироваться на
ощущение тепла и уюта.

--- Не помню, когда мне в последний раз было так холодно, --- бормочет Пол, его здоровая рука парит над горячей поверхностью, в это время Ганно копается в поисках батончиков рациона.

--- Конечно, помнишь, --- говорит Поливикз, снятая капюшон и открывая свои плоские щеки и широкий нос, классический образчик мирлигуанца, --- это было, когда ты залез в койку к сестре Ганно!

--- У меня нет сестры, --- растерянно отвечает Ганно, вытаскивает из седельной сумки ломоть мяса размером с твое предплечье и очищает его своим рукавом.

--- В Экклезиархии у тебя угалили чувство юмора что ли? --- спрашивает Поливикз, отталкивая меня в сторону, чтобы помочь Ганно с готовкой.

--- А? Да нет, они просто выбивают его из тебя, --- искренне отвечает Ганно, --- хранить души человечества в чистоте --- это серьезный вызов, сам понимаешь.

— Думаю, ты прав, — уступает Поливикз, вытаскивает еще один кусок свежего мяса и кидает его на шипящую поверхность.

— Конечно же, не столь серьезный, как наполнять сундуки пожертвованиями и доходов от епитимий, — трачно добавляет Ганно.

— Прекратите сейчас же! — рычу я, прежде чем кто-либо скажет что-то еще. — Может, поговорим о чем-то другом? Я устал останавливать вас от убийства на религиозной почве.

Все затолчали, только ветер и шипение еды на плите нарушает тишину. Тент хлопает и трепещет, ветер немелодично завывает меж натянутых веревок. Я слышу стех из других тенгов, куда я определил главным франкса. Полковник в своем собственном, как всегда сохраняет уединение. Раньше ходили слухи, что он практикуется там в различных способах самоубийства на случай, если нас возьмут в плен. Во время таких затиший, я полагаю, мы все занимается свой разум по-своему. Что ж,

если орки захватят его, то все что ему
нужно будет сделать -- раздеться и он за
минуты превратится в сосульку. Запах
жаренного снежного вола наполняет тент
густым ароматом, наполнив мне, что мой
желудок пуст. В предвкушении у кого-то
еще забулькало в животе, так что я не
одинок.

-- У меня есть сестра, -- наконец-то
произносит Пол.

-- Да? -- спрашиваю я, ожидая, что
это приведет к какой-нибудь тупой шутке.

-- Нет, серьезно, -- заявляет он, -- она
находится, я на это надеюсь, в одном из
Орденос Госпитальеров, из Сестринства.

-- Лечит раненных солдат? --
спрашивает Ганно.

-- Верно, -- подтверждает Пол, --
последнее, что я слышал о ней, перед мой
злосчастной встречей с той двучичной
шлюхой, что она служит полевым
хирургом где-то около Макрейджа.

-- Скажи еще, что тебе не нравится
Министорум и его десятина, -- говорит
Поливикз.

-- А должна? -- наполовину обвиняя.

спрашивает Ганно.

--- Хорошо, --- начинает объяснять мирлигуанец, устраиваясь среди сѣток зерном, --- они финансируют аббатства Схолы Прогениум. Вот откуда мы получили Сестринство, Комиссариат, Штурмовиков, писчих и так далее. Это кое-чего стоит.

--- Дары и богатство ниспосланы истинно верующим, --- подчеркивает Кронин, первое, что я услышал от него за тот день. В эти дни он говорит все меньше и меньше, я думаю, он все сильнее и сильнее отдалается от других, поскольку неспособен поддерживать беседу с нами. Этот огромный, суровый мир давит на него, тут легко ощутить себя незначительным и одиноким, когда сталкиваешься с такой суровой и вечной природой, которая бѣшет снаружи. Я ощущаю скорый приход меланхолии, питаемой разочарованием и истощением.

--- И все эти дары, --- говорит Ганно, --- закончились перед голбаным Полом!

--- Так все-таки, у тебя есть чувства юмора! --- восклицает Поливикз со смехом.

пока остальные глупо хихикают.

--- Заткните хлебальники и переверните стейки, я не хочу, чтобы мой подгорел! --- огрызается Пол, вызывая еще один приступ смеха.

--- Я вот думаю, Фарнкс там не убил еще Линскрага? --- праздно размышляю я, пока Ганно раздает всем кучку консервных банок.

--- Зачем ты поставил их вместе? --- спрашивает Кайл, присаживаясь в своем спальнике на дальнем краю тента.

--- А ты разве не знаешь? --- отвечаю я, внезапно ощутив горечь от того, что застрял у черта на куличках, с рыскающей неподалеку уродливой и болезненной смертью. --- По той же причине, по какой мы все здесь оказались --- тучения полезны для души.

ДВА ДНЯ мы ждали орков на забытом Императором склоне горы. Два дня мы сидели на задницах и болтали среди затерзанных снегов и на замораживающем кости ветре. Мы расположились как раз под линией

облачности, иногда они проплывают прямо по нам, и ты не можешь разглядеть руку у себя под носом. Воздух настолько здесь разряжен, что вызывает тошноту и головокружение, низкое давление нарушает газообмен тела. Поначалу это вызывало непроизвольный стех, пока не стало просто неудобно. Несколько человек уже умерли от внешних факторов, их убила огромная высота.

Единственный путь перейти на равнины за хребтом, находится в верхней части долины, ну или так считают наши гиды. Несколько храбрецов пытались найти пути на севере и на западе, но никто так и не вернулся. У нас есть взрывчатка, чтобы свалить на зеленокожих хороший кусок снега или скалы, но я думаю, что это всего лишь привлечет их внимание. Я надеюсь, что крагмирцы знают что делают, потому что не хочу, чтобы меня поймала летящая вниз куча.

Теперь, когда мы очутились на месте, вы могли бы подумать, что тяжелая и утомительная работа

закончилась, но будете не правы. На самом деле вы чертовски заняты копая траншею во льду. Если вы когда-либо думали что снег мягкий, то вы серьезно заблуждаетесь. Снег здесь уплотнялся веками, и я могу поклясться, что он тверже камня. Мы могли вырыть траншею, может быть, полтора метра глубиной. К тому же, в огромных рукавицах сложно было держать рукоятку кирки или лопаты и Поливикз почти оттянул себе ногу этим утром. Водянистый свет солнца сейчас как раз над облаками, и на этот раз похоже, что падение снега затеделось. Ну, собственно говоря, теперь он продолжает падать большими кусками, вместо того, чтобы лететь практически горизонтально вместе с бураном.

--- Ветер сместился к югу, --- говорит один из гидов, Экул, разъясняя мне, когда я спросил его про успокоившуюся погоду, --- но на самом деле это плохие новости.

--- Почему? --- спрашиваю я, желая узнать о худшем до того, как оно произойдет со мной. Он секунду смотрит на юг, выставив из серо-белого меха свой

острый и резкий нос с погреборожком. Как и у остальных крагмирцев, его лицо закаленное и грубое, его темные глаза, кажется, смотрят куда-то вдаль, словно что-то вспоминая. Он разворачивается ко мне, его глаза, высоко посаженные на скулах — казалось, высечены из камня — медленно меня изучают.

— В долинах возникает своего рода эффект трубы, и это сильно подстегивает шторм, — в конечном счете отвечает он, согнувшись и рисуя пальцем на снегу спираль, — он набирает и набирает скорость, затем вьюююх, переваливает через горные вершины и летит сюда. Мы называем его Гнев Императора. Несколько поэтично, но ты понял мысль.

— Плохие новости, если он тебя поймает, — заканчиваю я за него.

— Я видел, как человека с легкостью отрывает от земли на тридцать метров вверх, и я не вру, — отвечает он мне, печально покачав головой. Мы стоим и смотрим вниз на построенные зигзаги траншей. Мы заняли позицию на западном,

пологом склоне долины. Другой штрафной
легион был разделен на две группировки,
формируя первую и вторую линию обороны.
План состоит в том, что если орки
разобьют первую линию, тогда их
отбросят выжившие защитники,
отошедшие назад и усилившие вторую
линию. Я думал, что лучше
расположиться на восточном склоне,
который был круче, и это могло
притормозить штурм орков. Но, конечно
же, Полковник взглянул на все и указал на
хорошее естественное укрытие дальше на
километр вдоль долины, куда
подразделения с восточного склона не
могли попасть. Все что оркам нужно
будет сделать, это пробежать под огнем
первый километр, и они окажутся в этом
естественном укрытии. Рано или поздно
им станет ясно, что они вне досягаемости
наших винтовок. Тем не менее, я грался с
орками раньше и не думаю, что они
откажутся бросить вызов шести тысячам
стреляющим в них гвардейцам, и не
попытаются штурмовать. Вот так
работал их ум — они жестокие животные,

не особо вдумчивые и просто с неутраченной жаждой к кровопролитию и войне. Император знает, что природа определенно создала их для сражений. Как я и говорил раньше, ты можешь стрелять в них, протыкать их, рубить, а они не падают.

Я вижу, как кто-то марширует по снегу, и без труда опознаю полковника. Я наблюдаю, как он проталкивается через сугробы, пролезает вдоль скал к нам через такие места, которые действительно ненадежны. Он залезает на выступ, на котором мы стоим, и на секунду замирает, приводя в порядок дыхание, после чего смотрит вниз на окопы.

--- За сколько вы сможете предупредить меня? --- спрашивает он Экула, оглядывая окрестности.

--- Зависит от того, насколько быстро передвигаются орки, сэр, --- пожав плечами, отвечает он, --- плугфуты пробегут от пикетов к нам за пару часов, и, учитывая такую же облачность, мы сможете заметить армию такого размера примерно за десять километров.

--- Значит около пяти, шести часов? ---
рассчитывает Полковник и гуд кивает.

--- А ты почему здесь, Кейдж? ---
внезапно спрашивает он.

--- Я изучаю расположение окопов, сэр,
быстро отвечаю я. Это правда. Я
предпринял этот непосильный подъем с
Экүлом, чтобы почувствовать
окружающую местность.

--- Ты же не пытаешься угнать,
лейтенант, а? --- мрачно спрашивает он.

--- И уйти куда? --- я не могу
удержаться и отвечаю. --- Пойти жить к
оркам?

--- И к какому выводу вы пришли,
лейтенант? --- спрашивает Полковник, в
этот раз решительно игнорирую
нарушение субординации.

--- Нам нужно протянуть передние
окопы к левому флангу, --- отвечаю я,
показывая на зону взмахом руки, --- они
должны перекрывать вторую линию на
несколько сотен метров.

--- И как вы стали столь ученым в
теории ведения войны? --- тихо
спрашивает он, глядя прямо на меня.

— Потому что мы столкнулись с этим, когда вы вели нас на безнадежный штурм Касге Шорнигар на Харрифаксе, сэр, — не сдерживая горечи в голосе, отвечаю я.

— Я полню, — отвечает он, поворачиваясь ко мне спиной, — если мне не изменяет память, там был действительно смертоносный перекрестный огонь.

— Так и было, сэр, — соглашаюсь я, сохраняя тон. Триста восемнадцать мужчин и женщин легли под этим перекрестным огнем, ты, кровавый ублюдок, мысленно добавляю я.

— Я переговорю с Полковником Гривсом о расширении работ, — кивнув, отвечает он, — спасибо, лейтенант.

Я думаю о Гривсе, главе другого штрафного полка, пока не уклюже спускаюсь вниз по склону. Он похож на быка, на пару сантиметров ниже меня, но груды и плечи могут посрамить даже огрина. Он постоянно вздрючивает своих бойцов, орет и ругается на них, проклиная их языческие душонки. У него даже есть свое начальство

грозилы из Agentys Арбитрес, которыми нравится применять свои шоковые булавы. В отличие от «Последнего шанса», в этих бесплодных горах собрались гражданские, приговоренные служить в штрафном легионе судьбами и магистратми.

Хотя их командир не сильно-то отличается от нашего. Я ни разу не видел, чтобы Шеффер ударил кого-нибудь, если тот не пытается атаковать первым. Было несколько таких стельчаков несколько лет тому назад, и я уверяю вас, каждый из них потом выплевывал свои зубы. Он принципиально презирает всех нас как преступников, но, кажется, не ненавидит нас как личностей. В отличие от Гривса, которому, кажется, приносит удовольствие вещать о недостатках своих подчиненных и о неадекватности всех остальных. Если подвести итоги, то это совершенно другая философия. Бедолаги Гривса должны выжить определенное время, и они свободны, так что он пытался сделать их жизни как можно более несчастными, пока мог. Шеффер, с другой стороны, думает, что у него есть высшая

цель. Он не делает из себя нашего судью, он оставляет это Императору. А это, конечно же, значило, заставить нас умереть. Это все равно, что сравнивать Ложную Надежду и Крагмир. Одна — очень очевидная смертельная ловушка, полная возможностей мгновенно умереть. Вторая хитрее, медленно высасывает из тебя жизнь через серию из тысяч испытаний на силу и выносливость. Конечно же, обе достаточно смертоносные.

— МАТЕРЬ Долана, — выругался Пол, сидя на края окна, — их тысячи.

После чего выскакивает из окна и встает рядом с ним. Воздух немного прочистился, часть разрастающегося Гнева Императора варится на юге, и я понимаю, что он имеет в виду. У входа в долину, примерно в двух километрах на юг, на нас несетя орда орков. Кажется, они мало организованны, просто сплошная масса зеленокожих дьяволов упорно марширует через снега. Среди орды несколько танков, так называемых «бауных фюр». С этого расстояния сложно

разглядеть какие-либо детали, просто темная масса на фоне снега.

Более чем в километре, я смог разглядеть очертания гредноутов среди толп орков-воинов. Эти гиганты, шагающие тахины войны, в два-три раза выше человека, вооружены диким набором тяжелых пушек, клинков ближнего боя, пил и кулаков. Стены долины начинают отдавать эхом от их приближения. Словно глухой рокот грома, басовые нотки боевых кличей и выкрики, все это сплетается в один неблагозвучный рев. Когда орда подошла ближе, я замечаю, что они по большей части облачены в темные меха, в середине трепещут на ветру черные и белые в клетку знамена, их машины раскрашены в те же цвета, густой выхлоп бьет из шумных двигателей, что добавляет грохота и сумрака.

Орки не глупы; увидев окопы, армия начинает медленно подниматься на склон, продвигаясь вдоль него по диагонали, уменьшая угол наклона. Отделения первой линии открывают огонь из тяжелых пушек, когда остается примерно восемьсот

метров, рокот автомашин отражается от стен долины. Я вижу периодические вспышки из оружейных окон, вырытых в траншеях, примерно в трех сотнях метров дальше вниз по склону от меня. Орки отвечают, начав тихо скандировать, по мере их приближения громкость возрастает, пока все не тонет в шуме от стрельбы тяжелых болтеров и лазнушек.

--- Бааа-орк! Бааа-орк! Бааа-орк! Бааа-орк! Бааа-орк! --- ревут они, склоны гор эхом разносят боевой клич, пока они убыстряют шаг и готовятся к финальному рывку.

Их крики соединяются с сериями приглушенных взрывов. Огромные фонтаны снега появляются справа, прямо над армией орков. Словно единой массой, полумесяцем вздыбилась лавина снега. Склон начинает съезжать вниз на ксеносов, среди волны белизны катятся валуны, редкие деревья вырваны с корнем, когда лавина убыстрится, стремительно набирая скорость. Встревоженные крики орков тонут в реве тонн снега и катней.

которые летят на них, каскад льда превращает склон в смертельную ловушку.

Марш орков немедленно рассыпается, и армия пытается рассеяться, пока на них не обрушится снежный обвал. Земля дико трясется, словно во время бомбардировки, и я нервно бросаю взгляд на склон выше, чтобы убедиться, что эффект не распространится дальше, чем было запланировано. Должен признать, что выдыхаю с облегчением, когда совсем не вижу там движения, сверкающий лед простирается до гор совершенно не потревоженный. Экул и его скауты отлично потрудились. Стрелки из передней траншеи продолжают стрелять в паникующую орду, даже когда лавина врежется в орков. В эту секунду там находится разбегающаяся орочья орда, в следующую — просто сплошная белизна, беспощадная темными пятнами, где орков и машины подбрасывало вверх, потом их поглощает и они исчезают из вида.

Вторичные лавины сваливаются на горю снега, которая теперь устилает дно долины, накладывая еще больший слой на

погребенных под плотным снегом орков. Бойцы Гривса радостно орут, их крики оглушают грохот лавины. Я замечаю, что никто из штрафников «Последнего шанса» не присоединился к ним, они все наблюдают за гном долины с решительным выражением на лицах. Я знаю, о чем они думают. Все будет не так просто — одна быстрая лавина и орки мертвы. «Последний шанс» никогда не отделивался так легко. Конечно же, как только вихри поднятого снега начинают опускаться, я вижу значительную часть оставшейся армии орков. В данный момент они оглушены и ошеломлены, но все еще их более чем достаточно, чтобы сломить нашу оборону, как только они прыдут в себя. И теперь они еще безумнее будут рваться в бой, разгоряченные, даже не смотря на потери.

В передней траншее Гривс заставляет своих бедолаг продолжать обстрел орков, не давая им перерыва. Умная тактика, но меня не отпускает мысль, что Гривс просто хочет чуть больше поорать на своих штрафников.

Яркий оранжевый взрыв расцветает в центре толпы орков, когда топливо гредноута detonирует от выстрела лазпушки. Пара гредноутов и единственная бабвая фура пережили лавину, но Гривс хорошо командует своими бойцами и вскоре лазпушки и автомпушки оставляют от них только горящие останки.

Меня посещает странная мысль, когда орки начинают прокладывать путь по склону. Машинам нужно горючее, и его мало где можно найти в ледяной глуши. Крагмирцы модифицировали свои три-в-одном «Хитеры» на лыжах для перевозки топлива на дальние расстояния, и понятно, что оркам нужны какие-то машины обслуживания. Не только для топлива, но и для перевозки боеприпасов и еды. Сложно понять, как такая армия, маленькая как эта, собственно говоря, могла взять даже одну заставу Крагмира, не говоря уже о трех уже захваченных. И от ближайшей до этих гор примерно восемьсот километров по непрерывным ледяным равнинам. Даже если они растащили все, что только

можно было с навших застав, ил нужно
было как-то сюда добраться. Орки хорошие
тародеры, они могут утащить
практически все, и я почти ожидал
увидеть их на захваченных, специально
модифицированных «Хилерах». Не
сходилось, несколько тысяч орков, даже
таких выносливых как они, не могли
выжить так долго без поддержки. Я не
знаю, чем это объясняется, но ощущаю
тревогу насчет этого. Мне нужно
переговорить с Полковником, но у меня
нет никаких ответов, и я уверен, что он
сделала те же самые выводы.

Когда орки приблизились, залпы
лазганов присоединились к тяжелому
оружию.

Зеленокожие открыли ответный
огонь, дульные вспышки сверкают среди
темной орды, когда они кидаются вперед.
Они снова затягивают свой боевой клич,
быстрее и громче, чем раньше. К этому
моменту лазерный огонь почти
непрерывный; Гривс приказал бойцам
стрелять по готовности, вместо залпов.
Орки толпами падают в снег, но

остальные продолжают приближаться, несясь по склону горы живой волной звериной свирепости.

--- Они не сдержат, --- говорит стоящий рядом со мной Пол, его лязга загудел, когда он вставляет энергоачейку.

--- Могут, --- отвечаю я, не отрывая пристального взгляда от передней траншеи. Орки налетают на солдат Гривса, словно шторм, плохо обученные гвардейцы-штрафники не могут ничего противопоставить врожденной в орков жажде к рукопашному бою.

--- Сейчас же отводи их назад, --- слышу я как настойчиво шепчет Пол, --- отводи назад, пока не будет, тля, поздно!

Я понимаю, что Пол имеет в виду, когда все больше и больше орков врывается в траншею. Если Гривс побежит сейчас, мы сможем прикрыть их спины от орков огнем. Если он запоздает, они все сметаются, и мы не сможем отличить врага от союзника.

--- Сейчас, гребанный идиот! --- орет Пол, вскарабкиваясь на ноги. Секунду я думаю, что этот дубоголовый Гривс будет

добраться до последнего человека, забирая преступников в ад вместе с собой. Но затем я вижу движение на конце передней траншеи, на левом фланге, тучины и женщины карабкаются по задним стенкам, до того как орки смогут добраться до них в рукопашной. Я подумал, что, должно быть, Гривса подстегнул инстинкт самосохранения. Я вижу как он подгоняет бойцов, махая в нашу сторону рукой, пока сам пробирается через сугробы.

— Прикрываем огнем! — пронесся приказ вдоль траншеи. Пол начал стрелять право, заметив несколько десятков орков, которые прорвались через траншею и бегут вслеп за бойцами Гривса, пытаясь их отрезать. Ревущее стаккато тяжелого болтера присоединилось к треску лазганов, вырывая дыры в толпе орков.

Полковник Гривс ведет своих бойцов влево от нас. Мы находимся на правом фланге второй линии, примерно пятьсот бойцов, половина от сил первой линии. Орки не останавливаются, чтобы закрепиться на первой линии — они

выкатываются из окопов и валят в нашу сторону. Я вытаскиваю лангхестов и начинаю стрелять — орки идут столь плотно, что я не могу промахнуться с этого расстояния даже из пистолета. Зеленокожие начинают разбегаться, стараясь атаковать широким фронтом, некоторые из них рванули влево, чтобы обогнуть фланг и окружить нас.

Ответный огонь начинается разбрызгивать снег, и мы с Полом запрыгиваем обратно в укрытие окопа. Орки растянулись в серовато-коричневую линию, сконцентрировавшись на лобовой атаке, но протянувшись влево и вправо.

— Приготовьтесь к рукопашной! — разнесся по траншее крик офицеров.

— Мы не удержим траншею, — говорит Шеффер, стоя рядом со мной.

— Сэр? — спрашиваю я, поворачиваясь, дабы взглянуть на него.

— Один на один эти бойцы не могут справиться с орками, — быстро объясняет он, — как только они окажутся в траншее, мы не сможем взять их числом. И их очень сложно выбить обратно.

--- Контратака, сэр? --- предлагаю я, считая мысли Полковника, ужасаясь от мысли о любой спешке столкнуться с этими зверскиими чужаками, но, не смея надеяться на другое. --- Ударить в открытую?

--- Передайте приказ об общей атаке, --- орет Полковник в окопы слева. Секундой позже он хватается за поручни лестницы в окне и выскакивает. Я следую за ним, и ощущаю, как вибрирует лестница под остальными.

Орки и гвардейцы обстреливают друг друга и повсюду слышны крики и выстрелы. Орки притерно в пятидесяти метрах, несутся со всей скоростью к ним, бойцы поскользываются и спотыкаются в снегах, хотя зеленокожие сталкиваются с такими же трудностями. Я снова начинаю палить из лазерного оружия, тревогой глядя, как вспышки энергии попадают в цели, но они не особенно эффективны против крепких пришельцев. При приближении они продолжают реветь свои гортанные боевые кличи, волна звука сопровождается свистом пуль и треском

лазганов. Ветер меняет направление и обдает меня вонью, пробираясь через сугробы, я задерживаю дыхание. Это смесь немытых тел и смерти, совершеннейшая мерзость.

Когда мы сокращаем дистанцию, я могу видеть, что зеленокожие вооружены разнообразными грубыми пушками и здоровенными тесакатами ближнего боя. Вспышки выстрелов оттеняют массу порков, серебряные блики отражаются на их клинках, любовно заточенных, чтобы пробивать плоть и кость одним ударом. Когда до зеленокожих остается двадцать метров, я выбираю одного для атаки и вытаскивая с пояса нож. В большинстве своем они одеты в черный, грубый мех, сшитый в безрукавки, белые росчерки намалеваны на их широких плечевых пластинах и грубо сбитых нагрудниках, на которых остались вмятины и трещины от предыдущих сражений. Я с ужасом замечаю, что с пояса моего противника свисают две человеческие головы, через безжизненные глазницы продеты крюки для таяса. Чужак, кажется, читает мои мысли

и его красные глаза блестят, когда ты
сближается. Все и всё забыто, и я
концентрирую свое внимание на орке,
отмечаю груды мышц под мехами, рваный
шрам на широком подбородке проходит
через его клыкастую пасть, и
заканчивается на левой щеке, задевая его
свиной нос. Его кожа темно-зеленая, усеяна
шрамами и бородавками, она явно
непроницаема для жгучего холода,
который убил бы человека. Он открывает
полную желтых клыков пасть и что-то
ревет, эти клыки могут за один укус
разорвать мышцы и раздробить кости.

Когда остается пять метров, он
поднимает громадный пистолет и
стреляет, но пуля проходит мимо, с
визгом пролетая рядом с моей головой, как
минимум в полуметре слева.

В правой руке у него клинок, похожий
на тесак мясника, размер лезвия
потрясает, оно с легкостью может быть
длинною около метра. Он отводит назад
тесак и машет им, целясь мне в грудь, но
я ныряю влево, нога соскальзывает в снег,
и клинок дугой проносится мимо. Я делаю

выпад ножом, но орк с легкостью отбивает
его своей сильной рукой, одновременно с
этим рубя сверху вниз тесаком. Я еще раз
изгибаюсь в сторону, хотя не достаточно
быстро, грубый колун срезает полоску с
левого рукава шинели. Холодный воздух
задувает в руку, и моя кожа покрывается
пушинками от холода, но я не замечаю
этого и поднимаю пистолет, целясь ему в
грудь. Он ныряет, чтобы уклониться от
выстрела и попадает прямо на мой нож,
которым я бью снизу вверх, лезвие
погружается ему в грудь, я со всей силы
проворачиваю его и темный, почти черный
и очень густой поток крови обливает
белый снег и мои ноги.

Я отшагиваю, и еще один орк
прыгает на меня, два зазубренных ножа
сверкают в холодном свете. Разряд из
пистолета попадает ему прямо в левый
глаз, разрывает затылок и отшвыривает
существо на снег.

Пол отбивается от орка своим
крюком, разрывает ему живот
наконечником и отпрыгивает, когда тот
бьет кастетом, оснащенным парой

коротких лезвий. Я разворачиваю нож и
бью в шею орка, чувствую, как она
отскакивает от толстого хребта, но
прорывает глубокую рану в основании
черепя. Орк попадает в меня тыльной
стороной руки, сбивает на колени и, рыча,
разворачивается, из открытой раны
брызжет кровь. Разбрасывая снег, он бьет
ногой, металлический мысок ботинка
попадает мне в бедро, практически ломая
кость. Сверкает крюк Нола, и разрезает
часть орка, разрывая щеку. Отплевывая
кровь и зубы, зеленокожий поворачивается
к Полу, но его следующий затах сбивает нос
орка, наконецник врежется в ноздрю,
раздирая торгу, и погружается в мозг.
Падая на землю, орк спазматически
дергается, но ни один из нас не тратит на
него ни секунды, поскольку сразу же
остатривается, как идет сражение.
Большинство орков отступает к первой
траншее, стетенные контратакой
гвардии. Несколько остались драться, но
их безнадежно превосходят численностью
и быстро сокрушают. Сотни зеленокожих
тел и еще больше людей, лежат

искалеченные и разорванные, взбитый снег
красен от крови. В местах самых
ожесточенных схваток лежат грудями по
пояс оторванные конечности и
обезглавленные тела.

--- ПОДЛОВИТЬ, это самый простой
трюк, --- говорит Пол, когда я описываю бой
с первым орком, вместе с остальными мы
рухнули от усталости в траншею, --- я
думал, орки умнее и не смогут попасться на
такую прямолинейную ловку.

--- Самый старый трюк в кровавой
книге, --- подает голос Поливикз, очищая
свой штык снегом.

--- Да, простейший из трюков... ---
бормочу я про себя, беспокойные мысли
начинают изводить мой разум. Я
оглядываюсь в поисках Полковника и вижу
его чуть дальше в траншее, он
разговаривает с Гривсом и Экулом.
Расталкивая в стороны, я остаюсь глух к
стонам и стенаниям раненных, через
усталых гвардейцев я проталкиваюсь к
нему.

--- Сэр! --- зову я Полковника, когда он

собирается уходить.

--- Да, Кейдж? --- резко спрашивает он, разворачиваясь на месте.

--- Я думаю, нас облапошили, сэр, --- быстро отвечаю я, оглядываясь, чтобы посмотреть, чем там заняты орки.

--- Облапошили? --- спрашивает стоящий рядом с Полковником Гривс, его лицо излучает недоверие. --- Что ты имеешь в виду?

--- Это атака --- уловка, диверсия, --- торопливо объясняю я, размахивая руками, пытаясь передать внезапно охватившее меня чувство безотлагательности, --- теперь, когда я думаю об этом, это имеет смысл. Они пересекли равнины с поддержкой от основной армии, а затем разделились.

--- Что за чушь ты несешь? --- требует ответа Гривс. --- Возвращайся в строй.

--- Подождите секунду, полковник, --- говорит Экул, выходя из-за полковника и пристально глядя на меня, --- Диверсия для чего, Кейдж?

--- Это не основная армия орков, это диверсионная атака, чтобы отвлечь нас

и задержать тут, пока основные силы
обходят нас, -- я быстро излагаю свои
мысли, мой разум мчится по
последствиям сложившейся ситуации.

-- Может быть ты прав, -- кивнув,
отвечает Полковник, -- эта армия мало
похожа на ту, что была в докладах. Я
думал, это может быть просто авангард.

-- Куда еще они могут пойти? --
презрительно спрашивает Гривс, -- Эккл
сказал, что ни один человек не может
перезнать переход через другие места в
этом регионе.

-- Ни один человек, сэр, --
соглашается Эккл, -- но слова лейтенанта
имеют смысл. Мы не бойцы. И возможно,
что орки могут проложить другой
маршрут к заставе Эпсилон, обходя вокруг
по другой долине.

-- И что мы можем с этим поделать?
Наш приказ был сдержать этот проход, --
упрямо знет Гривс, -- а Кейдж, возможно,
ошибается.

-- Все еще есть такая вероятность, --
отвечает Полковник, пока он думает, его
глаза прищуриваются, -- ты и твой полк

продолжат держать этот проход. Остатки моих сил не очень-то эффективны. Мы должны отправиться на заставу Эпсилон и предупредить их.

Во мне воспрянула надежда при мысли о возвращении на Эпсилон. Гораздо легче выжить в осаде, чем в открытой схватке. К тому же, мы будем внутри, а не в этих Императором забытых снегах и холоде.

--- Мои горные бойцы могут двигаться гораздо быстрее, --- подсказывает Экүл, круша мои надежды, --- и мы знаем местность лучше.

--- А может быть лучше вам и вашим скаутам пристотреть за главной партией? --- предлагаю я, шустро прыгывая и стараясь не показывать отчаяние голосом.

--- Они снова идут! --- раздаются крики офицеров из траншеи ниже.

--- Мы уходим сейчас же! --- решительно заявляет Полковник. --- Накүй какую-нибудь провизию, Кейдж и собирай бойцов сюда.

НАТБЮ минутами позже, выжившие
штрафники «Последнего шанса»
собираются вокруг меня, складывая все,
что можно в пару саней для плугфутов.
Ветер снова поднялся и разбрасывает
вокруг нас снег, сквозь него слышится
грохот автомашек и треск лазганов бойцов
Гривса, пытающихся сдержать орков,
рвущихся к передней линии. В снегах
появляется Полковник.

— Вы готовы? — спрашивает он,
оглядываясь через плечо на окопы в
нескольких десятках метров от него.
Мимо свистит шальная пуля орков, но не
настолько близко, чтобы волноваться.
Вскоре показывается Гривс, протопав
через снега, он встает перед Полковником,
уперев руки в бока.

— Вы не подчиняетесь приказам,
Шеффер, — горячо начинает Гривс,
осуждающе тыкая пальцем в Полковника, —
вы оставляете свою позицию.

— Если у вас будет возможность,
идите за нами, — спокойно отвечает
Полковник, игнорирую обвинения.

— Ты — трус, Шеффер, — возражает

огромный офицер, тыкая в грудь
Полковника пальцем, -
ты не лучше, чем возглавляемое
тобой отребье.

--- Прощайте, полковник Гривс, ---
коротко отвечает Полковник, и я точно
знаю, что он сдерживает себя, --- возможно,
мы больше не встретимся.

Пока мы пробираемся по снегам, Гривс
продолжает проклипать нас, Франкс и
Лорон ведут плугфута впереди, Полковник
ведет заднего.

БЛИЖЕ к вершине хребта ветер
стал по-настоящему свирепым, он
утрудяется добратся до моего лица,
несмотря на подбитый густым мехом
капюшон шинели. Всего лишь через пару
километров мои ноги уже начинают
уставать. Не говоря ни слова, Полковник
жестко подгоняет нас, одаривая просто
уничтожающим взглядом тех, кто
колеблется или отстает. Я тащусь
вперед, сконцентрировав все свои мысли на
подъеме ног и следующем шаге, мои глаза
установились на спину Лорда передо мной.

позволяя разуму блуждать вне этой планеты.

Вскоре свет начинает меркнуть, солнце садится за горы и окрашивает вершины в красное. Это могло быть прекрасным зрелищем, если бы я не видел снег в долине, залитый красной и черной кровью. Теперь же закат напоминает мне об отрубленных конечностях и обезглавленных телах. Теперь, кажется, что все вокруг обито кровью.

Я смотрю на детей и они напоминают мне груды крошечных тел, которые мы нашли в Равенсбросе на Карлилл Два. Каждый раз, когда я гуляю с чем-то вроде цветов, я просто вспоминаю Ложную Надежду и чуждую тварь в Сердце Джунглей. Солнечный день возвращает меня к сокрушающему жару пепельных пустошей Гаталона, где двести человек утонули в перемещающихся дюнах из пепла, разъедающая пыль разлагала их тела, даже пока их засасывало. А что касается любых жуков, гуляю, вы понимаете, о чем они мне напоминали. Нигде во вселенной не осталось ничего

приятного для меня, кроме компании
приятелей «Последнего шанса» и эти
момент случаются все реже и реже.
Почему все напоминает мне о войне и поле
боя? Полковник осознает это? Было ли
это частью наказания — отобрать у тебя
все? Все мои приятные мечтания были
разорваны на части за прошедшие три
года. Когда я вступал в Гвардию, я думал,
что смогу что-то изменить. Ха, какая
ирония. Я видел битвы, где за одно утро
утирала десятки тысяч человек, ракеты и
снаряды падали, словно взрывчатый ливень
час за часом. Я застрелил, задүшил и
зарезал больше врагов, чем мог вспомнить.
Для меня не осталось ощущений, которые
не были бы запачканы кровью. Даже
запрыгнув в багью на заставе Эпсилон, моя
первая мысль была о пересечении реки на
Джүно. Изүвеченные тела проплывали
мимо, пока мы пытались форсировать ее,
бойцов утягивало стремительными
подводными течениями, трассирующие
очереди визжали в ночи, летя в нас.

примерно

полночь,

когда

Полковник объявляет привал. Мы даже не
заботились разбить лагерь или что-то
приготовить, все пару раз куснули соленого
мяса и рухнули, завернувшись в спальники.
Я плаваю в выматывающем сне, внезапно
разбуженный Полковником, который
нарезает круги, следя за тем, чтобы холо
не убил никого. Должно быть, прошла всего
пара часов, когда он распыливает нас. Все
еще крошечная тьма, когда мы, шатаясь,
собираемся, Полковник рыком заставляет
нас двигаться. Снова начинается марш, я
силой заставляю работать свои
измученные ноги, в буквальном смысле
буксирюя себя через снег, стоя на карачках
и проваливаясь в холодную белизну по
локти.

Внезапный крик паники заставляет
всех схватиться за оружие, но Ганно
бежит мимо, чтобы сказать Полковнику,
что кто-то в темноте провалился в
расселину. Я проталкиваюсь вперед к
прокладывающему путь Полковнику, Ганно
ведет нас к дыре.

В окружающей темноте я не вижу ни
фрага, Полковник спрашивает, кто туда

упал. В ответ раздается лишь стон, и мы быстро делаем перекличку, выяснив, что не хватает голбаного Пола.

--- Мы не можем тратить время на спасение, --- объявляет Полковник, отходя от края расселины, --- нельзя сказать, насколько глубоко он упал, и у нас нет необходимого оборудования.

Раздается недовольное ворчание, но все слишком замерзли, чтобы по-настоящему спорить. Ганно стоит на краю, пока все остальные проходят мимо. Когда он разворачивается и смотрит на меня, в его глазах пустота.

--- Это займет всего несколько минут, --- говорит он, скорее всего глядя на себя, --- он всего лишь просто заснет. Он не будет знать, что происходит.

--- Она глубокая, он возможно уже готов, --- отвечаю я, положив руку ему на плечо, и подталкиваю вперед. Он делает пару шагов, затем снова останавливается.

--- Нам нужно идти! --- рявкаю я, снова подталкивая его, --- мы попадем на Эпсилон или умрем.

ВЕСЬ следующий день Полковник, не останавливаясь, гонит нас вперед. После полудня я прохожу мимо каких-то лежащих в снегу тел. Они лежат лицом вниз, и я не могу разобрать кто это, у меня нет сил, чтобы разбираться с этим. Я пытаюсь выяснить, кого не хватает, когда мы останавливается, но мои глаза воспалились, и их покрывает корка, все выглядят одинаково в своих тяжелых шинелях, с туго затянутыми вокруг лица капюшонами. Я заставляю себя проглотить еще чуть-чуть консервированного мяса. Никто не говорит друг другу и слова, и даже Полковник необычайно тих. Дрожа, я усаживаюсь, сжав руки на груди, и ощущаю, как болит каждый мускул и каждая кость в моем теле. Моя голова клонится, поскольку тело сдается перед холодом, и я начинаю засыпать, когда меня кто-то снова будит.

— Что за...? — рычу я, отмахиваясь.

— Франкс, — говорит Таппо. Больше ему говорить ничего не нужно. Он помогает подняться мне на ноги, и мы бредем к тому месту, где лежит Франкс.

Я склонился над ним и встатриваюсь под
капюшон. Его лицо покрывает корка льды,
оно чрезвычайно бледное. Через секунду к
нам присоединяется Лори, они низко
наклоняется, почти прислоняется щекой к
его рту.

--- Все еще дышит, --- говорит она,
распрямляясь, --- но едва-едва.

--- Мы не можем бросить его, ---
объявляет Ганно, и я согласно киваю. Я
вроде как дал себе обещание, что Франк
переживет это.

--- Что мы можем сделать? Я
слишком устал, чтобы нести что-то,
кроме своей шинели.

--- Положим его на сани, --- предлагает
Лори.

--- Плугфуты уже нагружены по
таксимуму, --- предостерегает Ганно,
притоптывая ногами, чтобы согреться.

--- Значит, им придется тяжелее. Мы
заставим их тащить по очереди, --- решаю
я. Никто не возражает.

РАЗДАЛОСЬ полное боли ржание от
плугфута во главе утешающейся колонны.

Двое не проснулись, еще двое свалились этим утром. Полуденное солнце блестит на снегу, делая невозможным что-либо увидеть днем, словно наступила ночь.

--- Кейдж! --- слышу я крик Полковника и бреду вперед. Плугфут лежит на снегу, его левая задняя нога вывернута под странным углом и явно сломана. Сани перевернулись на камни неподалеку.

--- Сэр? --- спрашиваю я, стоящего на коленях рядом с упавшим животным Полковника.

--- Разбей бойцов на команды по шесть человек и перевяжи их страховочными веревками, --- говорит он. Он достает их кобурь болт-пистолет, прикладывает дуло к виску плугфута и вышибает ему мозги. Моя первая мысль о свежем мясе, но взгляд на Полковника наполняет меня тол, что мы не будем тратить и секунды. Затем меня внезапно заполняет волна ненависти.

--- Вы не сделаете то же самое с нами, --- рычу я на Шеффера, указывая на все еще дымящийся болт-пистолет.

--- Если вы будете служить

Императору так же хорошо, вы, можете
быть, заслужите хоть какого-то
милосердия, -- возражает он, убирая
пистолет, -- если нет, то ничего не
получите.

К ЭТОМУ моменту нас остается
двенадцать, не считая Полковника, и мы
меняется, чтобы по два часа тащить сани.
Полковник пытался заставить меня
оставить Франкса, сказав, что
дополнительный вес излишен, но Таппо,
Лорон, Лори и Кронин вызываются
добровольцами вместе со мной, и мы
стменяем друг друга, передвигать
оставшиеся от плугфута сани.

Вскоре я теряю отсчет времени,
так что могло пройти как
остановки, так что могло пройти как
три дня, так и целая неделя, невозможно
сказать. Ветер действительно усилился и
снова валит тяжелый снег. Я полностью
предупреждение Экула насчет Гнева
Императора и опасаясь худшего. Я
рассказал остальным, что нас ждет и все
удвоили усилия, но наступает момент.

когда все твои силы уходят только на то, чтобы не заснуть, не говоря уже о ходьбе или о том, чтобы тащить сани. Вскоре мы опустошили огни из саней от провизии и решили выбросить тенты, так как не у кого не остается сил, чтобы ставить их. После чего пошло чуть легче, две команды и плугфут по очереди тащат оставшиеся сани.

--- Если орки столкнутся с чем-то подобным, они могут не преодолеть переход, --- как-то вечером предположил Кайл, пока мы грызём полужамороженные полоски мяса.

--- Да ты сам в это не веришь, --- говорю я, --- они крепкие ублюдки, ты это знаешь. Кроме того, они грабили, и построили, один Император знает что, перед тем как предпринять переход. Если их военачальники достаточно умны, чтобы пойти на такой финт, то у них определенно хватит мозгов подготовиться. У них, возможно, есть машины и все необходимое.

--- А что если мы опоздаем? --- восклицает Кайл, за секунду стенив

оптимизм полнейшей депрессией. Я
никогда прежде не видел, чтобы у него так
скакало настроение, но я полагаю, что мы
все глго мечется между надеждой и
отчаянием.

--- Тогда мы хорошенько развернется и
пойдем обратно, --- говорит Поливикз,
зубами отрывая кусок соленого мяса.

--- Вся эта проклятая Императором
планета выглядит одинаково, --- ругается
Кайл, --- я даже не знаю где мы, и долго ли
нам еще идти.

Никто не утруждает себя ответом, и
так достаточно сложно
сконцентрироваться на следующих
нескольких минутах, не говоря уже о том,
чтобы беспокоиться насчет следующего
дня. Я откидываю в сторону остатки
своего рациона, слишком устал, чтобы
жевать, и ложусь, желанный сон быстро
меня успокаивает и уносит от боли в
каждой части моего тела.

Хриплый крик спереди врывает
меня из вызванного истощением полусна.

--- Что теперь? --- сонно спрашиваю я.

когда подхожу к полудюжине штрафников
«Последнего шанса», собравшихся впереди.

--- Один из пикетов заставы, ---
отвечает Полковник, --- я отослал их
обратно, чтобы предупредить об орках.

Я осознаю, что это были крики
радости, а не вопли, но в моем
одурманенном состоянии я
интерпретировал их как вопли боли и горя
какой-то заблудшей души.

--- Мы все еще идем на Эпсилон? ---
поспешно спрашиваю я, боясь, что
Полковник может приказать нам
развернуться и идти туда, откуда
пришли.

--- Да. Мы достаточно долго шли, ---
уверяет он меня, и впервые я замечаю,
насколько он выглядит тощим и
осунувшимся. Вокруг его глаз огромные
темные круги от бессонных ночей и он весь
выглядит таким же изможденным, как и
остальные из нас.

Еще два часа мы бредем, пока не
доходим до сторожки. Там нас ожидает
небольшая делегация офицеров
Красмирских полков. Их настроение

мрачное, но они не слишком злобно
смотрят на нас, когда слышат, что
говорит Полковник, полностью
истощенные, мы падаем на снег в
нескольких метрах от них.

Я не слышу, о чем они говорят, уже
несколько дней как я оглушен, даже
несмотря на натянутый на голову
защитный капюшон. Кажется, они
возражают, и я думаю, что они гнут ту
же линию, что и Гривс, обвиняют
Полковника в том, что он отдал такой
приказ. Я вижу, как Шеффер энергично
качает головой и указывает на небо. Я
слышу обрывки слов, типа «осада», «время»,
«важно» и «орбита». Ни одно из них не
имеет для меня значения. Один из
краслирских офицеров, голбаная шишка,
судя по нарядности его униформы, выходит
вперед и отрицательно рубит рукой, после
чего указывает большим пальцем за свое
плечо на станцию. Следует еще более
ожесточенный обмен любезностями,
Полковник разворачивается на каблучках и
топает к нам.

-- Встать, штрафники, -- рывкает

он, после чего марширует по долине к воротам.

--- Куда, мля, мы идем в этот раз? --- спрашивает Поливикз.

--- Может защищать посадочную площадку шаттлов? --- пожав плечами, предполагает Ганно.

После краткого прилива энергии от того, что мы узнали, что находимся у Эпсилон, моя усталость мстительно возвращается. Мой мозг отказывается воспринимать что-либо, кроме того, что необходимо для ходьбы, и я тащусь к посадочной площадке, все произошедшее за пару недель превратилось для меня в одну расплывчатую белую массу.

Мы подходим к посадочной площадке и находим закрытые ворота. Вглядевшись через ячейки высокого заграждения, я замечаю, что наш шаттл по-прежнему стоит на площадке, очищенный от снега дежурными.

--- Это прямой приказ от вышестоящего офицера, --- слышу я, как произносит Полковник, и фокусирую свое внимание на нем. Он стоит рядом с дверью

маленькой сторожки у ворот, и находящийся там сержант крагмирец качает головой.

--- Я извиняюсь, полковник, --- отвечает сержант, беспомощно разводя руками, --- но без надлежащих полномочий, я не могу позволить вам взять шаттл.

Внезапно шестеренки в моих мозгах заработали. Взять шаттл? Мы улетаем?

--- Лейтенант Кейдж! --- рывкает Полковник, я быстро марширую к нему и встаю по стойке смирно. --- Если этот боец немедленно не откроет ворота и не очистит площадку для взлета, расстреляйте его.

Крагмирец начинает что-то бормотать, пока я достаю пистолет и прицеливаюсь ему в голову. Мне реально наплевать, вышибу я ему мозги или нет. С одной стороны, я слишком устал, чтобы меня это волновало. С другой, если этот фразоголовый встал у меня на пути, чтобы свалить с этого покрытого запыленным льдом ада, то я с радостью взгону пую ему в череп.

Он сдается от моего не слишком-то

утонченного давления, отступает в
хибарку и дергает рычаг, который
начинает открывать скрипящие ворота.
Рев сирен эхом отражается от
окружающих нас гор, и люди начинают
разбегаться от ангаров и рабочих барачков.

--- Мы улетаем, --- оглашает
Полковник, шагая через ворота.

--- Улетаем? --- спрашивает
Линскраз. --- Куда?

--- Ты узнаешь об этом, когда мы туда
доберемся, боец, --- загадочно отвечает
Полковник.

Глава шестая.

Тифон Прайм.

+++ Операция Сбор завершена.
Готовлюсь начать операцию Новое Солнце.
+++

+++ Больше не должно быть задержек.
Новое Солнце должно начаться по
расписанию или все будет потерянно. +++

По сравнению с некоторыми местами,
в которых я был со штрафниками
«Последнего шанса», Тифон Прайм казался
очень цивилизованным, особенно если
учитывать, что последние два года его
разрывала на части кровавая гражданская
война. После того как мы приземлились в
одном из множества костопортов,
отделение из Комиссариата
эскортировало нас через заполненные
городские улицы, с шастающими туда-
сюда людьми, словно не было никаких
сражений в менее чем двухстах

километрах отсюда. Хотя некоторые, говорящие сами за себя признаки указывали, что все было не настолько мило, как казалось. На каждом перекрестке стоят предупреждающие о воздушных налетах ревуны — огромные рупоры на шестиметровых постаментах — и знаки, отмечающие маршруты к ближайшим бомбоубежищам. Арбитры патрулируют улицы, угрожающе блестящих серебряные нагрудники поверх черных, как столь комбинезонов, их вооружение составляют шоковые булавы и щиты подавления.

Пока мы идем вдоль широкого проезда, по обеим сторонам дороги виднеются закрытые ставни магазинов. Вокруг мало людей, все кутаются от осенней прохлады и влажности в бесформенные коричневые пальто и толстые войлочные шляпы, позади развеваются ярко раскрашенные шарфы. Над городом висит стог, видный через приземистые здания по обеим сторонам улицы, он спешивается с облаками, которые затянули небо над городом и

погрузили его в трачные сүтерки. Колонна
«Хилер», ведомая двүтя рычащими
«Покорителями», великоленных в своей
сине-золотой окраске, прогрохотала мимо
нас по дороге, гүжевые повозки и темные
машины отъезжают в сторону, дабы
освободить дорогү. В үкрепленной
подземной зоне ожидания нас гүзят в
массивный восьмиколесный экипаж,
предназначенный для дальних перевозок
пехоты, и оставшиеся двенадцать
штрафников расходятся, пытаясь решить,
в какое из трехсот сидений хотелось бы
үпасть. Полностью игнорируя нас,
Полковник үсаживается рядом с
водителем.

--- Он напоминает мне экскурсовода, ---
шүтит Франкс, --- валит на задние места,
где отвисают плохие парни!

Я верю ему на слово, потому что ү
меня никогда не было такого образования.
Я родился в огромной семье, с десятком
братьев, сестер и күзенов и моим первым
воспитанием было, как мы рубили
шлаковые залежи ржавыми кирками и
толотками, пытаясь найти самородки

железа и стали. Машина поехала, мой разум вскоре забывает о гуде электродвигателей. Линскраз и Ганно присоединяются к нам, и мы радостно растягиваемся, каждый на отдельном трехместном ряде.

— Несколько королевское обращение, не находите? — спрашивает Линскраз, глядя в затененное окно на мелькающие мимо низкие здания. Начался легкий дождик, он испещряет окно крошечными каплями влаги.

— Это гораздо лучше того, к чему я привык.

— Он хочет обмануть нас, — указывает на экран. Из всех мест, где мы были, это лучшее, чтобы сбежать. Миллиарды живут на Тифон Прайм, человек с легкостью тут может исчезнуть, и вы никогда его снова не увидите.

— Эй! — обеспокоенно шепчет Ганно с другой стороны прохода, — по этой лестнице вниз есть аварийный выход!

Мы собираемся вокруг, чтобы взглянуть. В самом деле, через пролет из четырех ступенек внизу маленькая дверь.

— Думаете, она закрыта? — своим, уже ставшим привычным, хриплым спрашивает Франкс. Я пробую ручку, и она слегка поворачивается. Я смотрю на остальных и широко ухмыляюсь. Ганно выглядит из-за спинок окружающих сценений и затем снова ныряет обратно.

— Никто сюда даже не смотрит, — говорит он с улыбкой, в его глазах озорство, — я не думаю, что нас будет кому-то не хватать.

— Мы движемся на приличной скорости, — говорит Линскраз, указывая на стазанные серые очертания снаружи, со свистом пролетающие мимо окна.

— Черт, — ругается Франкс, с ликованием потирая руки, — я переживу пару синяков!

Я в свою очередь смотрю на каждого из них, и они смотрят на меня, стараясь понять мои мысли. Они знают о моих записях в личном деле о многочисленных попытках побега, и помнят, как я ворчал на них, чтобы они не глупили. Я полагаю, что не выкладывался по полной в своих попытках, потому что часть меня, думаю,

согласна с Полковником. Возможно, я
потратил впустую возможности, которые
даровал мне Император, изменив своим
клятвам. Я никогда не собирался
поступить, как поступал, в этом я был
абсолютно уверен, и вступил в Гвардию с
чистейшими намерениями, даже несмотря
на то, что я хотел свалить из ада на
Олимп. Но, как говорят, дорожка к Хаосу
устлана добрыми намерениями. Но все же,
сколько пролитой крови ждет от меня
Император? Есть своего рода традиция,
что в полках Имперской Гвардии служат
десять лет, после чего можно уйти на
пенсию, можно вернуться готовой или
присоединиться к флоту Эксплораторов и
помогать или открывать новые миры для
Императора. Большинство из них не
проводят столько времени в сражениях. Я
по самую лапшу в крови, на протяжении
последних трех лет я постоянно видел
мертвых и умирающих мужчин, женщин,
детей. Разве с меня не хватит войны? Я
думаю, хватит. Я считаю, что сделал
достаточно для своего Последнего Шанса.
Полковник ни за что не оставит нас в

живых, он жаждет нашей смерти, в этом я уверен. И пусть Император будет мне судьей, когда я умру, желательно не в ближайшем будущем.

--- К фразовой бабушке, давайте! --- хрипло шепчу я, после чего дергаю ручку. Аварийная дверь распахивается, и я вижу проносящуюся мимо черноту дороги. Откуда-то спереди машины слышится пронзительный вой. Должно быть, дверь оборудована сигнализацией.

Я глубоко вдыхаю и затем первым выпрыгиваю в проход. Штыкаюсь на дорогу, огромная скорость кружит меня, и я влетаю в бордюр высотой по голень. Взглянув на дорогу, я вижу, как остальные вываливаются вслед за мной, и тоже неловко шлепаются на землю. Я вскакиваю на ноги и бегу к ним.

--- Получилось! --- орет Линскраз, его глаза светятся от радости. По тротуару идут несколько человек, закутанных в дождевые плащи с высоко поднятыми воротниками. Парочка оборачивается и смотрит на нас.

--- Шеффер ни за что не развернет

этү штүковинү вовремя, чтобы поймать нас.

В этот же момент раздается визг тормозов, и раскрашенная в черное, бронированная машина резко останавливается перед нами, сдвоенные пушки на крыше смотрят в наше направление. Из заднего люка, с болт-пистолетом в руке выпрыгивает мужчина в комиссарской униформе. На измученном лице тонкие губы кривятся в ухмылке.

--- Пожалуйста, попытайтесь бежать, --- рычит он, шагая к нам и крепко сжав выставленный перед собой болт-пистолет, --- это избавит меня от множества проблем.

Ни один из нас не сдвинулся с места. Из бронированной машины выскакивает десяток облаченных в черное бойцов, с толстыми панцирными нагрудниками поверх униформ, лица скрыты темными визорами. Военная полиция комиссариата окружает нас за пару секунд и наш краткий миг свободы заканчивается. Я глубоко вздыхаю, такую наполненный дымотом воздух, ощущая, как нежный дождик

отмывает мое поднятое лицо. Я не собираюсь отказываться от этого ощущения так просто. Я не могу поверить, что мы снова попадем в лапы к Полковнику. Взглянув на полицейских, на громогласные лазерные карабины, нацеленные на нас, я задумываюсь, а может быть, мы все-таки выберемся? Четверо из нас закаленные бойцы. А эти парни просто глотилы, привыкшие, что увидев их, гвардейцы разбегаются. Но я вижу их мрачные напряженные лица под темными визорами шлемов, и могу сказать, что они не будут мешкать ни секунды. Комиссар говорил правду — если мы попытаемся сделать хоть что-то, то это даст нам возможность открыть огонь.

— Не могу поверить, что Шеффер отправил за нами эскорт, — стонет Ганно, пока нас заталкивают в заднюю часть бронированного автомобиля. Нас усаживают на корточки в центре пола между военной полицией, там недостаточно места, чтобы все сидели или стояли. Комиссар наклоняется ко мне и зажимает мой подбородок между

указательного и большого пальца, после чего разворачивает мое лицо к своему.

— Я уверен, что полковник Шеффер будет очень рад видеть тебя снова, — с жестокой улыбкой произносит комиссар, — по-настоящему рад.

ПРОБИРАЕТСЯ по грязи, дождь каскадами стекает с моего шлема, в конце концов, я думаю, что Тифон Прайм не такое уж и приятное место. Машина выкинула нас примерно в шестнадцати километрах от линии фронта, ну или по крайней мере от того места, как они считают, где она проходит, оставив нам пройти остаток пути пешком. Война к этому времени велась уже несколько лет, с самого первого неудачного штурма оставшей крепости, обе стороны протянули окопы на несколько километров от стен Коританорума и с тех пор пытались выковырять друг друга.

Вместе с нами марширует колонна мордуанцев, пытающихся выглядеть ухоженными и опрятными в своих красивых голубых униформах. Эффект

некоторым образом портят пятна грязи, их остроконечные фуражки под проливным дождем начинают терять свою жесткость, с них капает ил на носы самым жалким образом. Они упорно игнорируют нас все восемь километров, пока мы вышагиваем рядом с ними. Полковник даже не потрудился прикрикнуть на нас, когда Кайл попытался спровоцировать их, называя «изгубочными солдатыками» и «офицерскими шавками».

Он, кажется, очень задумчив в этот момент, я илею в виду Полковника. Мы вместе с Франксом пришли к выводу, что это именно то, ради чего нас собирали, по крайней мере, последний год. Он привел нас сюда сделать что-то особенно гадкое, это мы точно знаем, но мы не можем разгадать, что бы это могло быть. Десяток штрафников «Последнего шанса» — не очень-то могучая сила в войне, где каждая сторона уже потеряла, возможно, по полмиллиона с каждой стороны.

— Атака! — вопит Линскраз, и секундой позже мой слух разбирает то, что улавливает раньше чуткое ухо барона

--- забывание двигателей самолетов в
вонящем пике. Мы бросаемся врассыпную,
залетаем в наполненные водой воронки и
прячемся за катни, взглядываясь в небеса в
поисках атакующих. В изумлении я
наблюдаю, как торгуанцы продолжают
марш в построении, и затем осознаю, что
они не нарушат строй, пока не получат
приказ от одного из офицеров. Я вижу, как
кучку из них сшибает на землю, и через
мгновение улавливаю стрекот тяжелых
пулеметов. Взглянув вверх, я замечаю
низко летящий стратолет повстанцев,
четыре вспышки очередей вдоль крыльев
подсвечивают места, откуда нас
поливают градом смерти автомашки.
Торгуанцы упрямо маршируют дальше, и
воздушное судно разворачивается на еще
один заход. Снова стучат пушки, и около
двух десятков торгуанцев, два ряда
пехотинцев, разорваны очередью на куски.

--- Ложитесь, гребаные идиоты! ---
Горет Ганно, я впервые слышу, как он
ругается.

Хотя торгуанцы не обращают на
него внимания, воздушное судно делает еще

один атакующий заход, цепочка попаданий вызывает всплески грязи и воды, снаряды зигзагом проходят по марширующим гвардейцам. Он идет по колонне, и я с ужасом осознаю, что очередь направляется к нам. Прежде чем я смог отреагировать, что-то бьет меня в лоб, оглушая и отбрасывая назад в грязь.

— Прокляни Император, у нас раненный! Кейдж ранен! Лейтенанта подстрелили! — я смутно слышу чей-то крик, скорее всего, Поливикза, судя по оживленному акценту тиртигуанцев. Вокруг меня в грязь плюхаются бойцы, обрызгивая меня еще сильнее, но я просто остаюсь неподвижно лежать на месте. Мертвецки неподвижно. Две возможности слиться за день, возможно, означают полное одобрение самого Императора.

Я ощущаю, как кто-то стирает кровь со лба, и слышу, как этот человек горько ругается — Линскраз. Он хватает мою руку, и я пытаюсь как можно сильнее ее расслабить. Пока он складывает мне руки на груди, кто-то натягивает мне шлем на лицо.

— Полковник сказал идти дальше, — слышу я, как задыхаясь от рыданий, хрипло орет Таппо. Сентиментальный идиот, думаю про себя. Линскраг исчезает, и другая тень падает на мои веки.

— До самой смерти я буду служить ему, — говорит Кронин, — и до конца жизни он служил Императору.

Я ОЧЕНЬ долго ждал после того, как перестал слышать голоса, и открываю глаза. Вокруг темно и я ничего не вижу. С наступления неба все еще брызгает, но я стягиваю свой бронежилет и одежду, снимаю униформу с мертвого мордуанца в паре метров от меня. Она не совсем мне по размеру, но я переживу. Натянув на голову фуражку, я пытаюсь понять куда идти.

И тогда я вижу франкса, наполовину зарытого в скользкую грязь на краю воронки, в которой он укрывался. Он свободно свисает с края воронки, одна рука вытянута. Я вижу три дырки в его груди, где его прошили пули со стратолета, и капли крови изо рта подсказывают, что они пробили уже и так перегруженные

легкие. Я останавливаюсь на секунду, шокированный тем, что Франк на самолете убит. После всего, через что мы прошли, он казался непробиваемым. И вот как он закончил, случайная жертва налета повстанцев. Ни героизм, ни во славе, просто пара пуль с небес и все закончилось. Это расстраивает меня, то, как это случилось, гораздо сильнее, чем тот факт, что его убили. У него не было шанса. Ни единого. Последнего шанса, все забрал стратолет. Все же, я надеюсь, что такую смерть засчитают, и что его душа в безопасности рядом с Императором. Поливикз и Кайла лежат в другой луже, разбросав руки, словно имперский орел, недалеко от того места, где упал я, их мокрые от крови и дождя рукава плотно прилипли к рукам. Поливикзу оторвало половину лица, разбитые зубы из расколотого черепа плотоядно смотрят на меня. Поначалу я не понимаю, куда попали в Кайла, я переворачиваю его и нахожу четыре дыры в спинке бронежилета, как раз у основания позвоночника. Похоже, что они оба умерли быстро, своего рода благословение, думаю

я.

Отодвинув мысли о Франксе и других, я концентрируюсь на собственном выживании, пытаюсь понять, в какую сторону мы направлялись. Дождь смыл все следы, и я вижу точки света практически во всех направлениях, так что невозможно сказать, где тыл, а в какой стороне линия фронта. Решив, что все-таки лучше идти, я случайным образом выбираю направление и шагаю.

* * *

В ОКРУЖАЮЩЕЙ темноте ночи я шел примерно час, когда услышал вблизи голоса. Упав на живот, я лежу очень тихо, напрягая слух, чтобы понять, с какой стороны слышится беседа. Как раз слева от меня и чуть впереди. Медленно повернув голову, я смотрю в этом направлении. Достаточно четко я вижу слабый огонек печки или чего-то похожего. Я подползаю чуть ближе, и примерно через

десять минут могу различить силуэты
пары людей, сидящих вокруг тускло
сияющей походной печки.

--- Император, прокляни этот дождь,
--- ругается один, --- хотел бы я, чтобы
этот проклятый Императором патруль
закончился.

--- Ты всегда стонешь по поводу
погоды. Осталось всего лишь два дня, ---
приглушенным тоном отвечает
другой, --- потом ты вернешься к старине
Корри и немного отдохнешь.

--- И все же, нам доверили стоять на
посту четыре, вместо трех долбанных
часов (nn), --- жалуется первый. Их беседа
забывает мои мысли, пока подсознание
пытается привлечь внимание к одному
важному нюансу. «Обратно к старине
Корри», сказал один из них. Должно быть,
они илеют в виду Коританорум,
осажденную крепость. И это означает, что
они повстанцы! И тут лежу я, в нескольких
метрах в тордианской, другойли словати в
лоялистской, униформе! О, фраз, я
успел проскользнуть линию фронта
незамеченным, и теперь оказался у пикета

предателей. Как, мля, я утүдрился это сделать? Я үже готов үползати обратно, когда слышү кое-то, что меня приводит в волнение.

— Я надеюсь, коммандос Ренова доберүтся сюда вовремя, — говорит один из повстанцев, — как только они разведают восточный фланг, мы сможем рассказать про маршрут через оборону предателей, и вернемся домой.

— Ага, если это слабое место приведет их прямо в тыл к артиллерии, то у мальчиков Ренова будет случай повеселиться, — со смехом отвечает другой. Должно быть, это какой-то разведотряд или что-то в этом духе, и они нашли слабое место в нашей обороне. Если они смогут прорваться, кто знает, какой ад смогут устроить эти коммандос, о которых они говорили? Я отползаю дальше во тьму, чтобы подумать, и нахожү хоть какое-то укрытие под разорванным взрывом дерева. Я не герой, это все могут вам сказать, но если эти повстанцы смогут преуспеть в своей операции, кто знает какие разрушения они

произведут у Имперцев? Это странно, но
если бы Полковник приказал мне что-то
сделать с этим, то я бы попытался
сделать все, чтобы превратить
операцию. Теперь я сам по себе, и
задумываюсь, а стоит ли вообще
пытаться помешать этому маленькому
отряду? В конце концов, я вступил в
Имперскую Гвардию, чтобы сражаться,
обороняя владения Императора, и хотя за
годы далеко ушел от этого, я все еще
храню верностью присяге. Зная, что буду
повинен в огромном предательстве, если
услышу, что налет повстанцев нанес
значительный ущерб осаде и стоил еще
тысячу жизней, я достаю торгуанский
нож, висящий на поясе, и встаю в
полуприсяге.

Я немного отхожу вправо, пока снова
не замечая слабое свечение позиции
часовых. Медленно и осторожно, я шаг за
шагом подхожу ближе, стараясь не издать
ни звука. Я дышу как можно тише, хотя
уверен, что они могут услышать, как
толотом стучит сердце в моей груди.
Шаг за шагом я приближаюсь. Я едва могу

что-либо различить в почти полной темноте. У ближайшего массивные очертания. Другого я вообще не могу разглядеть. Осознав, что они могут увидеть мое лицо, если я подойду ближе, я хватаю горсть грязи и замазываю кожу, покрываю лицо и руки жижей. Толстяк, кажется, дремлет, я слышу его постоянное, глубокое дыхание и чуть ухожу в сторону, поближе к другому. Я слатаываю, внезапно ощутив страх, и затем кидаясь вперед, хватаю левой рукой за подбородок повстанца и первым пунктом перерезаю ему горло. Он быстро бьется в спазме, и я ощущаю теплую кровь, брызгающую из подбородка, пока опускаю его дергающееся тело на землю.

Взглянув на толстяка, я понимаю, что он даже не заметил этого. Я шагаю к нему и присаживаюсь перед ним. Наклонившись ближе, я прижимаю лезвие ножа к артерии на его горле и мягко бью по носу. Затренивав, его веки открываются, и глаза на секунду вспыхивают, прежде чем он фокусируется на мне, и широко открывает их от ужаса.

--- Только пискни, --- резко шепчу, --- и я порежу тебя на куски.

Он резко кивает, после чего пытается встопориться из-под распухших щек, и выдвигает нож у горла.

--- Я собираюсь задать тебе пару вопросов, --- говорю я, чуть порезав кожу на горле, чтобы привлечь его внимание, пока его взгляд блуждает по мне, --- отвечай на них быстро, тихо и честно.

Он снова кивает, издав какой-то испуганный писк.

--- Сколько вас тут ошивается? --- спрашиваю я, наклонившись так близко, что могу услышать даже шепот.

--- Одно отделение... двенадцать бойцов, --- выдыхает он, трясась всем телом.

--- Где остальные десять? --- продолжаю я.

--- В пятидесяти метрах там, --- отвечает он, медленно подняв руку и указывая вправо от себя. Я замечаю, что его рука трясется от страха.

--- Спасибо, --- отвечаю я с устешкой, и он начинает успокаиваться.

Стремительным движением запястья, я своим ножом полосую его по шее, из глотки брызжет артериальная кровь. Он заваливается назад, поднятая рука шлепается на землю.

Как я и ожидал, все остальные в отделе спят, бормоча про себя во сне, возможно, представляя себя дома с любимыми и друзьями. Некоторые могут сказать, что перерезать глотки спящим — последнее дело, но мне наплевать. Если бы эти ублюдки не отказались от власти Императора, меня бы здесь не оказалось, мокрого от дождя и крови, один. Император знает, как далеко от этого места, где я родился. При мысли о том, что они нарушили принесенные клятвы и присягу, меня тошнит. Они заслужили все, что получили, и я с радостью рассчитаюсь с ними. Они — враги. Занимает несколько секунд, осторожно пройтись вдоль рядов спящих в водонепроницаемых спальниках, и воткнуть нож под ребра или перерезать горло. Когда я погружаю лезвие ножа в глаз девятого, движение слева привлекает мое внимание.

— Что происходит? — сонно спрашивает кто-то, медленно садясь в своем спальнике. Выругавшись про себя, я атакую его, но не достаточно быстро. Он откатывается влево и хватает лежащий рядом с ним в грязи лазган. Я ныряю в сторону, когда луч света прожигает воздух около меня, и после чего отбиваю дуло винтовки в сторону, когда он пытается выстрелить еще раз. Он пытается откинуть меня дулом, но я твердо стою на ногах и избегаю неуклюжей попытки, в ответ пинаю его в голову. Я прыгаю на него, и он роняет лазган, хватая мое правое запястье обеими руками, пытаясь увести нож от моего лица.

Я бью его точно в горло, костяшки среднего пальца нежножно ноют, когда я стинаю трахею. Он издает приглушенный вопль, и его хватка нежного ослабевает. Я выворачиваю свой нож, и тыкаю в глотку, но, отмахиваясь руками, он нежного сдвигает траекторию, и лезвие полосует его по лицу, разрезает щеку и отсекает кусок уха. Он все еще задыхается и не

может заорать, и я бью слева, пробиваю тонкую кость левого виска и погружаю клинок в мозг. Он секунду бьется в диких конвульсиях от шока, затем затихает. Оглянувшись, чтобы убедиться, что никого больше не осталось, я вытираю нож о спальник мертвого повстанца и вытаскиваю его лезвие из грязи, стирая жирную грязь туникой тифонца. Я не знаю, почему раньше не взял один из лезвиев торгуанцев. Думаю, потому, что слишком сильно хотел сбежать.

--- Хорошо, --- говорю я сами себе, восстанавливая мысли, --- и куда теперь?

Оглядевшись, я вижу разрыв в собравшихся дождевых облаках в стороне, откуда я пришел. В туманной россыпи звезд я замечаюдвигающиеся огоньки, летящие вверх и вниз, и мгновенно узнаю в них шаттлы. Что ж, там где шаттлы, там и выход из зоны военных действий. Вложив нож в ножны, я бегу.

ОЧУТИТЬСЯ в десяти шагах от смерти? Не очень приятное ощущение. Окно в семидесяти метрах от меня и в

шестидесяти меня отслеживает снайпер, и чуть было не трепанирует мой череп. Я всегда был шустрым, но ты не можешь убежать от судьбы, как привык говорить мой сержант.

Пятьдесят метров до безопасности, и первый выстрел свистит мимо моего уха. В сорока я бросаю свой лазган в грязь. Несмотря на то, что он легкий, он не позволяет размахивать руками, чтобы набрать скорость, если я собираюсь остаться в живых. Если сейчас я буду слишком медленным, то оружие в руках мне вообще ничем не поможет. Через тридцать, кто-то вызывает минометный огонь, и внезапно повсюду раздаются взрывы, разбрасывая воду и грязь, и забрызгивают меня жижей. К счастью, я ныряю то влево, то вправо, так что мне поможет только случай, прицел миномета нельзя поправить так быстро. Раздается потрясающий удар грома, он заставляет землю трястись у меня под ногами, молнии разрывают небо. Великолепно, все, что мне нужно, так это еще больше света, чтобы меня мог

увидеть снайпер.

Что-то еще, больше чем нуля, пролетает мимо меня и выбрасывает шлейф мусора после взрыва. О, еще лучше! Еще остается каких-то двадцать метров и какой-то долбаный на всю голову утник схватил гранатомет. Пятьдесят метров от жизни, пять до смерти, ставлю на то, что никто не даст мне и шанса на выживание в эту секунду!

Шар плазмы ревет мимо меня, практически ослепляя взрывом о разогранный корпус раскуроченного «Леман Рюсса». Остается восемь метров, когда я чувствую, как что-то попадает мне в левое плечо. Инстинкт берет вверх, и я ныряю головой вперед.

Ох, фраз! Я в окне! Дважды фраз! Я сначала приземляюсь головой в грязь и клянусь, что слышу, как хрустнуло плечо, когда я шлепаюсь о землю на два метра глубже, чем рассчитывал.

НАЧАЛА собираться толпа, лица в каплях дождя смотрят с любопытством на меня, пока я сажусь в грязи на дне окна. Я слышу, как кто-то рывкает приказ, и

толпа мгновенно рассеивается, расходясь
перед высоким мужчиной, едва за
двадцать, в униформе торгуанского
лейтенанта. Быстрый взгляд на плашку с
именем подсказывает, что его зовут
Мартинез. На Тифон Прайм, должно быть,
сражаются полки с полуэюжины миров, и я
зребанулся в окон именно торгуанцев!
Учитывая, что на мне украденная форма
торгуанца, ситуация не особо приятная.

Мартинез с отвлечением смотрит
на меня, и за это я не могу его винить.
Мое лицо измазано кровью и грязью,
драгоценная униформа торгуанцев
выглядит хуже, чем рванье
технопровида.

--- Стирно, гвардеец! --- рывает
лейтенант. Я угрюмо посмотрел на него и
поднимаюсь на ноги, склоняюсь под
поддерживающую окон доску в поисках
укрытия от непрерывного дождя.
Мартинез одаривает меня еще одним
диким взглядом, когда видит мое лицо.

Эй, он словно наорал на меня, я знаю,
что не красавчик, но где ваше
воспитание?! Его взгляд задержался на

царапине от пули на лбу, что наполнило
мне о том, что я должен промыть рану,
иначе рискую получить заражение.

— Уля, гвардеец! — с фальшивой
бравადой в голосе рявкает Мартинез.
Автоматически среагировав на команды
из-за строевой подготовки, я попытался
встать по стойке, но меня охватывает
тошнота. Я не спал уже полтора суток,
не говоря уже о еде.

— Кейдж, — тямлю я, сражаясь с
волной головокружения.

— Что все это значит? — требует
ответа торгуанец, — Посмотрите на свое
состояние! Я не знаю, что за дисциплина в
вашем взводе, гвардеец, но ожидаю от
каждого бойца соблюдения
соответствующих стандартов полка!
Приведите себя в порядок! И обращайтесь
ко мне «сэр», или в противном случае, я
прикажу выпороть вас за нарушение
субординации. Все понятно?

— Да... сэр, — рычу я. Ты точно не
хотел бы узнать о дисциплине в моем
полку, лейтенант, думаю я, зная, что за
его пуританский подход, его бы уже десять

раз убили за три года проведенных рядом со мной.

ЭТОТ гребаный, самоуверенный лейтенант уже начал действовать мне на нервы. Тем не менее, в этом я должен винить только себя. Я знал, что эти проклятые моргуанцы действительно повернуты на том, чтобы выглядеть изящно и опрятно. Мне нужно было найти труп с подходящим для меня размером, а не хватать первую же попавшуюся униформу. С другой стороны, я добрался до окна относительно целым. Фаза номер один моего плана завершена.

Внезапно я ощущаю по близости характерный запах ружейной смазки, слышу щелчок предохранителя и чувствую, как холодный металл дула уткнулся мне в затылок. Я медленно оборачиваюсь и утыкаюсь в такой большой подбородок, что им впору ровнять с землей целые здания. Пробежавшись взглядом по лицу, я фокусируюсь на фуражке комиссара и сияющим золотом орле с распростертыми крыльями. Фракните

меня, но он выглядит точно так же, как
Полковник!

--- Кейдж? На плашке имя «Эрнандес»,
гвардеец. Кто ты такой и что ты тут
делаешь?

Голос комиссара сильный, точно такой
же, как у всех комиссаров. Интересно, их
специально тренируют, чтобы они так
разговаривали? Заставляют для этого
жевать бритвенные лезвия или что-то в
этом духе? Я не могу поверить, что забыл
прочитать имя мертвого парня, прежде
чем напялить его униформу! Фраз,
обстановка накалилась!

--- Лейтенант Кейдж, сэр! Я на
спецоперации, типа под прикрытием! ---
отвечаю я, пригұтывая на ходу.

--- Я не в курсе, что в этом секторе
есть какие-то специальные
подразделения, --- отвечает он, явно не
поверив ни слову.

--- Со всем уважением, сэр, в этом-то
и смысл, --- говорю я, стараясь припомнить,
как действует обычный гвардеец, --- сложно
сохранить прикрыtie, если все знают что
ты на операции.

Что ж, в этом я не вру. Вы не найдете более специального подразделения, чем мое.

--- Кто ваш командующий офицер? ---
требует он ответа.

--- Я извиняюсь, но не имею права разглашать эту информацию кому-либо не из моего подразделения, --- отвечаю я. Хорошо, здесь я соврал, но он обязательно должен был слышать про Полковника.

--- Я помещаю вас под арест, в ожидании подтверждения вашей истории от штаба, --- провозглашает комиссар, --- лейтенант Мартинез, назначьте в наряд пять бойцов для охраны заключенного. Если будет похоже, что он собирается сбежать, расстреляйте!

Пока лейтенант назначает моих охранников, комиссар марширует мимо меня в бункер связи, который я видел раньше, сядя в ожидании дождя, чтобы тот прикрыть мой рывок. Лейтенант тоже уходит, приказав всем вернуться к обязанностям, и оставляет меня и пять стоящих вокруг бедолаг.

Я ПЛЮХАЮСЬ обратно на дно окна, игнорируя расплесканную мной грязь и жижу. Впервые я решаю осмотреть свое плечо. Пустяки: на левом плече пуля оставила небольшую царапину, глиняной приклеткой с палец. При сгибе оно чертовски болит, но я точно знаю, что оно не выбито, просто ушиб. Я вытаскиваю из рюкзака нитки из индивидуального пакета спасательных средств в левом ботинке и начинаю сшивать рану, сжав зубы от боли.

Моя охрана выглядит ошеломленной, и тогда я впервые осознаю, что беспокоило меня с тех пор, как я плюхнулся в окно. Эти солдаты юны. Я имею в виду, по-настоящему юны — некоторым на вид шестнадцать, а самым старшим от силы двадцать. Кучка брошенных в бой недавно призванных нестышленых. Затем я замечаю слева от меня ранец, из карманов торчат золотистые упаковки из фольги. Кивнув его сторону головой, я спросил самого молоденького.

— Это боевые рационы? — уже зная ответ, вопрошаю я. — ага, похоже на то. Вас тут постоянно кормят? Фраг, вы

даже не представляете себе, как я был бы благодарен за кусочек. Можно?

Обеспокоенно взглянув на товарищей, новобранец топает к ранцу и вытаскивает оттуда консервную банку. Раскрыв ее, он протягивает банку с твердым бисквитом внутри.

--- Ешь быстрее, --- говорит он, --- дождь моментально делает его сырым, и он становится ужасным на вкус.

Его голос визглив, и он дрожит, нервно оглядывается через плечо на других торчащих в окне. Я заржал.

--- Ты итеешь в виду, «ешь быстрее, пока лейтенант фразоголовый или этот тупой комиссар не вернулись», не так ли?

До того как они успевают остановиться, моя пародия на хныканье комиссара себе под нос, вызывает у них устешки.

Молоденький гвардеец, отступая, затолкает и усаживается на корточки у противоположной стороны окна, размещая лазган между ног. Заговорил самый старший из них, его голос чуть тверже, чуть грубее.

— Между нами, ты кто такой? Ты действительно из спецотряда? На что это похоже? — спрашивает он, его глаза светятся любопытством. Я пялюсь в его искрящиеся от влаги, прищуренные, коричневые глаза. Дождь стекает по его щекам, и я вспоминаю, что очень хочу пить. Но в данный момент я не доверяю той влаге, которая капает с небес.

— Наройте мне фляжку воды, я почищу горло от дыта, и расскажу вам, — предлагаю я. Фляжка появляется практически мгновенно, и несколько секунд я глупо даблю лыбу, пока прохладная жидкость стекает по моему иссушенному горлу. Не отдавая ее назад, я навинчиваю пробку и втыкаю ее в грязь рядом со мной.

— Ох. Я точно из очень специального отряда, — говорю я с утешкой, — я не думаю, что кто-то из вас, новобранцев, даже слышал о нас, но услышите. Понимаете, я из штрафников «Последнего шанса».

КАК я и ожидал, это заявление встречено полным непониманием. Эти

рядовые ничего не знают о том, что происходит вне их взвода, но уж будьте уверены, я все изменю.

--- Ваш лейтенант совсем свихнулся на дисциплине, а?

Они согласно кивают.

--- Я думаю, что он очень изобретателен относительно различных наказаний за проступки. Порка, виселица, расстрельные команды и так далее. Он рассказывал вам о Винкларуме? Нет? Что ж, это по большей части гулаг. Вас отсылают на какую-нибудь планету-тюрьму, где вы гниете остаток своей жизни. Вот на одну такую планету-тюрьму, где-то за южным краем, у которой даже нет имени, меня и отослали.

Заговорил один из гвардейцев, тощий подросток с абсурдно широко раскрытыми глазами.

--- Что ты натворил?

--- Что ж, это достаточно долгая история, --- отвечаю я, чуть удобнее устроиваясь у стены окна, --- мой взвод стоял на страже одной захолустной

планете, называемой Стигией, вниз от
Офелии. Это была действительно легкая
задача, следить за дебиловатыми
крестьянами, копающимися в грязи,
следить, чтобы они не жрали всякое
с дерьмо. В этой ситуации тебе
приходится самостоятельно искать себе
развлечения, понимаете, о чем я?

Опять пустые взгляды. Ладно, не
важно.

-- Что ж, -- не обращая внимания,
продолжаю я, -- возвращаясь к Стигии, у
них там было соревнование, названное
«Путь Судьбы». Это похоже на полосу
препятствий, которую вы, должно быть,
проходили тысячу раз во время
тренировок. Только намного круче. Это
было долбаное испытание, можете не
сомневаться. Каждый месяц местные
стельчаки выстраивались, чтобы
пробежаться по «Пути». Нужно было
проплыть бурлящий водоем, там были
всякие стертельные ловушки, ямы с
кольями, не говоря уже о том факте, что
на финальном участке тебе разрешалось
атаковать своих товарищей, понятно?

Ладно, после того как мы несколько месяцев наблюдали за забегами, мой сержант начал принимать ставки на каждый забег. В конце концов, все соперники должны были объявить о своем намерении и, учитывая опыт прошлых забегов, он мог рассчитать шансы исходя из их физических данных и репутации у местных. Я имею в виду, из этих фразггеров можно было делать гвозди, но некоторые были крепки как скала, понимаете?

В этот раз некоторые кивают. Везет же мне...

--- Ну, мы и начали делать ставки, --- рассказываю я, продолжая историю, которую уже десятки раз рассказывал на транспортнике, --- но такой расклад через некоторое время приелся. Тогда мы перешли на более ценные ставки, собранные у местных ремесленников. Ну, типа золотые ожерелья, камушки и прочее барахло. Я имею в виду, что мы давали илтару батончиков рациона, и они продавали нам своих дочерей, это было прекрасно. Что ж, говоря о молодых девушках, я

положил глаз на одну особенно сладенькую
красотку, — я ухмыляюсь при этом
воспоминании.

— Сарж тоже размяк от нее, и
вместо того, чтобы соревноваться друг с
другом, понимаете, никому не нравилась
идея делиться, мы разыграли право первой
ночи на «Пути Судьбы». Я выиграл, но сарж
расстроился. Толстяки часто так себя
ведут, а при такой легкой жизни, да на
свободных харчах, он стал просто
огромным боровом. В любом случае, он
однажды подкатил ко мне, угрожая
положить лейтенанту о том, что он
подстроил, если только я не отдам ему
девку. Вот там и тогда, я и распотрошил
этого жирного фразгера. Конечно же, меня
сразу же оттуда сослали, быстрее, чем вы
сможете пересказать это, и я очутился в
таком вот гулаге.

Меня веселят их открытые от
удивления рты. Один из них что-то не
разборчиво пискнул и продолжил
пристально смотреть на меня, словно у
меня выросла вторая голова или что-то в
этом духе. Затем заговорил старший.

--- Вы убили сержанта из-за женщины?

--- Ага, и в конечном итоге, я до нее так и не добрался, --- я делаю еще глоток воды сточить язык, и затем прислоняю голову к одной из стен, чтобы услышать, что происходит за окопом.

--- Вам мальчики, лучше передвинуться на эту сторону траншеи.

Они взглянули на меня, Широко Открытые Глаза нахмурился, старший раззявил пасть, а остальные не обратили внимания.

--- Сюда! Сейчас же! --- рывнул я, заметив, что могу повернуть этот фокус с приказным тоном так же хорошо, как и настоящий офицер. Командная нотка в приказе заставила их молотенально действовать, они прыгают в другую сторону и так же шлепаются в грязь.

Звук взрывов стремительно приближается, и внезапно вся траншея наполняется бьющим потоком снарядов. Повсюду слышатся взрывы, и вспыхивает красное пламя, плазменный заряд исторгает расплавленную смерть на

сразу сторону окна, где отдыхали секунду назад новобранцы.

Тупые фразгеры, или что, никто не рассказал, как прятаться в окне во время ударов артиллерии? Не говоря уже о том, что они не слышали паузы в стрельбе, что предполагало изменение прицела, или свиста первых, летящих снарядов?! Кровь Императору, из меня бы вышел блестящий офицер боевой подготовки, если бы у меня не было такого паршивого температурента!

КАЖЕТСЯ странным, но даже громоподобный шум заградительного огня вскоре воспринимается просто как фоновый звук, и ты учишься игнорировать грохот земли. Первым заговорил Широко Открытые Глаза, подняв воротник, когда из-за стены направления ветра дождь начал заливаться под навес окна.

— А почему вы здесь, если должны были оказаться на одной из планет-тюрем? — спрашивает он. Первая разумная вещь, о которой до этого момента никто не спрашивал.

— Вы тина сбежали?

— Если бы я сбежал, то ты действительно думаешь, что я бы притащился на эту гибельную войну? — с кислой миной отвечаю я. — Я так не думаю! Так что, я сразу же пытался свалить. Вам нужно понять, что этот мир не как тюрьма на корабле. Там было немного охраны, и была массивная укрепленная башня на центральной равнине. Кроме этого, тебя просто выгоняли в пустоши и забывали. Нет, правда! Это как любая другая планета, это своя империя с лордами и прочей херней. Подлые фразгеры залезают в верха, а слабых просто оставляют на обочине или убивают и охотятся на них.

— Если ты силен — ты выживаешь, если нет... — продолжаю вещать я, — в любом случае, я попал в свиту к парню, которого звали Тагел. Один из многих людей, которых я бы никогда не хотел встретить в своей жизни. Огромный фразгер с Катачана, и в этой адской дыре его реально упекли глубоко. Он направил огонь артиллерии на союзных солдат, потому что их капитан назвал его по

имени, или из-за какой-то такой же незначительной глупости. Он сражался против группы сброды на другой стороне долины, который вел себя тихо и тихо, пока не наварил себе какой-то по настоящему мощной браги. В любом случае, я вроде как намеренно завел парней Тагела в ловушку, но до того как свинтил, они устроили на меня охоту. Может быть, это и большая планета, но когда понимаешь, что красномордые фразгеры преследуют тебя повсюду, то начинаешь думать, что эта планета не такое уж хорошее место, чтоб остаться, понимаете? В любом случае, каждые несколько месяцев прилетали шаттлы с припасами. Я долгое время ныкался по разным дырам, прежде чем прилетел один такой, и тогда я рванул через равнины. Я прятался несколько дней, терпеливо ожидая подходящего случая. Затем, как и я надеялся, прилетел шаттл. Я подкрался очень близко к башне, пока все были возбуждены прибытием своих гостей. Затем ворота открылись, чтобы можно было выпустить последнюю кучку жалких

мятежников. В этом беспорядке, я свернул
шею одному охраннику и снял с него
униформу. Я проскользнул в комплекс как
раз когда закрывались ворота, затем
пришло время отправиться к шаттлу. Я
как раз крался к посадочной площадке,
когда заметили тело и подняли тревогу.

Их глаза прикованы ко мне словно
взгляд снайпера, они ловят каждое слово.
Умею ведь я рассказывать байки?

— Так что зарезал еще парочку
фрагоголовых, чтобы пробраться, и
поднялся по рампе внутрь. Как только
начал закрываться люк, передо мной кто-
то возник. Абсолютно не думая, я ткнул
своим окровавленным лезвием этого парня
в плечо. А он просто отошел, вы можете в
это поверить? В человека ткнули
мономолекулярным ножом, а он просто
отошел на шаг. Я взглянул ему в лицо,
потому что тужик этот выглядел так,
словно прошел через тасорубку, если вы
понимаете, и его холодные голубые глаза
просто пристально смотрели на меня, они
были словно вырезаны из льда. Он ударил
меня наотмашь, сломав мне при этом

челюсть, как я чуть позже понял, и я упал. Я получил ботинком по яйцам и затем рукояткой пистолета по затылку. Последнее, что я помню, как он смеялся. Смеялся! Я слышал, как он кое-что сказал, что никогда не забуду.

До того как спросить, их глаза вопросительно уставились на меня.

--- «Как раз ублюдок по мне», вот что он сказал!

Это я -- ублюдок Полковника до мозговых костей.

ОБСТРЕЛ из Коританорута передвинулся и изливает полезный груз смерти и мучений на каких-то других бедолаз, не то, чтобы я о них сильно заботился. Мальчик-с-рационом задает очевидный вопрос.

--- Кто это был? Как он притащил тебя сюда?

--- Это был Полковник, -- со всем почтением отвечаю я, -- сам Полковник Шеффер. Командующий «Последним шансом».

Широко Открытые Глаза тут же

задает следующий очевидный вопрос.

--- Кто такие штрафники
«Последнего шанса»?

--- 13-ый Штрафной Легион, --- вежливо
информирую я, --- конечно, их в сотни раз
больше, чем тринадцать, но нас всегда
называли 13-ым, памятуя о нашем
невезении.

В эту секунду у Широко Открытых
Глаз забурлила масса вопросов. Он
снимает свою фуражку, показав всем свои
коротко стриженные светлые волосы, и
стахивает с нее воду в окон. На ней
коричневые и черные пятна от дождя и
грязи, которая, кажется, покрывает весь
этот проклятый Императором мир.

--- О каком невезении? --- спрашивает
он.

--- Наше невезение попасть под
командование Полковника, --- отвечаю я с
улыбкой, --- мы получаем самую грязную
работенку, которую он может найти.
Самобийственные атаки, арьергарды,
безнадежные штурмы. Придумайте самую
тошнотворную ситуацию, которую только
можно, и я ставлю недельный рацион, что

Полковник в нее влезет. И выживет, что более важно. Сотни парней умирал от первого залпа, а он пройдет всю битву без единой царапины. Не одной, фразовой царапины!

Один из молчавших до сих пор, юнец с тонкими губами, открыл свой рот, чтобы задать самый разумный вопрос, что я слышал за долгое время.

— Так почему ты оказался здесь? Я знаю, что у меня не слишком много боевого опыта, но так же знаю, что это не самоубийственный штурм. Я имею в виду, мы новички здесь — зачем тогда идти собирать целый полк новобранцев, только для того, чтобы списать их?

— Так ты до сих пор уверен, что это не самоубийственный штурм? — в ответ спрашиваю я его, подняв бровь. — Вы видели вспышки на западе?

Они согласно кивают.

— Так вот, это не вспышки. Это приземляются транспортники для эвакуации из зоны боев. Около двадцати-тридцати на орбите, ожидающие посадки. Догадаетесь, почему они убирают все из

костоса --- вирусная бомбардировка, массовые ускорители и все такое. Коританорум уже считают потерянным. Повстанцы слишком хорошо окопались там.

За последние восемнадцать месяцев было тридцать восемь попыток штурма, и мы не продвинулись ни на шаг. Они все отступают, и догадайтесь, кто останется на линии фронта...

--- Но мы за линией фронта, и что тогда ты здесь делаешь? --- спрашивает Тонкогубый. Позади нас вдалеке слышится свист, становится все громче и громче. Новобранцы залегли, но я знаю, что это, и рискую выглянуть из окна, чтобы посмотреть на зрелище. Внезапно с завывающим ревом прямо у нас над головами, росчерком по небу пролетает эскадрон «Мародеров», истребители «Гром» в эскадронном построении нарезают вокруг них спирали. Пока другие по глубинности прячутся, я вижу линию пламенных цветков, распустившихся над вражескими позициями. Наша собственная артиллерия устроила антизаградительный огонь, и обстрел со

стороны врага внезапно остановился. Затем атакуют «Мародеры», создавая столбы дыма там, где рвутся их бомбы, ослепляющая пульсацию лазпушек пробивает вражеские укрепления и подрыывает их склады с боеприпасами. Наземный удар мгновенно прекращается, когда самолеты зажигают свои ускорители и с воем уносятся в грозовые облака.

— Эй, мальчишки, — зову я их, — взгляните на это, вы такое еще не скоро увидите!

Новобранцы робко поднимают головы и озадаченно смотрят на меня.

— Это была бомбардировка и воздушная атака — далее будет залп с орбиты, — говорю я им. Я видел это полудюжину раз — стандартная боевая догма Империи.

— Эти проклятые повстанцы получают сегодня на ужин горяченького!

Как раз когда я заканчиваю говорить, облака в одном месте начинают ярко светиться, и секундой позже появляется потрясающе огромный шар энергии.

летающий к Коританоруму. Термоядерная торпеда врежется в бронированные стены цитадели, размазываясь по исцарапанному и выщербленному металлу, словно горящая нефть. Через грозовые облака бьет еще несколько залпов, некоторые снаряды выбивают огромные столбы дыма, поскольку закапываются в грязь до взрыва, другие вызывают ручьи плавленого металла, стекающего по стенам Коританорума подобно потоку лавы.

Затем заработали противовоздушные батареи повстанцев, огромные башни поворачиваются к небесам, и вспышки лазеров пробивают атмосферу. Ответный огонь продолжается почти минуту, иссушая своим жаром облака над крепостью. Корабль на орбите, должно быть, отходит, поскольку смерть с облачного покрова больше не изливается на землю. Через полминуты вдоль всей траншеи начинают реветь сирены. Мальчик-с-рационом поднимает взгляд, его лицо внезапно бледнеет, а губы начинают трястись.

— Это приказ о готовности. Далее

бюджет атака, — говорит он мне. Вот
пришел и мой шанс. В путанице атаки, я с
легкостью ускользну на другую сторону
окопа и свалю отсюда. Сколь бы приятной
не была их компания, я не хотел бы
почувствовать рядом с этими новобранцами в
следующие полминуты.

— Пожелаю вам удачи, но боюсь, что
мне уже хватит валяться в грязи, —
улыбаюсь я, но это их не убеждает.
Впрочем, не важно. Именно в этот
момент из-за угла траншеи выходит
трачноликий комиссар, его глаза-бусинки
пялятся на меня.

— Когда атакую — берите
заключенного с собой. Позвольте ему уйти,
и я всех вас вздерну по обвинению в
халатности!

Фраз! Тем не менее, одно дело
приказать, а другое исполнить. Затем
начинают выть сирены атаки. Меня
выталкивают первым, так что полагаю,
что мои новые друзья усвоили хотя бы одну
вещь. Я бегу по открытому,
обстреливаемому участку местности к
другой линии окопов. Вражеские снайперы,

которых я так ловко избегал прежде, получают второй шанс продырявить мою шкуру. Послышался вскрик, и Широко Открытые Глаза, получив пулю в шею, падает, разбрызгивая куски позвоночника и кровь на мою украденную униформу. Я забираю его лазган, и посылаю очередь от бедра в место, где предположительно укрылся снайпер. На секунду оттуда больше не стреляют.

Затем что-то хватается меня за ноги. Взглянув вниз, я вижу продырявленного прямого комиссара на коленях, тот отхаркивает кровь. Он смотрит на меня своим суровым взглядом и шепчет:

— Ради разнообразия, сделай хоть что-то полезное в своей жизни, предательский ублюдок!

Не раздумывая, я разворачиваю лазган, и исполняю его желание. Лучи убийственного света затыкают его навсегда. Должно быть, я становлюсь мягким. Я никогда раньше не утруждал себя убийством из милосердия, особенно находясь по уши в дерьме.

СО СМЕРТЬЮ комиссара, у меня
появляется шанс сбежать. Мне нужно
просто развернуться, и побежать ровно
туда, откуда мы пришли. Не думаю, что
повстанцы будут угрожать себя
стрельбой в тех, кто бежит в
противоположном направлении. Именно
тогда я замечаю кое-что, возможно врага,
отбрасывающего меня, как раз впереди и
справа от нас. Чертовы снайпера, должно
быть, издеваются надо мной сегодня. Я
остатриваюсь, когда выстрелы разрывают
мою туннику — может быть, я был неправ
насчет легкого бегства. Слева
разрушенная ферма, и я бегу туда. С
возобновлением снайперского огня,
некоторые из взвода новобранцев залегают
торгой в грязь, прячутся или убитые, я не
знаю. Остальные просто стоят на месте
или бегают в замешательстве. Мне кто-
то понадается на пути, его глаза странно
пустые от отчаянья, поскольку все больше
и больше новобранцев падают от
выстрелов спрятавшихся врагов. Я бью
кулаком по его носатому лицу, и он
улетает в сторону и падает, его груды

прошибла пұля, предназначавшаяся мне. Еще через пару ударов сердца я залетаю за стены фермы и падаю на колени в каком-то загоне для животных. Хорошо, теперь, когда я свалил от этих горемык, самое время сформулировать свой план побега. Затем везде вокруг меня внезапно начинают грохотать ботинки, и я осознаю, что взвод последовал за мной в укрытие, вместо того, чтобы по плану бежать в следующую траншею! Пробежка, должен добавить я, которую они никогда бы не завершили.

Один из этих солдатиков хватается за мой воротник, и орет мне в ухо.

--- Хорошая мысль, сэр! Нас бы разделали, если бы вы не привели нас сюда! Фраз!

--- Привел вас сюда? --- я почти ору в ответ. --- Я, фраз вас раздери, не приводил вас сюда, тупые салаги! Да идите вы к фразовой бабушке, тупые бараны, из-за вас меня пришьют, пока вы ошибаетесь тут с нагнисью на спинах --- «мишень», это так же хреново, словно светить пятиметровым прожектором в небо!

Валите с глаз долой, пока я не освежевал вас, мелкие, тупые фразгеры!

Осколки каменной кладки начинают летать повсюду, когда снайперы взялись за винтовки повышенной мощности, чтобы выбить нас из укрытия. Что ж, пока здесь повсюду эту пустоголовые, я должен использовать их как свое преимущество. Как любил говорить Тагел — «если у тебя стальные яйца, то ими все еще можно разбить чью-то голову». На самом деле, это возможно было одно из самых глиняных предложений в его тупой, жестокой башке, так что я полагаю, он услышал это от кого-то другого. Вернув свои мысли к насущной проблеме, я указываю через дождь на откос, за которым залегли снайперы.

— Огонь на подавление по этому холму! — реву я. Тренированный месяцами, во время перелета в эту адскую дыру, взвод реагирует не раздумывая. Мальчишки вокруг меня начинают палить из лазганов, потоки света пульсируют во тьме. Я нахожу разбитый кожух солнечного нагревателя и использую его искроверканные панели, чтобы получить

хоть какое-то укрытие от пуль, вышибающих осколки из пласкритовых стен постройки. Вряд ли мои мальчишки знают, но шаттлы не будут торчать здесь вечно, и я все еще намереваюсь получить теплое местечко на борту.

Слышатся радостные крики, и остатки еще одного отделения присоединяются к нам, двое гвардейцев тащат гранатометы. Они начинают настраивать их прицелы на нужную траекторию, но в этот момент обстрел усиливается, к снайперам за холмом подошло подкрепление. Я хватаю один из гранатометов, выбираю осколочный и отсылаю заряд ласточкой в воздух. Я безумно ухмыляюсь вместе с остальными, когда замечаю, что от взрыва над гребнем поглатает три тела. Бросив гранатомет обратно бойцу, я выхватываю спрятанный в правом ботинке нож, и кидаясь вперед. Сейчас уже недалеко.

КОГДА перепрыгиваю через насыпь из тел, то вижу, что по сторонам от меня остатки взвода так же перепрыгивают

через край. Ошеломленные внезапной атакой предатели вскоре легли от удара штыками и лазогня и лихой рубки штыками. Я лично расстрелял пару свиней-предателей. Отсюда было делом всего лишь полминуты допрыгать до передней траншеи. Когда остальные рванули вперед, я разворачиваюсь и бегу ко второй линии, которая теперь обнадеживающе пуста. Я вижу тяжело дышащего, словно зрокс, лейтенанта справа. Он, кажется, тоже меня заметил. Но до того как он что-то успел сказать, он и его командное отделение валится с ног в кровавом облаке из-за обстрела. Я вижу, как слева поднимаются тени и отрезают мой путь к шаттлам — по крайней мере, на данный момент.

Когда я плюхаюсь в переднюю линию окопов, то слышу, как сержант объявляет перекличку. Многие не откликаются, и я полагаю, что они потеряли примерно три четверти бойцов. Остальные утрут, как только повстанцы контратакуют, и я должен быть чертовски уверен, что не разделю с ними такую судьбу. Внезапно я

осознаю, что все с ожиданием смотрят на меня.

--- Какого флага вы усталились? Ради Императора, вы чего ждете? --- рычу я на них. Самый старший из моей охраны начинает жаловаться.

--- Лейтенант Мартинез мертв! Командное отделение мертво! --- его визгливый голос вибрирует от страха.

--- У? --- спрашиваю я.

--- У вы видели, что стало с комиссаром Кагитсом, --- отвечает он.

--- Ну да, у? --- снова спрашиваю я. Мне совершенно не нравится, в какую сторону он клонит. Я не могу поверить, но у меня складывается ощущение, что происходит что-то плохое.

--- Мы застряли здесь, пока не пришлют еще одно командное отделение, --- объясняет он, --- у нас сейчас нет командования. Ну, за исключением вас. Вы говорили, что вы лейтенант.

--- Ага, гребаного штрафного легиона! --- выплевываю я. --- это ничего не значит в этом мире.

--- Вы завели нас так далеко, ---

подает голос еще один зануда, его лицо
измазано кровью, губы раздулись и в
синяках.

--- Поймите, без обид, но последнее,
что мне нужно в этот момент, так это
толпа безмозглых зеленых фразгеров, как
вы, которые задерживают меня, ---
разъясняю я, -- я и так уже слишком далеко
зашел. Вы ребята, просто упали мне на
хвост. В межпланетном транспортнике
есть место, над которым написано мое
имя, и я всецело намерен в него усесться.
Вам понятно?

--- Но вы не можете бросить нас! ---
кричит кто-то у меня за спиной.
Жалостливое страдание в их глазах по-
настоящему раздражает. Ни за какие
блага мироздания я не собираюсь
взваливать на себя это безнадежное
задание. Я роюсь в ранцах, что они
свалили в траншею, в поисках погрызть
еще рационов. Я ощущаю слабую дрожь
земли, и поднимаю взгляд. В темноте я
замечаю движение и, немного изменив
направление, ветер доносит слабый запах
маслянистого выхлопа. В залитой дождем

темноте ночи я различаю силуэт
«Разрушителя» повстанцев, осадный танк
грохочет в нашу сторону. Судя по его курсу,
я могу сказать, что экипаж еще не
заметил нас, но как только они пройдут
глубу искореженных бетонных колонн
справа от нас, мы станем легкой мишенью.
Плохо, в самом деле, очень плохо.

— Слушайте! — кричу я, привлекая их
внимание. — Я не командующий! Я
собираюсь оставить вас! И глазом не
моргну, но там рыщет «Разрушитель» и
собирается разорвать меня на мелкие
кусочки своей огромной пушкой, если вы
дадите ему такой шанс.

Я очень быстро соображаю в этот
момент. Может быть, это даст мне
нужный шанс, чтобы сбежать. Я годами
выживал благодаря своей находчивости, и
не собираюсь так легко сдаться сейчас.
Выживать стало моим хобби, и я ощущаю,
что не вправе отказываться от него в
данный момент.

— Делайте в точности то, что я
скажу и, может быть, я выберусь из этого
с целой шкурой, — говорю я им, мой мозг

лихорадочно работает.

Они внимательно слушают, с ожиданием глядя на меня, пока я излагаю план. Я проверяю, все ли они поняли и когда все кивнули, отсылаю их по своим местам. Когда «Разрушитель» грохочет вперед, кто-то включает прожектора на башенках. Корпус танка блестит от дождя и постоянная стена воды, изливающаяся с небес, отражается по всей длине луча. Черт! Я не подумал об этом! Тем не менее, уже слишком поздно, план уже начал осуществляться, и заорать в этот момент означает найти свою смерть. Я сигналю своей команде залечь, пока другие выдвигаются на позиции. Постоянно наблюдая за «Разрушителем», я вижу, как он медленно переталкивает насыпи из костей, выдавливая в стороны небольшие горки, его бульдозерный отвал создает борозду в глубоком месиве. Прожектор движется то влево, то вправо, но мы к этому моменту уже немного позади, и их командир не проверил все, что можно. Если он заметит нас, то башенка медленно повернется прямо к нам, и он

шарахнет мне прямо в голову одним из своих массивных снарядов «Разрушителя»!

Внезапно прожектор поворачивается в мою сторону, пробегается по земле, и резко подсвечивает груду мертвых тел наших и повстанцев. Луч сдвигается вперед, и я чувствую, что задержал дыхание, но через несколько ударов сердца, перед тем как осветить мое лицо, он быстро разворачивается в другую сторону. Слежу за лучом — танк примерно в сорока шагах от места, где я присел — я вижу неподвижно застывший другой атакующий отряд. Я ощущаю, что хочу заорать: «Не стойте! Бегите!», но как только я это сделаю, то точно буду убит вместе с ними. Как и говорил, я давным-давно уже не готов к смерти. Как я и предвидел, башня с хрустом медленно повернула огромную пушку «Разрушителя», такой ширины, что внутрь мог бы заползти человек, и подняла ствол. Со вспышкой пламени и завитками дыма, танк стреляет. Мгновением позже взрыв снаряда затмевает свет прожектора. Мне кажется, что я вижу взлетающие в воздух

тела, но это вряд ли, так как снарядами «Разрушителя» обычно мало что оставляет, чтобы оно могло поглотить. Когда пламя улеглось, прожектор рыскает влево, вправо и на корпусе появляются вспышки выстрелов тяжелого болтера. В свете прожектора я вижу, как тела выживших сшибает с ног, кровь бьет фонтанами из открытых ран, когда разрывные болты прошивают их кожу, мышцы и кости, словно бумагу. Я возвращаюсь опять к непосредственной задаче. Подняв кулак, я сигнализирую атаковать. Мы бесшумно бежим к танку, никаких боевых ключей, никаких вызывающих криков, просто тихо и толчаливо бежим. Однако первый боец все еще в двадцати шагах от танка, когда стрелок спонсона на нашей стороне очнулся и открыл огонь из тяжелого огнемета. Режущий инферно бьет от борта танка, превращая бойцов в обугленные куски плоти, быстро заглушая их вопли.

Прожектор поворачивается к нам, но я поднимаю ладан и стреляю на бегу, посылаю два заряда в широкие линзы и

разбиваю их. Я слышу глухой вой сирены, когда прыгаю к танку. Его гусеницы дико вертятся, когда водитель пытается развернуть его, и нацелить на нас главное орудие.

Пока огромные стальные траки грохочут столь близко от моего лица, что я мог дотронуться до них рукой, я подпрыгиваю и хватаюсь за кожух двигателя. Я подтягиваю себя на корпус танка и сворачиваю панель, открывая огромный, маслянистый и ревущий двигатель. Пока другие выжившие толпятся на корпусе, стреляя в отсек с двигателем из лазганов, я прыгаю к башне.

Шокированное выражение лица командира заставляет меня растеряться, и я врезаю прикладом винтовки ему в подбородок, ломая шею. Пару раз я стреляю в люк и запрыгиваю внутрь. Экипаж с ужасом смотрит на меня: залепанный кровью и грязью, для их душонок я, должно быть, выгляжу как какой-то чудовищный пришелец. Так оно и есть. Мой нож рвет их, я всегда гордился своим уровнем мастерства ножевого боя, и за пару вздохов

все заканчивается. Внезапно кто-то орет в люк, чтобы я выбирался оттуда.

С УДОВЛЕТВОРЕНИЕМ я наблюдаю из окна, как взрываются заряды, превращая осадный танк в бурю летящих металлических кусков и скрученных обломков. Хорошо, теперь все чисто, самое время выдвигаться к эвакуационным посадочным ангарам. Кто-то хватается за меня за плечо, когда я повернулся спиной к ничейной земле. Этого бойца я не знаю, через его лицо идет глинная царапина, левая сторона и нога тлеет от близкого попадания струи тяжелого огнемета.

— Вы не можете уйти Кейдж, — я илею в виду, сэр, — просит он, — мы нужны вам, а вы нужны нам!

— Нужны мне? Нужны мне? — я почти кричу от безысходности. — Поймите, я иду назад. Если любой из вас, тупоголовых фразггеров, попытается последовать за мной, я начну стрелять. Вы мне не нужны, вы все обуза. Я ясно изъясняюсь?

В ответ молчание. Я гутаю, что некоторые начнут плакать, так сильно

трасются их губы. Что ж, везунчики, с
Кейджем это не работает. Я развернулся
и начинаю карабкаться на заднюю стену
окна, в сторону наших собственных линий.
Кто-то произносит:

--- Сдаешься, солдат?

Я без раздумий хватаюсь за
протянутую сильную руку, и меня
вытягивают из окна. Когда я падаю на
колени в грязь, мою спину начинает
колоть от ужаса, когда мой разум
осознает произошедшее. Я поднимаю глаза.
В ответ на меня смотрят две холодные
бездны, разрывая в клочья мою душу. Там
стоит Полковник, его болт-пистолет
направлен мне прямо меж глаз!

--- Дезертирское отребье! --- рычит
он. --- У тебя был твой последний шанс.
Пришло время платить за свои
преступления!

Как раз когда он отворачивается, мой
одурманенный разум внезапно опознает
стремительные щелчки и визг
энергоачеек. Оглянувшись через плечо, я
вижу взвод, всю жалкую, испачканную
толпу, все их оружие направленно на

Полковника, стена из стволов лазганов, плазменных ружей и даже раструб гранатомета. Я давлю истерическое стремление расстаться. Некоторых из них трясет от страха, некоторые же тверды как скала и суровы. Каждый из них с молчаливой свирепостью пристально смотрит на Полковника. Это пугающее ощущение, словно стаго зверей внезапно обнажило клыки. Мальчик-с-рационом остеливается выступить против гнева Полковника.

— Я-я, извиняюсь, сэр, но Кейдж не заслужил этого, — говорит он Шефферу, — если вы выстрелите, то мы тоже.

— Да, сэр, — вставляет свои два кредита кто-то, его лазган покоится на обогранных, кровавых ошметках сломанных рук, — мы бы уже три раза были мертвы, если бы не он. Мы не позволим убить его!

В этот момент они все сосредотачиваются. Их ружья перестают угрожать, и я вижу, что их взгляды наполнены жаждой крови. Они так накачаны адреналином, что могут убить

любого прямо сейчас. Окрыленный победой, я слышу, как кто-то его зовет. Я смотрю на них, Полковник тоже. Кажется, вечность он стоит здесь, обращая свой ледяной взгляд на каждого из них. Каждый по очереди ощущает на себе полную силу взгляда Полковника, но никто не дрогнул и это чего-то стоит! Тем не менее, Полковник -- это Полковник и он просто фыркает.

-- Этот жалкий кусок слизи не стоит вашего времени, -- равняет он на них, -- я рекомендую вам использовать боеприпасы ради чего-то стоящего.

Никто не сдвинулся, и я перестаю улыбаться.

-- Очень хорошо. Вы высказали свою точку зрения, гвардейцы, -- Полковник почти чеканит каждое слово. Стена из оцетинившихся пушек не дрогнула. Голос Полковника затихает почти до шепота, угрожающий тон, который даже штрафников «Последнего шанса» заставляет дрожать от страха.

-- Я приказываю вам. Опустить. Оружие.

Все равно никто не двгается.

--- Ладно, пусть в этот раз будет по-вашему, --- наконец произносит он, --- рано или поздно вы все будете моими.

Проходит еще несколько глинных, мучительных секунд, прежде чем первый из них опускает свое оружие, окончательно убежденный искренним видом Полковника. Что касается меня, то я до сих пор считаю, что он вышибет мне мозги.

--- Встать, Кейдж! --- равкает Полковник.

Я медленно поднимаюсь, и не рискую даже вздохнуть.

--- Немедленно снимите эту униформу --- вы не заслужили ее носить!

Когда я начинаю растягивать туннику, Полковник Шеффер разворачивает меня, чтобы я мог посмотреть на Коританорум --- сердце повстанческой армии. Даже еще до того как предатели отвернулись от Императора, крепость имела репутацию практически неприступной. Стены и стены тянутся в горы, пушечные амбразурсы сверкают от огня артиллерии

В нескольких километрах на запад от нас. Лучи прожекторов рыскают по открытому пространству перед фортом, выхватывая ряды колючей проволоки, плазменные и осколочные минные поля, ловушки для танков, ловушки для людей, западни и другие оборонительные сооружения. Пока я смотрю, массивные бронированные ворота открываются и колонна из четырех «Леман Руссов» выдвигается по раздвижному мосту над кислотным рвом, направляясь на юг.

— Что происходит, сэр? — тихо спрашиваю я. Полковник указывает вперед на внутренний дворик крепости, и шепчет мне в ухо.

— Вот это и происходит, Кейдж. Мы направляемся прямо туда.

Ох, фраз.

РВАННОЕ дыхание человека эхом отражалось от покрытых конденсатом труб, которые бежали вдоль обеих стен коридора, его выдохи создавали небольшие облачка пара вокруг головы. Мрачная, одинокая желтая светополоса на потолке

освещала свежесбритое лицо, окрашивая
все в болезненные цвета. Человек нервно
оглядывался назад, положив руки на колени
и согнувшись пополам, он задержал
дыхание. Движение теней вдалеке
привлекло его внимание, он прорычал
сквозь зубы и снова побежал, доставая
короткий пистолет из своего синего,
рабочего комбинезона. Грохот чего-то
тяжелого по металлу звенел в коридоре
позади него, сопровождаемый скребущим
звучком, словно по разъеденной коррозией
стали труб проводили шероховатой кожей.

--- Кровь Императора, охотник стал
добычей, --- снова оглядываясь назад,
прошипел он. Под светополосой теперь
было видно слазанное движение,
складывалось впечатление, что вдоль
коридора к нему несется синеватая
темнота и фиолет. Он поднял пистолет
и нажал на спусковой крючок, дуло
вспыхнуло, практически ослепив в
тусклот, заткнутом пространстве
прохода, пули со свистом уносились в
трагичную даль. Со сверхъестественной
скоростью быстро приближающиеся

очертания отпрыгнули в сторону, кости
цвета кости воткнулись в ржавый металл
и увели тело с линии огня. Трубы
зазвенели от царапающего звука по
металлу, когда монстр продолжил свое
неустанное продвижение, не затрачивая
усилий, он тчался по стене.

Мужчина снова сорвался в спринт, его
ноги и руки стремительно зателькали,
когда он ускорился. Пока он бежал по
изогнутому коридору, его глаза
остатривали стены и потолок, отчаянно
ища лазейку для побега. Он пробежал еще
тридцать метров, существо все сильнее
наседало на него, затем он заметил
открытый проход справа. Прыгнув через
дверь, его глаза ухватились за запирающий
механизм, который он шлепнул кулаком. С
шипением начала стремительно
опускаться противовзрывная дверь, но
секундой позже, когда она была на полпути
вниз, жестокий охотник проскользнул под
ней. Он выпрямился в полный рост и встал
напротив мужчины, его темные,
чужеродные глаза смотрели со злобой.

Тот начал палить из пистолета в

монстра перед собой и нырнул обратно к двери, перекатился на другую сторону и вставал на ноги. Через мгновение дверь с глухим ударом закрылась, запечатав ненасытного хищника. Глубоко выдохнув от облегчения, он услышал, как мощные конечности врезаются с другой стороны в дверь, прерываемые визгом, когда глинные когти распарывали металл. Шум бесполезной атаки прекратился через несколько секунд, затененный царапающим звуком когтей, удаляющихся вдоль бокового туннеля.

--- Так желает Император, я тебя еще поймаю, --- сказал он существу с другой стороны двери, криво устехнувшись, потом развернулся и побежал обратно по коридору.

Глава седьмая.

Новое Солнце.

+++ Начинается операция Новое Солнце. +++

Мы с Полковником подходим к огромному комплексу бункеров, четыре или пять здоровых модуля соединены закрытыми проходами. Люк, к которому он ведет меня, охраняется двукратно полицейскими комиссариата, черные пластины их панцирей блестят от непрерывного дождя. Их полные отбращения взгляды жалят сильнее, чем холодный ветер и резкий дождь по голой коже, всецело давая понять мне о моем плачевном статусе. Мои зубы стучат от холода, мое обнаженное тело охладил дождь, мои ноги оцепенели от ходьбы по лужам и грязи глубиной по лодыжку. Половина моего лица покрыта грязью, после того как я недавно поскользнулся, а голени исцарапаны попадающими

наполовину утопленными лотками
колючей проволоки. Я сильно сжимаю свою
грудь руками, дрожу и пытаюсь сохранить
хоть чуть-чуть тепла. Они следят за
мной, пока Полковник отпирает замок
люка, после чего взмахом приглашает
меня внутрь. В нескольких метрах вниз по
коридору слева от меня еще одна дверь и,
подгоняемый жестом Полковника, я
открываю ее и захожу внутрь.

На маленьких койках на другой
стороне от двери находятся оставшиеся
штрафники «Последнего шанса»: Линскраз,
Лори, Лорон и Кронин. Полковник поведал
мне, что как раз после того как они
оставили меня, Ганно угрожался
подорваться на плазменной мине, ---
тяжелая смерть, --- его останки разбросало
по огромной площади. Это было горько
слышать, хотя я подозреваю, что Ганно
был бы рад такой смерти, потому что
таким образом предупредил остальных об
опасности.

Они изумленно пялятся на меня. Они
и раньше видели меня голым, каждый день
на корабле, во время очищающих процедур

после ежедневных тренировок, по правде говоря, но я, видюмо, совершенно потрясающе измазан.

--- У Святой Фистин вышел к врагу без оружия и брони, --- пошутил Кронин и они все радостно заржали. Секунду я стою оскорбленный, после чего начинаю смеяться вместе со всеми, осознавая, что, видюмо, представляю собой особенно жалкое зрелище.

--- Не совсем без оружия, --- язвительно отшучиваюсь я, многозначительно глядя ниже своего обнаженного живота, получаю в ответ взрыв смеха.

--- Ну, это скорее так, пистолетик, а не пушка... --- с притворной тоской вздыхает Лори, вызывая еще один приступ хриплого хохота. Пока мы валяемся от ребяческого смеха, я слышу, как за мной кто-то заходит и, обернувшись, обнаруживаю Полковника. Он несет свернутый боевой комбез, рубашку и бронежилет, и сваливает все это на одну из коек.

Позади него полицейский тащит пару ботинок и противоосколочный шлем

стандартного образца, он добавляет все это в кучу.

--- Поставить новые ботинки не на пол --- это плохая примета, --- говорю я уходящему полицейскому, но за темным визором шлема невозможно разглядеть его реакцию.

--- Помолчи, Кейдж, --- отвечает мне Полковник, кивнув головой в сторону двери, ведущей из комнаты бункера, --- там помоешься и оденешь униформу.

За дверь находится крохотная душевая кабинка. В маленьком алькове я нахожу жесткую точалку и бесформенный кусок пахнущего лазаретом мыла, и начинаю скоблить себя под прерывистыми струйками холодной воды, которая сочится из душа, когда я пару раз качну ручной насос.

Холодная, но чистая и возбуждающая. Я вытираюсь полотенцем и одеваюсь, снова ощущая себя человеком, впервые за прошедшие полтора суток с тех пор, как предпринял попытку вырваться на свободу. Полковник снова уходит, и пока я готовлюсь, остальные

сидят погруженные в свои собственные мысли.

--- Я знал, что ты не утер, --- говорит Линскраг когда я заканчиваю, --- но понял, зачем ты это делаешь. Извини, кажется, это не сработало.

--- В любом случае, спасибо, --- пожав плечами, отвечаю я, --- хотя каким, черт, образом узнал Полковник?

--- Когда мы добрались сюда, начали поступать какие-то странные доклады, --- отвечает Лорон, сидящий на краю одной из лоек и шатающийся ногами над полом, --- полиция сказала Полковнику, что патруль штурмовиков нашел уничтоженное в своем же лагере отделение вражеских лазутчиков, около трех километров от линии фронта. Никого не должно было быть в этой зоне, и Полковник сказал, что только ты можешь быть настолько туп, чтобы оказаться там. Он оставил нас здесь и отправился за тобой.

--- Это ты убил это отделение, Кейдж? --- спрашивает с порога Полковник, заставляя от неожиданности всех взглянуть на него.

--- Да, сэр, --- отвечаю я, садясь на пол, чтобы зашнуровать ботинки, --- и рад, что так поступил, несмотря на то, что это помогло вам поймать меня. В противном случае, в том месте уже бы все кишело повстанцами.

Он просто кивает и что-то уклончиво ворчит.

--- Я хочу, чтобы вы все познакомились с новеньким, --- говорит он через секунду, отходя в сторону от двери и махнув кому-то на той стороне. Шагнувший через дверь человек завернут в темно-фиолетовую робу, эмблема черепа с шестеренкой вышита серебром на верхушке его капюшона, он мгновенно выдает в нем техножреца из Культы Механикус.

--- Это агент Гудманз, прибывший с тира-кузницы Фрактрикс, --- представляет его Полковник, --- чтобы уберечь вас от утомительных расспросов, я скажу вам, что он здесь за снабжение Имперским оружием пиратов, совершающих набеги на конвои флота. Самое серьезное злоупотребление

должностным положением, я уверен, что вы с этим согласны.

Гудманз пошаркал к нам, снял капюшон, открыв уставшее, иссохшее лицо. Он лыс, на его черепе красуются сморщенные шрамы, через которые недавно угалали импланты. Его слезящиеся глаза равнодушно смотрят на нас, я слышу его рваное и напряженное дыхание.

--- Пусть почувствует себя как дома, --- добавляет Полковник, --- я вскоре вернусь.

С уходом Полковника, мы всерьез принялись расспрашивать нашего последнего «рекрута».

--- Не очень-то расклад гля тебе, --- говорит Ланскриг, непринужденно скрючившись на койке в дальнем конце глинной комнаты.

--- Все же лучше, чем альтернатива, --- с гримасой отвечает Гудманз, осторожно опускаясь на одну из других коек, его голос натужный, хриплый шепот.

--- Ты выглядишь совершенно изможденным, --- говорю я, глядя на его усталые, хилые формы.

--- Мне гвести восемьдесят шесть, ---

печально хрипит он, низко склонив голову.

--- Они забрали мои улучшения, без регулярных доз масел анти-старения и должного технического обслуживания, я утратил от возрастающей дисфункции тела в течение месяца.

Мы сидим и размышляем над этой информацией секунду, после чего Лорон прерывает ход мыслей.

--- Я думаю, что предпочел бы, чтобы меня повесили и дело с концом, --- говорит он, какая головой в изумлении.

--- Они бы не повесили меня, молодой человек, --- отвечает ему техножрец, переводя взгляд на нас по очереди, в его глазах внезапно засветился интеллект и понимание, --- мои хозяева превратили бы меня в сервитора. Мою память бы вычистили. Мои биологические компоненты на постоянной основе соединили бы с какой-нибудь системой ментального контроля или с чем-то похожим. Я мог бы размышлять, но не жил бы, просто существовал. В подсознании я бы знал, что живой, дышащий человек, но так же не мог бы отринуть

окончательный синтез с Богом-Машиной.
Не совсем жив и не совсем мертв. Это
обычное наказание за предательство
великих Агентус Механикус. Ваш
Полковник, должно быть, имеет хорошие
связи, чтобы противостоять мести
Культа Механикус.

--- Да, я знаю, --- с горечью отвечает
Линскраг.

Дальнейшие вопросы прерваны новым
появлением Полковника в компании
писчего, которого я видел несколько раз в
кабинете на борту «Гордости Лота», ---
клерикуса Амагуеля. Амагуель несет
кучку свитков, в которых я немедленно
опознаю прощения, которые ранее мне
показывал Полковник.

--- И теперь вы все узнаете, что я в
действительности подготовил для вас, ---
трачно произносит Полковник, беря
прощения и кладя их на койку рядом с
Лороном, все взгляды прикованы к нему,
пока он пересекает комнату и подходит
обратно к двери.

--- Подошло время, когда ваша карьера
в «Последнем шансе» вскоре будет так или

иначе завершена.

Атмосфера внутри комнаты почти
осязаето изменяется, когда все
одновременно задерживают дыхание. Если
я правильно понял, и реакция остальных
штрафников предполагает, что это так,
Полковник только что сказал нам, что мы
стожем покинуть 13-ый Штрафной
Легион.

--- Это, --- продолжил Полковник,
тыкая пальцем ну груду пергамента, ---
прощение Императора для каждого из вас. Я
подпишу их и поставлю печати, как
только мы завершим нашу последнюю
миссию. Вы можете отказаться, в этом
случае военная полиция доставит вас в
другой штрафной легион.

--- И вышел Священник-Еретик Эйдолон,
неся заблудшим народам фальшивые иконы
для восхваления, --- нахмурившись
отвечает Кронин.

--- Что? --- спрашивает Полковник,
обескураженный заявлением безумца.

--- Он имеет в виду, что все слишком
просто, --- переводит Лори.

Я знаю, о чем она говорит.

предложение кажется слишком хорошим, чтобы оказаться правдой. И затем я осознаю, что это не так, и что я знаю, что замыслил Полковника.

--- Вы ведь серьезно говорили насчет того, что мы собираемся в Коританорум, --- медленно произношу я, дабы остальные штрафники «Последнего шанса» все правильно поняли.

--- Конечно, серьезно, Кейдж, --- резко отвечает Полковник, --- с чего бы мне шутить?

--- Что ж, --- наклонившись вперед, вклинивается Линскраз, --- маленькая проблемка в том, что Коританорум самая неприступная цитадель сектора, самая неуязвимая крепость на месяц варп-полета в любом направлении.

--- Нет неприступных цитаделей, --- отвечает Полковник, излучая искренность и самоуверенность.

--- То есть факт, что пятьсот тысяч Имперской Гвардии, с поддержкой флота Империи не смогли взять это место, вас не смущает? --- вырывается у Линскраза, крайне встревоженного

предложением Полковника.

--- Мы не собираемся брать
Коританорум штурмом, это нелепо, ---
раздраженно отвечает Полковник, --- мы
проникнем в комплекс, и сделаем его
небоеспособным изнутри.

--- Предполагая, что мы проникнем
внутри --- а это уже чертовски смелое
предположение --- в том городе живет
около трех миллионов человек, --- говорю я,
нахмурившись от того, что пытаюсь
понять план Полковника, --- нас точно
поймают. Фраз, да я не могу спрятаться
даже среди своих! Среди своих же!

--- Тогда мы должны будем лучше
стараться, чем ты, во время последних
подвигов, --- коротко отвечает Полковник,
явно начиная терять терпение от нашего
нежелания лезть в это самоубийство, ---
решайтесь сейчас. Вы идете со мной, или я
перевожу вас?

--- Меня можете не считать, ---
решиительно отвечает Линскраз, яростно
мотая головой. Когда он продолжил, то
посмотрел на нас по очереди, заставив себя
говорить медленно и уверенно.

— Это полное безумие, настолько
опротечиво, что невероятно. Чистой
воды самоубийство атаковать
Коританорум всемером. Я собираюсь
выжить, и вернуть свое баронство. Поход к
центру яростно оберегаемой повстанцами
крепости вряд ли поможет мне в этом.
Делайте что хотите, но я не пойду с
этим отрядом самоубийц.

— Очень хорошо, — спокойно
произносит Полковник, шагая к койке с
прощениями. Он секунду в них ковырялся,
находит пергамент Линскрага и
поднимает его так, чтобы все видели.
Затем медленно и подчеркнуто начинает
его рвать. Он разорвал его вдоль центра,
затем сложил два обрывка вместе и снова
разорвал. Он делает так еще несколько
раз, пока в его руках не остается
шестнадцать обрывков. Так же медленно
он разжимает руки, обрывки пергамента
порхают к полу вокруг его ботинок. Он
наступает на обрывки, и втаптывает их
ногой, еще сильнее разрывая и стиная их.
Мы смотрим на это в ужасающем
толчании, для меня это подобно тому,

что он разорвал и истоптал нашего
Линскрага.

Он наклоняется и берет другое
прощение, поднимает его так, чтобы мы
видели. Я читаю в заголовке свое имя, и
мое сердце начинает трепетать. Точка
зрения Линскрага имеет смысл: сама идея
пойти в Коританорум самоубийственная.
Согласно моей философии, я пытаюсь
остаться в живых, и как можно дольше. Я
отправляюсь во вражескую крепость,
совершенно этому не способствуя. Но при
всем при этом, между указательным и
большим пальцем Полковника зажата моя
жизнь. Если я скажу «да», и выживу в этой
зеленой миссии, тогда я свободен. Я смогу
сделать все, что захочу. Возможно,
останусь в Гвардии, осяду на Тифон Прайм,
или, возможно, отправлюсь туда, где был
рожден — на Олимп. Если выживу...

Полковник выжидательно смотрит
на меня осколками льда, которые у него
вместо глаз. Я думаю обо всей этой боли,
тупениях и опасностях, которые прошел за
последние три года, и представляю, что
вся моя жизнь будет такой. Скажу вам,

что это единственный шанс выбраться из штрафного легиона. Если меня переведут, рано или поздно я утру. Вот такой будет моя судьба в следующие года три, если повезет; просто еще больше войн и смертей, да и мыслей о том, когда нуля или лазерный луч наконец-то достанут меня. Возможно, я окончу как Кронин, голова кружится от чудовищности такой судьбы. Да и будет ли кто-нибудь рядом, чтобы приставривать за мной, как я приставриваю за Кронином? Может быть, а может, и нет, но разве я хочу рисковать? Выбор только один, --- практически гарантированная смерть, --- но с шансом выйти на свободу. В противном случае, смерть почти наверняка, но без шанса сбежать. Здесь, на Тифон Прайм, у меня был шанс легко улизнуть, и не особо получилось. Кроме того, разве я хотел провести остаток своей жизни, размышляя о том, правильно ли я поступил?

Все эти мысли бурлят в моей голове со скоростью света, всех вокруг меня, словно загнали в какую-то петлю стазиса.

вся вселенная делает паузу в своей
размеренной жизни, чтобы я мог сделать
выбор. К тому же, возвращаются все эти
голоса на задворках моего разума. Ты же
гвардеец Империи, говорят они. Это
шанс проявить себя, убеждают меня. Вот
там ты покажешь всем, что
действительно чего-то стоишь. Вот там-
то Полковник и поймет, что ты за
человек. Человек, повторяют они, а не
преступный элемент, мешок с дерьмом.

— Я пойду, Полковник, — слышу я свой
голос, мой разум ощущает, словно я сам
плаваю вокруг своей собственной головы,
позволяя какой-то другой части себя
контролировать это мгновение.
Остальные тоже отвечают, но на самом
деле, я не слышу, что они говорят, мой
разум все еще плавает вокруг, пытаюсь
поймать самого себя. Я слышу, как
Гудманз пробормотал что-то о том, что
смерть с Коританоруме будет для него
освобождением. Затем, с ощущением удара
по голове, мое сознание возвращается в
тело.

Если я переживу это, я волен уйти на

все четыре стороны. Я не сомневаюсь, что Полковник сдержит свое обещание. Все, что мне нужно, так это пережить еще одну миссию, еще один бой. Хорошо, да, это Коританорум. Но я в последнее время проходил через такое дерьмо и все еще жив. Кто знает, может по сравнению, это будет легким заданием, если Полковник все правильно рассчитал.

Когда это осознание просачивается в мои мысли, я утрачиваюсь вернуть свое внимание к другим. На полу все еще лежит только один разорванный пергамент, так что это означает, что все остальные так же согласились. Все смотрят на меня, включая Полковника, и я осознаю, что кто-то говорит что-то мне, но я не слышу, мой разум полностью поглощен собственными мыслями.

--- Что? --- переспрашиваю я, заставляя себя мыслить четче. Очень важно рассуждать здраво, если я собираюсь еще раз увидеть этот пергамент.

--- Мы сказали, что пойдём за тобой, а не за Полковником, --- повторяет Лори, добродушно глядя на меня.

— Что? — равную я злобно, потому что в замешательстве. — Что это значит?

— Это значит, что если ты считаешь, что у нас получится, то мы тоже хотим попытаться, — объясняет Лори, ее бледное лицо излучает искренность.

— Хорошо, гвардейцы, — произносит Полковник, — ты выдвигается с наступлением темноты. У вас есть два часа на подготовку.

БУРЯ, кажется, прошла, грохот грома затих, его заменил рев артиллерийских батарей вдаль. Мы сидим на каменистом пригорке, насколько я могу сказать, примерно в восьмистах метрах от текущей позиции Имперских окопов. Перед нами на километры тянется кишащая повстанцами равнина. Кажется, что все это своего рода перевалочная база, открытое пространство гудит от деятельности. Удалека я могу только предполагать, где находятся подземные проходы для вылазок Коританорума. Две

сторожки обрамляют огромные
бронированные ворота, вставленные в
скальный выступ горы, в которой вырыта
большая часть цитадели. И в этой горе с
легкостью можно обороняться, выдерживать
все, кроме самой длительной и
направленной орбитальной бомбардировки.
Кто знает, насколько глубоко уходят
нижние уровни? Части над землей
окружены концентрическими,
зазубренными стенами, каждая в метры
толщиной, построенные из соединенной
пласстали с рокритом. Их сложно
повредить снарядами и энергетическим
оружием, их наклоненные формы
предназначены, чтобы отражать атаки с
мертвого пространства между ними. Это
пространство тоже огневой мешок, чистое
и гладкое, где нет никакого укрытия
достаточно удачливым врагам, которые
преодолели бы одну из стен. Я понимаю,
почему полмиллиона гвардейцев без
особого эффекта бросались на бастионы
этого укрепления.

Меня отвлекает пролетевшая на
запад слева от нас кучка сигнальных

ракет, распустившаяся желтыми
цветками взрывов.

— Это сигнал, которого мы ждали, —
произносит Полковник, он стоит рядом со
мной на краю брошенного окопа
повстанцев. К этому времени сражения
ушли из этой области, и соединяющиеся
траншеи вдоль линии горного хребта
дают нам превосходное укрытие от
пристального взора защитников
Коританорума. Собранные перед нами
силы, возможно, ударят вдоль южного
фланга Имперских окопов, надеясь, по
возможности, закрепиться и зажать
огромную часть солдат Императора
между этим отрядом и стенами
Коританорума.

— Начинается диверсионная атака, —
информировует нас Полковник, со щелчком
закрывая корпус золотого хронометра,
полученного от комиссариата до того как
мы оставили пост, где он поставил нам
ультиматум. Положив таймер во
внутренний карман шинели, он, по-
видному, расслабляется и
остатривается. На самом деле сильно

расслабляется, учитывая, что это самая важная и рискованная миссия, с которой мы когда-либо сталкивались.

Звук падающих по скале мелких камушков над нами заставляет всех развернуться и поднять оружие — за исключением Полковника, который продолжает дальше смотреть на Коританорум.

— Добрый вечер, лейтенант Страйден, — не глядя, произносит Полковник, и мы видим молодого человека, карабкающегося вниз с горы, на его худом лице играет широкая улыбка.

— Раг вас видите, полковник Шеффер, — весело произносит мужчина, после чего вежливо кивает каждому из нас. С головы до ног он завернут в искусно сделанный камуфляжный плащ, его раскраска практически идеально совпадает с серо-коричневыми скалами вокруг Коританорума. Он прыгает в узкую траншею, чтобы встать рядом с Полковником. Его плащ развевается на ветру.

— Сейчас, полковник Шеффер? —

взволнованно спрашивает он.

--- Когда будете готовы, лейтенант Страйден, --- кивком подтверждает Полковник.

--- Что происходит, сэр? --- спрашивает Лори, с подозрением глядя на Страйдена.

--- Лейтенант Страйден собирается вызвать огонь прикрытия, чтобы расчистить нам путь к входу, --- отвечает Полковник, опускаясь в траншею.

--- Вам понадобится по-настоящему большая пушка, чтобы расшевелить их чуть-чуть, --- говорю я лейтенанту. Он разворачивает свое постоянно улыбающееся лицо ко мне.

--- Ох, у нас действительно есть кое-какая очень большая артиллерия, мистер Кейдж, --- отвечает он, доставая из под плаща какой-то сложный аппарат. Он присаживается на корточки и открывает створки коробки размером с кулак, подносит ее поближе к глазам.

Его пальцы бегают вдоль рядов кнопок сбоку аппарата, что явно похоже на гальванометр или что-то в этом духе.

делает какие-то небольшие
корректировки. Отодвинув коробку от
лица, Страйден смотрит на нее, и я вижу
на ее цифровом экране ряд чисел и букв. Он
удовлетворенно кивает и затем
поднимает взор к затопленному облаками
ночному небу.

— Я бы сказал, что ветер юго-юго-
западный, а мистер Кейдж? — внезапно
спрашивает он.

— Ветер? — бормочу я, полностью
захваченный врасплох необычным вопросом.

— Да, — отвечает он, глядя на меня с
улыбкой, — похоже, что в шести тысячах
метрах отсюда идет антициклон.

— Ваша пушка должна выпустить
снаряд по чертовски высокой траектории,
чтобы обогнуть его, — комментирует
Лорон, стоящий с другой стороны от
лейтенанта.

— О нет, он вовсе не взлетает вверх,
он просто падает вниз, — любезно
отвечает он, нажимая на кнопку у
основания аппарата и поднимая его над
головой.

— Не взлетает... — бормочет

Гудманз, — значит это с орбиты?

— Правильно, — кивком подтверждает Страйден, — я наземный офицер-наблюдатель с линкора «Благосклонность Императора». Он вскоре выстрелит.

— Линкор? — спрашиваю я скептически. Мой разум заполняют воспоминания о крейсере, который был снаты в системе Крагмир, и ряды огромных пушек по бортам. Огин Император знает, насколько больше огневой мощи у линкора!

— Вот и оно, — радостно произносит Страйден, поднимая взгляд вверх.

Небеса над Коританорумом начинают светлеть, и секундой позже я вижу пламенный след летящих вниз десяти ракет. Пока они летят, движение на земле привлекает мое внимание, так как повстанцы начинают в панике разбегаться, осознав, что происходит. С мощным, громоподобным ревом боеголовки торпед ударяют в равнину, вызывая ряды взрывов, каждая воронка как минимум пятьдесят метров в поперечнике, они просто разрывают собравшихся

предателей, подкидывают танки на
огромном огненном шаре примерно на
тридцать-сорок метров над землей. Я не
вижу разлетающихся тел и предполагаю,
что люди, видимо, полностью сгорают.
Землю окутал бушующий инферно, и
только затем, пробежав километры, до
нас докатывается ударная волна,
заставляя бешено трепыхаться плащ
офицера флота, волна горячего воздуха
бьет не в лицо, больно обжигая глаза.
Кажется, что сам воздух горит несколько
секунд, небеса расцветают шаратами
последующих, вторичных взрывов.
Страйден хлопает меня по руке и кивает
вверх, я как раз успеваю заметить серию
росчерков в воздухе, отражающих яркое
пламя вокруг Коританорума. Полковник
выбирается из траншеи, чтобы
посмотреть, его глаза блестят красным,
отражая полыхающую равнину.

Попадания снарядов несут еще больше
разрушений, чем торпеды, поскольку
взрываются перед нами четырьмя
параллельными линиями, каждая из
которых извергает огромные колья земли

и разбрасывает в разные стороны людей и машины. В грохоте взрывов тонут крики и скрежет раздираемого металла. Разрывы снарядов гасят убийственное пламя плазменных боеголовок, черный покров дыма плывет по ночным небесам, вырисовываясь на фоне мерцающих огней далеких окон Коританорума. Подготовка продолжается, бесчисленные взрывы подползают по равнине к нам. Целую минуту снаряды рвутся все ближе и ближе, и я начинаю беспокоиться, что оглохну от грохота, который продолжает бить в уши.

Хотя этот страх сменяется более насущным, — что бомбардировка продлится вторую минуту, — и кажется, что линкор зайдет слишком далеко. Когда снаряды продолжают взрываться у подножья горы и приближаться, меня охватывает паника, все остальные иштрафники кидаются в окоп. Бомбардировка все еще продолжается, и я начинаю опасаться за свою жизнь. Я наземной-то артиллерии не доверяю стрелять настолько близко ко мне, не говоря уже о линкоре, в сотнях километрах

наг моей головой! Полковник запрыгивает
вслед за нами, на его лице обеспокоенность,
но Страйден продолжает стоять на краю,
в благоговейном экстазе наблюдая, как
приближается опустошение. Каменные
осколки от взрывов начинают летать в
воздухе, не более чем в пятидесяти
метрах от нас начинают расцветать
яркие вспышки, я вижу, как Страйден
поднимает руки наг головой и начинает
столь пронзительно хохотать, что
пересиливает шум обстрела. Его плащ
практически срывает с плеч
последующими ударными волнами, но он
стоит недвижимо как скала.

Затем все затихает и погружается в
темноту, мои уши и глаза несколько
секунд не работают, подстраиваясь под
отсутствие яростных внешних
воздействий. Страйден все еще хохочет
как безумец, Полковник хлурится и
отряхивает свою шинель, после чего
выбирается из окна. Лейтенант флота
опускает руки и оглядывается через плечо,
его глаза широко раскрыты от волнения.

— Император помощи мне, неважно

сколько раз я видел это, мистер Кейдж, меня до сих пор трясет от этого зрелища! -- со страстью объясняет он, его белые зубы, кажется, светятся в темноте.

-- Это было чертовски близко! -- ору я, перелезая через край окна и шагая к нему.

-- Я боюсь, нам так приказали, -- извиняющимся тоном произносит он, -- обычно мы сначала берет цель в вилку, чтобы убедиться в наводке, но в этот раз нам не позволили этого сделать. В этот раз тут были мы, и нам ведь совсем не хочется, чтобы на голову свалилось что-то недоброе, а? Нас так же попросили не попадать в сторожки, что немного странно, но приказы есть приказы. Хотя не нужно было волноваться, у нас было очень много практики.

-- Я полагаю, мы не смогли бы пройти через ворота, если бы они превратились в расплавленную глыбу, -- говорит Лори, изгибаясь на последних ступенях ведущей из окна лестницы. Я рассматриваю развернувшуюся теперь передо мной сцену, не прошло и пяти минут, с тех пор как взлетели сигнальные

ракеты. Но грубым прикидкам, равнина
покрыта сотнями воронок, и отсюда, пока
в моих глазах все еще рябит, я могу
разобрать только разбросанные повсюду
кучи разогранного металла. Примерно на
шесть километров в каждом направлении,
равнина перепахана взрывами. Дымовая
завеса плавает в метре или выше над
землей, медленно рассеиваясь под слабым
ветерком. Гарь оружейного пороха
практически густит, в воздухе висит
густая пелена. Ничто и никто не мог
пережить такое, по крайней мере, ничто,
что ходило, ползало или могло ездить по
этому миру.

--- Угем внутрь? --- внезапно
спрашивает Страйден, до его
сверхвозбужденного разума наконец-то
дошли слова Лори, --- Трон Императора,
этот звук чертовски возбуждает. Еще
сильнее возбуждает ожидание приказа для
бомбардировки следующей цели. Вы не
против, если я пойду с вами?

--- Что? --- восклицаю я. --- Тебя
тотально удолбало что ли?

Он очаровательно улыбается мне, и

местах края воронок достигали шести метров в высоту и около пятидесяти в диаметре. Когда мы подобралась ближе, и до ворот оставалась сотня метров, землю усеяло ковром из пепла, кое-где ветер собирал из него кучи высотой по колено. Я вспомнил, что сюда ударили плазменные торпеды.

--- Вы знаете, что происходит с человеком, который попадает в центр взрыва плазменное боеголовки? --- спрашивает Гудманз, не обращаясь к кому-то конкретно, когда мы ползем по склону еще одной воронки, его роба покрыта слоем серого пепла. Мы все пожимает плечами или качает головой. Гудманз склонился, схватил горстку серого, пыльного пепла и жестоко, хрипло растеялся, позволив ему струйками протекать между пальцев.

--- Ты же не умеешь в вуду... --- начала Лори, а затем издала стон отвращения, когда Гудманз кивнул.

--- Император! Я проглотил пепел чьих-то останков! --- ругается Лорон и стремительно начинает плевать, чтобы прочистить рот.

--- Вы все, тихо! --- равняет
Полковник. --- Мы почти у ворот.

С ЛАЗГАНОВ наготове я шагнул в
маленькую дверь левой наблюдательной
башни. Когда я оказываюсь внутри, тогда
понимаю, почему Полковник так уверенно
вел нас через ворота. Повсюду на полу и
вверх по спиральной лестнице лежат тела
мужчин и женщин, их синие лица
искажены предсмертными судорогами.

--- Я полагаю, воздушные токсины, ---
борочет Гудманз, приглядываясь к одному
из тел, молодой женщине, около двадцати
лет, на ней униформа сержанта Тифона.

--- Откуда? --- задает вопрос Страйден,
который также возник и в моей голове.

--- Продолжает идти, --- приказывает
Полковник, стоящий чуть выше по
лестнице. Когда мы достигаем верха, весь
верхний уровень представляет собой
огромный зал.

Повсюду валяются гильзы, рядом с
несколькими установленными
автоматиками лежат тела их расчетов.

--- Гудманз, --- привлекает внимание

техножреца Полковник и кивает на терминал во внутренней стене, смотрящий в противоположную сторону от ворот. Техножрец шаркает туда и склоняется у стены. Он протягивает руку к уху и что-то вытаскивает оттуда. Это небольшой шпатель, размером примерно с палец и пока он вытаскивает его дальше, я замечаю блестящий провод между ним и головой Гудманза. Нажав пару рун на терминале, он вставляет шпатель в углубление посередине хитрого устройства и закрывает глаза. Дисплей, мигнув, оживает и отбрасывает зеленое сияние на морщинистое, престарелое лицо техножреца. По экрану мелькает последовательность изображений, слишком быстро, чтобы разобрать хоть какие-то отдельные, но складывается впечатление, что это какая-то карта или план. Затем бегут колонки цифр, снова столь же быстро, чтобы можно было прочесть, последовательность цифр едва появляется, как ее тут же сменяют новые данные. С ворчанием Гудманз отходит на шаг, выдергивает шпатель из

углубления и тот становится обратно ему в череп.

--- Как раз то, что я ожидал, --- отвечает он Полковнику, --- они стенили некоторые протоколы безопасности во внутренних зонах и перестроили проходы к плазменным камерам.

--- Ты получил карту этого места? --- с удивлением спрашивает Лори. --- Как ты смог запомнить всю эту информацию? Это место больше сорока километров в поперечнике!

--- Подкожный мозговой метеограф, --- отвечает Гудманз, постукивая пальцем по своему черепу над правым глазом, --- они забрали не все мои импланты.

--- Я не претендую, что понял хоть слово из этого, --- влещиваюсь я, --- но я так понимаю, у тебя в голове точная копия последнего плана?

--- Верно, --- подтверждает он, кивая, после чего натягивает на голову капюшон. Я разворачиваюсь к Полковнику.

--- Он упомянул о плазменных камерах, Полковник, --- говорю я, --- что на самом деле здесь происходит?

--- Коританорум питают три плазменных реактора, --- объясняет он все собравшимся, --- мы проберемся к главному генератору и отключим их. Каждая система, каждый защитный экран, размещенное энергетическое оружие, как и большинство главных артиллерийских башен, подключены к этой энергосистеме.

--- Понятно, --- соглашается Лори, --- но как мы попадем туда?

Полковник просто указывает на ближайший труп.

--- ПРОНИКНУТЬ в следующий круг будет сложнее, --- предупреждает Гудманз Полковника.

С нашей украденной униформой, которая подошла нам лучше, чем пестрое торгуанское одеяние, пробраться внутрь оказалось не сложно. Все, кажется, воспринимали как должное, когда мимо проходил офицер с гвардейцами в компании с техножрецом. К этому времени они воевали уже два года, так что я подозреваю, что безопасность несколько ослабла. В конце концов, никто не был

достаточно глуп, чтобы войти сюда без
армии. Конечно же, исключая нас. Спрятав
свои волосы исключительного цвета под
гвардейский шлем Тифона, и частично
закрыв лица высоким воротником синего
жакета, даже Лори и Лорон остались
незамеченными. Я не был уверен, что за
униформу выбрал себе Полковник, но,
казалось, что она заставляет Тифонцев
как можно меньше привлекать к себе его
внимание. Она черная, совсем без
опознавательных знаков, и я задумываюсь,
а не принадлежала ли она какому-то
местному отделению комиссариата?
Даже с украденной формой он умудряется
выглядеть как кто-то, от кого все
разбегаются в страхе. Типично. Отбросив
свой камуфляжный плащ, Страйген
оказался тощим молодым человеком,
около двадцати, почти с болезненной
худобой, хотя его походка не выдавала
неуклюжесть, которую можно было
ожидать.

Я начинаю понимать еще больше,
почему невозможно взять Коританорум
открытым штурмом. Даже если собрать

артию подходящих размеров, расположение нижних уровней примерно циклическое, серия из четырех concentрических кругов, судя по Гудманзу. Каждый соединялся со следующим единственным туннелем, который располагался на противоположной стороне каждого кольца так, чтобы добраться из одного в другое, нужно пройти половину окружности кольца. Даже воздуховоды и силовые кабели строители сделали круговыми, так что через них тоже нельзя проложить быстрый маршрут. У нас займет как минимум полтора дня, чтобы просто обогнуть внешний круг. Утром мы пару часов поспали в пустом бараке и сейчас уже середина дня, мы находимся в маленькой комнате, выходящей в проход, который ведет к следующим охраняемым воротам.

--- Что нам нужно сделать? --- спрашивает Шеффер, подтаскивает стул к хромированному столу и усаживается в него. Простая, белая комната почти пуста, за исключением стола и стула, о которых явно просто забыли.

--- Мы должны добраться до офицера

охраны — старшего, я имею в виду, — говорит нам Гудманз. Полковник взглянул на меня, пока я отдыхаю у стены.

— Кейдж, возьми Лори, и достаньте мне старшего офицера безопасности, — спокойно говорит он, словно просит меня метнуться и принести крема для полировки ботинок или что-то в этом духе.

Мы с Лори обмениваемся взглядами и направляемся к двери. Коридор слабо пахнет дезинфицирующими средствами и ярко блестит после недавней уборки. Главный туннель весьма высок и широк, его ромбовидное поперечное сечение встречается на пять метров верх и десять в ширину у основания с постепенно наклоняющимися стенами. Каждая поверхность устлана сияющими металлическими панелями, словно стальными досками, прибитыми заклепками к обнаженной скале. Несколько человек идут в разные стороны, практически не обращают на нас внимания. Большинство из них гвардейцы, но изредка туда-сюда шастают писчие

Администратура. Мы с Лори прогуливаемся вдоль коридора, пока не подходим к переходу, который гораздо уже и под углом вводит вправо. Мы опираемся на стену и начинаем болтать, осматривая подгоны на плечах каждого, в поисках человека, которого мы ищем. Для всех остальных, мы выглядим так, словно бездельничаем, просто гвардейцы в отгуле.

--- Ты думаешь, мы сможем выключить? --- спрашивает Лори, практически шепотом, на самом деле ее голос стал похож на нежное журлыканье.

--- Если кто-то и может, то это мы, --- уверяю я ее, почесывая зудящее бедро, поскольку материал белых брюк Тифона достаточно грубый.

--- Даже когда вырубим подачу энергии, это место не так легко будет взять, --- криво ухмыльнувшись, отвечает она.

--- Я думал об этом, и не считаю, что это вообще нужно будет захватывать, --- отвечаю после того что мы проделаем, --- отвечаю, озвучивая растущие у меня в уме подозрения, после того как Полковник в

общих чертах обрисовал свой план.

--- Я не понимаю тебя, --- отвечает она, ее тонкие светлые брови немного нахмурились.

--- Эта идея, пробраться в плазменные камеры и отключить их... --- начинаю я, но затолкаю, когда она взволнованно смотрит на меня и затем стреляет взглядом через мое плечо на главный коридор у меня за спиной. Я отодвигаюсь от стены и смотрю туда. Прямо к нам идут три бойца, двое в униформе службы безопасности, которую мы видели раньше: темно-синие комбинезоны, металлические глубинки, свисающие с кожаных ремней, островерхие фуражки вместо шлемов. Мужчина между них офицер безопасности, одет в схожую униформу, но по всей длине рукавов и брюк бежит красный латпас. Одной рукой он держит короткую трость, словно сержант-тренер, его отточенные движения показывают, что он не даст никому спуску. Когда они проходят мимо нас, мы в паре метров сзади увязывается за ними. Незаметно достаю нож с коротким лезвием, я нашел его на кухне, куда мы

наведывались прошлой ночью за едой, и мы
убыстряет шаги. Оглянувшись и
убедившись, что мы остались наедине, мы
начинаем.

Боец безопасности справа передо
мной, услышал наши шаги и
разворачивается. Мы с Лори бьем
одновременно, мой нож входит в левый
глаз того, кто поворачивался к нам. Лори,
словно змея, обхватывает руками голову и
шею второго, и с чудовищным хрустом,
одним резким движением ломает тому
шею. Офицер быстро реагирует и бьет
меня тростью. Он попадает мне в левую
руку, она, должно быть, находится под
напряжением или что-то в этом роде,
потому как болевой шок докатывается аж
до плеча. Лори слишком быстрая, чтобы он
успел ударить во второй раз, она уперла
свое колено в локоть его вытянутой руки и
рубанула правой по запястью, ломая ее. По
полу с лязгом покатилась трость. Он орет
от боли, и Лори резко взмахнув левой
рукой, тыльной стороной ладони разбивает
ему нос, его голова от удара откидывается
назад. Его ноги подгибаются, кровь

заливает лицо. Ударом ноги, она запечатывает ему в подбородок, полностью бессознательное тело валится на пол.

Мы как раз восстановили дыхание и размышляет о том, что делать дальше, когда из следующего бокового коридора показывается клерикус, пристально смотрящий в открытый свиток в своих руках.

--- Фраз! --- выплевываю я, его глаза почти широко открываются, когда он видит нас двоих, присевших над телом, что похоже на три трупа солдат безопасности. Пытаюсь прыгнуть вслеп за ним, но удар шоковой трости словно заморозил всю правую сторону, и я заваливаюсь на бок. Agent издает вопль, роняет пергамент и разворачивается, чтобы побежать, но Лори вскакивает за ним. Пять взмахов ее длинных, худых ног и она оказывается рядом. Она подпрыгивает, ее левая нога бьет прямо в основание черепа и тот летит лицом вперед, пока она мягко приземляется на ноги. Она хватается его голову точно так же, как охранника, и

ломает ему позвоночник, словно скручивает шею какой-нибудь птице на ужин.

К счастью, никто больше не появляется, и за первой же открытой дверью мы находим пустую комнату терминала. Затащив труны внутрь, я закрываю дверь, и затем втыкаю лезвие ножа в замок, после чего ломаю его резким поворотом запястья.

--- Надеюсь, никому не понадобится сюда заглядывать, --- говорю я, когда мы хватает офицера за руки и тащим вдоль коридора.

--- Ты там как-то совершенно по-особенному двигалась, --- комментирую я, когда мы подходим к развилке. Лорд выглядывает за угол.

--- Специальная подготовка, --- отвечает он, подавая знак.

--- Так в каком подразделении ты была, когда тебя отослали в штрафной батальон? --- спрашиваю я, осознавая, что все, что мы знаем о близнецах, начинается после того, как их разжаловали.

--- Я служила в специальном отряде

проникновения. Нас было пятьдесят, ---
отвечает она мне, возвращаясь, чтобы
взять находящегося без сознания офицера
Тифона, --- на самом деле, я не имею права
об это рассказывать.

--- Ты была... специалистом в этой
команде? --- спрашиваю я, осторожно
подбирая слова, учитывая предупреждение
Лорона относительно их диковинного
внешнего вида.

--- О, нет, --- отвечает она, глядя на
меня с улыбкой, --- мы все такие. Это было
частью нашей уникальной... хм,
подготовки и тренировки.

Я снова начинаю ощущать свою левую
руку и, перекинув находящегося без
сознания повстанца через плечо, мы
бежим. Мы подскакивает к двери, за
которой нас ждут остальные, и я пинаю ее
ногой.

--- Да? --- слышу я, как Полковник
спрашивает изнутри.

--- Это мы, тупые вы фразгеры, дайте
войти! --- быстро ругаясь я в зазор между
дверью и рамой, мое лицо упирается в
холодный металл двери, а плечо начинает

болеть от бесчувственной ноши. Дверь
начинает со скрипом открываться, и я
неуклюже вваливаюсь внутрь, отбрасывая в
сторону Страйдена, который сжимает в
руке пистолет. Не церемонясь, я сваливаю
офицера у ног Гудманза и громко вздыхаю
от облегчения, в это время Лори пинком
закрывает дверь за нами.

— Этот пойдёт? — спрашиваю я
Гудманза. — Потому что если нет, вы,
мля, можете сами отправляться за
следующим!

— Он жив? — спрашивает Полковник.
наш пленник издает стон и начинает вяло
шевелиться.

— Ох, это не обязательно, — уверяет
нас Гудманз, напряженно стоя на коленях
рядом с распростертым предателем, его
пальцы начинают что-то делать с шей
мужчины, но я не мог рассмотреть. Когда
техножрец завершает, наш пленник трепн
его лицо залито кровью.

— Ты что сделал с ним? —
спрашивает Страйден, склонившись,
чтобы рассмотреть поближе, его лицо
сияет от любопытства и возбуждения.

--- Я просто перенаправил поток крови в его сонной артерии и яремной вены, чтобы создать кровотоечение в мозге, --- объясняет техножрец таким же обыденным тоном, каким в моем воображении он мог описывать, как функционирует верньер частот на комм-аппарате. Я непроизвольно вздрогнул и отошел.

--- И что нам теперь делать с ним? --- спрашивает Полковник, все еще сидя на своем месте с тех пор как мы ушли несколько минут назад. Вставая на ноги, Гудманз смотрит на меня, его колени громко трещат, протестуя против такого грубого обращения.

--- Нам нужна какая-нибудь пила, --- отвечает он, выжидаяще глядя на меня, склонив свою изможденную голову в сторону.

--- Ох, да отвалите, --- горестно отвечаю я.

УЧИТЫВАЯ все сложности, через которые нам пришлось пройти, чтобы достать все, что затребовал Гудманз,

было бы легче просто единолично
штуртовать проход. Мы целенаправленно
маршируем по главному коридору, к звукам
охранникам, размещенным у входа в
следующее кольцо, я про себя возношу
молитву Императору, чтобы эта нелепая
схема сработала.

В конце концов, мы решили, что
лучше просто вломиться в лазарет и
достать все, что было в списке Гудманза.
Полковник, Лорон, Страйден и я
отправились назад в больничку, в паре
километров обратно, откуда пришли. Мы
знали, что невозможно найти медицинское
учреждение в цитадели, которое бы не
было забито ранеными и решили просто
пойти в ближайшее. Так что мы тащили
Страйдена, который отпινывался и
кричал так, что его было слышно во всем
лазарете, он сжимал руками свое лицо.

— Ослепление плазмой, — коротко
сказал Полковник, когда нас обступили
медики.

Я отпустил Страйдена и вошел в
следующую комнату, где находились около
пятидесяти раненных солдат, некоторые

на койках, но большинство спят на грубых
поддонах на полу. Комната воняла кровью
и инфекцией, с едва заметным горьким
запахом гигиенических жидкостей.
Проходя в другую комнату, я заметил, что
Лорон закрыл дверь в медицинский центр.
Я не видел, что произошло дальше, но в
палату шагнул Полковник со связкой
латунных ключей в руке. Выйдя оттуда,
он отправил меня убирать тела, пока сам
заберет хирургические инструменты,
которые понадобились Гудманзу. Я
вернулся обратно и заметил, как странно
смотрят друг на друга Лорон и Страйден.
Взглянув на двух мертвых медиков, я
увидел, что их рты раскрыты в крике, но
не нашел на телах больше никаких
повреждений. Я спросил, что сделал
Полковник, но они отказались отвечать,
сказав, что кое-какие вещи лучше забыть.

Вот после этого мы и попали сюда.
Полковник переоделся в униформу офицера
безопасности, и смело шагает к двум
охранникам. Быстро обменявшись
взглядами, они вытягиваются по стойке
строго, когда замечают, как мы

приближается. Никто из них не говорит ни слова когда Полковник с Гудманзом подходят к красной стеклянной панели на стене с правой стороны от двери. Гудманз встает между охранниками и Шеффером, который невинно держит руки за спиной так, чтобы они не видели то, что вижу я.

Полковник вытаскивает отрезанную руку офицера из темного рукава Гудманза и ловко втыкает трубку, торчащую из зашитого шва на запястье мертвого куса тела, себе в интравенный катетер, вставленный ранее Гудманзом. Его собственный пульс симулирует сердцебиение в мертвой руке, Полковник прикладывает ее к экрану, луч желтого света играет вокруг пальцев, очевидно, считывая отпечатки. Экран зеленеет и тишину спикер, встроенный в потолок. Так же квалифицированно? как и подсоединил, Полковник отсоединяет от себя руку и передает ее обратно Гудманзу.

Когда мы входим в открытые ворота, два охранника отдают нам честь, вытянув лазерные карабины вдоль шва на правой брючине, их лица покорно смотрят

куда-то вдаль. Это поза мне хорошо известна по своей службе в гарнизоне.

— Быстрее, — шипит меж сжатых губ Полковник, когда мы проходим пару метров по туннелю. Подойдя к нему, я загадочно смотрю на него. Он замечает это и бросает взгляд на свою правую руку, после чего снова устремляет взор вперед. Я тайком глянул вниз и ком встаёт у меня в горле, когда я осознаю, что по его запястью стекают капли крови, собираются на кончиках пальцев и периодически падают на пол. Я оглядываюсь через плечо, к счастью, два охранника стоят точно так же вытянувшись, но не пройдет много времени, прежде чем один из них посмотрит нам вслеп и увидит маленькие пятна крови на металлическом полу. Мы поворачиваем на следующем перекрестке, так как в первом находятся какие-то люди, и бежим, послав вперед Лори, чтобы она сначала проверила его.

Она через некоторое время возвращается и ведет нас по безлюдному туннелю, пока мы не находим пустой

жилой комплекс. Пол покрыт красно-белой
треугольной плиткой, и я думаю, что
Тифонцы на самом деле любят
треугольники. В подземных квартирках,
кажется, кто-то обитает, но в данный
момент никого нет дома. Лорон начинает
проверять все двадцать стеклянных дверей
в круглой жилой зоне в центре этого
маленького комплекса, и третья
оказывается незапертой.

— Я полню дни, когда можно было без
страха оставлять дверь незакрытой, —
шепчет Лори. Поспешив внутрь, мы
обнаруживает столовую, оканчивающуюся
маленькой кухонькой.

Пол и стены тоже покрыты плиткой
двух различных оттенков синего.
Полковник вырывает катетер из руки и
швыряет его в гробилку для отходов около
маленькой плитки для приготовления еды.

— Я думал, что все должно быть
герметично без вставленной трубки! —
громко рывкает Полковник на Тудманза,
который вздрагивает от ярости
Шеффера.

— Должно быть, возник какой-то

обратный поток крови из руки повстанца, -- объясняет он, медленно поднимая руки в успокаивающем жесте, -- они не предназначены для такой процедуры, пожалуйста, заполните это.

Полковник немного успокаивается, и мы начинаем рыться в жилище. В жилой зоне нашлись две маленькие спальни, и у них две отдельные ваннные комнаты с туалетными и ванной.

-- Угачливые ублюдки, -- говорю я Страйдену, пока он плещет себе на лицо холодную воду, -- в моих бараках никогда не было ничего подобного.

-- Это не бараки, Кейдж, -- поправляет меня Полковник из другой комнаты, -- второе и третье кольцо -- это фабричная зона. Здесь живут гражданские.

-- Гражданские? -- спрашивает Лори, ее голова появляется из-за двери одной из ваннных комнат, на ней красуется темнокрасная фетровая шляпа с полями.

-- Да, гражданские, -- повторяет Полковник, -- это столица Тифон Прайм, а не просто крепость. И снимите эту дурацкую шляпу!

Лори снова исчезает, бормоча что-то о том, что эта шляпка ей идет. Лорон, который остался следить за входной дверью, предупреждающе свистит.

--- Кто-то идет! --- шепчет он, отходя от стеклянной панели.

Когда прямо за дверью показывается фигура, мы забиваемся в одну из спален, в то время как Полковник следит за ней из жилой зоны. Я слышу, как входная дверь открывается и закрывается, Полковник ныряет обратно внутрь, на его лице испуг. Странно это видеть, насколько, кажется, он ожил, когда мы попали внутрь Коританорума. Кажется, он живет только ради этого. Возможно, это так и есть.

Дверь в спальню открывается и входит пухлая дама средних лет. Стремительный как вспышка, Кронин хватается ее из-за двери, зажимает рот своей костлявой рукой.

--- И изрек Император, что кроткие и толчаливые будут вознаграждены, --- он мягко шепчет ей в ухо. Ее взор бежит то влево, то вправо, смотрит на незнакомцев в своей спальне, в ее ошалевших от ужаса

глазах стоит страх.

— Ну и какого флага нам с ней сделать? — спрашивает Полковника, когда Кронин ведет ее в спальню. Он приложил палец к губам, и она понимающе кивает, тогда он отпускает ее. Она начинает скулить от страха, но не кричит.

— Мы не можем взять ее с собой, но и здесь оставить не можем — она раскроет нас, — говорит Лори, злобным взглядом пожирая нашу пленницу.

— Вы не можете просто убить ее! — восклицает Страйден, вставая перед Полковником на защиту женщины.

— Она уже мертва, — своим хриплым голосом тихо произносит Гудманз. Полковник смотрит на меня и слегка кивает.

Пока внимание Страйдена приковано к Полковнику, он не замечает, как я подхожу к кровати. Женщина также смотрит на Полковника, возможно, размышляя о том, почему у нее дома появился офицер безопасности. Я наклоняюсь над кроватью, и до того как женщина понимает, что происходит,

хватаю ее за горло двумя руками. Она издает придушенный вскрик и начинает вслепую махать руками, ее ногти впиваются мне в лицо. Она корчится и дергается, пока я сжимаю сильнее, ее глаза смотрят на меня, в них по очереди отражается то мольба, то гнев. Я чувствую, как кто-то хватается за мои плечи, Страйден орет что-то мне в ухо, но вся моя вселенная превратилась только в меня и эту женщину. Ее сопротивление слабеет, и руки падают на постельное белье, которое собралось вокруг нее из-за судорожной борьбы. Окончательным усилием я выдавливаю из нее жизнь, ее мертвые глаза смотрят на меня в замешательстве и обвиняют. Я чувствую, как кто-то оттаскивает лейтенанта флота от моей спины, и медленно отпускаю ее горло. Я смотрю на ее синеватое личико, в данный момент фиолетовое от удушья, и ничего не ощущаю. Ни вины, ни раскаяния.

Внутри меня, казалось, умерла еще одна часть человека.

--- Это было слишком, --- с сомнением

высказывается Лорон, когда я падаю на кровать.

--- Как Гудманз сказал, она уже мертва, --- отвечаю я им всем, --- если мы преуспеем, они все будут мертвы, все три миллиона.

--- Что? --- спрашивает Лори, подходит к кровати и закрывает глаза мертвой женщины.

--- Мы ведь не собираемся отключить плазменные реакторы, а, Полковник? --- спрашиваю я, глядя на Шеффера.

--- Нет, --- отвечает он коротко и качает головой.

--- Я не техножрец, но в улье мне довелось запускать плазменные реакторы, --- объясняю я им, шлепаясь на пластиковый стул рядом с тем, что выглядит как туалетный столик, --- как только их запустили, то нельзя выключить, это питающий сам себя процесс. Но вы можете перегрузить их.

--- Мы собираемся перегрузить один из плазменных ректоров? --- спрашивает Лорон, поворачиваясь к Гудманзу и Полковнику, которые стоят у двери.

--- На самом деле, все три, ---
отвечает Гудманз, --- они неразрывно
связанны друг с другом, если один выйдет
из строя, остальные тоже.

--- Назовите меня тупой, --- говорит
Лори, садясь на край кровати, --- но я до сих
пор не понимаю, к чему вы клоните. Мы
вырубает питание, перегружая реакторы,
а не отключает их, и что?

Гудманз тяжело вздыхает и
опускается на кровать рядом с Лори, в
каждом его движении сквозит усталость.

--- Давай я попробую объяснить в
терминах, которые вы сможете понять, ---
говорит он, глядя на нас всех по очереди, ---
плазменный реактор, в сущности ---
миниатюрная звезда, запертая внутри
гравитетических и электромагнитных
силовых стен. Если вы снимите
благословение Бога-Машины с этих
щитов, в звезде начнется цепная реакция,
и, в конечном счете, произойдет
детонация. Три плазменных реактора
вызовут взаимную цепную реакцию,
которая вызовет взрыв, радиусом примерно
в шестьдесят километров.

--- Не останется ничего кроме пенла, ---
добавляет Полковник, --- а в самом
эпицентре не останется даже пенла.

--- Похоже, что это чересчур
чрезвычайный способ выиграть войну, ---
высказывается Страйден, который
совершенно не успокоился.

--- Мы должны сделать именно так.
Больше я вам ничего не скажу, ---
решиительно заявляет Полковник, --- мы
должны двигаться дальше, я хочу найти
еще один терминал, чтобы Гудманз мог
проверить, что там делает служба
безопасности. Как эксперт, я считаю, что
к этому времени найдут хотя бы одно
тело, и хочу знать, подозревают ли они о
вражеском проникновении. Нам придется
продвигаться еще осторожней.

ПРИМЕРНО полчаса спустя, мы
идем вдоль главного вроде бы проезда через
фабричную зону. Закрытые массивными
ставнями ворота заполняют одну из стен,
полагаю, они указывают на закрытые
места, где рабочие больше не могут
производить боеприпасы. Потолок и стены
выложены скорее из кирпича, чем из

металла, но теперь уже знакомая любовь
Тифонцев к различным цветам и
геометрическим фигурам, воплотилась в
огромную мозаику, которая покрывает пол
проезда шириной в двадцать метров.
Кроме Гудманза, которые носят свою
обычную робу, так как техножрецы здесь
обычное дело, мы все переоделись в
гражданскую одежду, взятую из жилищных
блоков, где я задушил женщину. Лори
получила симпатичное ярко синее платье
и шляпку, которую она нашла, в то время
как ее брат, Страйден и я надели
серовато-коричневые рабочие комбинезоны.

Полковник, пусть сгниет его душа,
утрудился найти что-то вроде свадебного
костюма, узкие черные бриджи и глинное
темное синее пальто. Это совсем не
отличается от одежды окружающих, как
вы могли бы подумать, кажется, что
такую же одежду носят здесь достаточно
высокопоставленные гражданские. Кронин
нашел какую-то безрукавку из грубой
ткани и леггинсы, которые ему
коротковаты. Судя по небольшому размеру
и инструментам, которые мы нашли в

этой квартире, я полагаю, они принадлежали ключнику. На Олимпе у нас были такие, что ж, они до сих пор там есть, я полагаю. Их работа заключается в том, чтобы пролезать во внутренности машинерии и подтягивать гайки и цепи. Это опасная работа, потому что ты не можешь себе позволить остановить машину, и с легкостью можешь потерять конечность или голову в какой-нибудь вращающейся установке или насосном поршне. Самое жестокое, что я видел — отослать пару других ключников вытаскивать тело, которое застряло в трансмиссионном механизме. Конечно же, во время полномасштабных торговых войн, их работа заключалась в прямо противоположном, они проникали на вражеский фабрики и устраивали саботаж.

Мы практически безоружны, поскольку побросали захваченное оружие в гробилку для отходов жилого комплекса. Хотя у меня в комбинезоне всегда спрятан нож, так что я не был полностью беззащитен. В этот момент вокруг

появляется намного больше людей. Я думаю, должно быть, перестенка, несколько минут назад звучал клаксон и улицы, хотя я называю их улицы, на самом деле это широкие коридоры, наполняются толпами. Здесь, под землей, я чувствую себя как дома. Когда я оказываюсь в других городах, у меня всегда оставалось странное чувство, словно кто-то украл крышу. Я полагаю, если вы рождены в улье, вы будете испытывать то же самое. Мы нежно разошлись, чтобы не привлекать к себе слишком много внимания, после того как Гудманз сказал нам направляться против часовой стрелки по второму кольцу.

Гудманз нашел еще один терминал, к которому подключился, и сказал, что силы безопасности бурно обмениваются докладом. Какой-то утлый офицер осознал, что есть связь между волной убийств во внешнем кольце и кровавыми следами рядом с воротами в следующий круг. Так же возник вопрос о мертвых солдатах в сторожках, и они усилили охрану третьего кольца, в которое мы как раз и собираемся. Гудманз уверил нас, что

там бюджет гораздо больше трафик между вторым и третьим кольцом, так как это гражданские зоны, но если у охраны зудит, то будут всяческие проблемы.

Шагая рядом со Страйденом, который затих и обиделся после того, как я убил женщину, я ловлю обрывки разговоров между людьми вокруг. Большинство болтает об обыденных вещах: как на полу фабрики босс ител какую-то распутную девку, какие планы на свадьбу, насколько в последнее время испортилась еда в фабричных столовых. Повседневная жизнь отрицает бышующий поблизости конфликт.

Но они так же немного говорят о войне, и это начинает стущать меня. Они говорят об этих «проклятых повстанцах» и «армиях предателей» вставших лагерем под их стенами. Эти люди, кажется, считают, что повстанцы мы, а не они. Они обвиняют повстанцев, а итею в виду на самом деле Империя, что те начали войну и атаковали без предупреждения. Я спрошу об этом Полковника, если в этом будет какой-то смысл, но я полагаю, что

он не даст мне прямого ответа.

Когда люди вокруг начинают расходиться, я замечаю впереди нас Кронина, кажется, он спорит с парой местных рабочих. Должно быть, он разделился с Лороном, который должен был приглядывать за больным на голову. Ругаясь про себя, я спешу вперед.

--- Просто попроси прощения, --- сердито произносит один из фабричных рабочих, перевеи руки в бока. Его лицо покрыто шрамами от ожогов, а голова начинает лысеть. Кронин не высок, но он все же, на пару сантиметров выше, чем его маленький приятель.

--- И все были благословлены перед очами Императора, --- говорит Кронин, возбуждаясь и расстраиваясь, что его не смогут понять.

--- Прекрати молоть эту чушь, --- рычит другой рабочий, --- ты вообразил, что ты проповедник что ли?

--- Почему бы нам всем не успокоиться? --- взывает Страйден, когда мы подсакиваем к ним.

--- Ты что, с другой планеты что ли?

— требует ответа первый, разворачиваясь к нам. Его друг встает рядом с ним, поддерживая его угрожающую позу. Он прилично моего веса, его толстый бицепс и солидные предплечья говорят о том, что он не понаслышке знаком с тяжелым ручным трудом. Похоже, что он мог постоять за себя, но опять же, я тоже.

— Все кончится плохо, если вы не отвалите сейчас же! — зашипел я на них, вступая в перепалку с этой парочкой.

— Вы все одинаковые, прилетаете сюда и рассказываете, как нам работать на фабриках! — говорит второй, обвиняюще указывая на меня пальцем, — обходитесь с нами, словно мы свалились с неба как вы.

— Если пришло время кое-кого поставить на место, зовите меня, — я просто смеюсь, не могу остановиться. Настолько все нелепо, потрясающая ирония. Я дрался на десятках войн, и теперь почти ввязался в драку с парочкой работяг, потому что у меня инопланетный акцент. В моем слухе возникают какие-то сумасшедшие нотки, они внезапно обеспокоенно уставились на

меня.

--- Вы все безумцы! --- выплевывает первый, поднимая с отворачиванием руки, --- все вы, инопланетники.

--- Достаточно безумны, --- говорю я, вкладывая столько злобы в эти два слова, сколько могу. Длинный осознает, что это не пустая угроза и хватается своего друга за плечи, оттаскивая его в сторону. Коротышка продолжает злобно смотреть на нас, вызывая заинтересованные взгляды проходящих мимо.

--- Ты! --- рычу я на Кронина, хватая его за воротник и поднимая на носки. --- Ты идешь за мной и молчишь!

Пропихнув двух других штрафников «Последнего шанса» вперед, я последний раз осматриваюсь. Дальше впереди по коридору идет отряд из трех офицеров безопасности, и я вижу, как молодая женщина спешит к ним. Я иду быстрее, стараясь поспешить, но одновременно оставаться незаметным, что является каким-то подвигом, скажу я вам. Я слышу, как сзади раздается окрик остановиться.

--- Фраз! --- ругаюсь я, срываясь в бег и

хватая двух остальных, когда пробегаю
между ними, — двигайте ногами, у нас
проблемы!

СЛЕДУЮЩИЕ два часа были
худшими в моей жизни. От Полковника,
Лорона, Лори или Гудманза ни слуху, ни
духу, и наша троица как сумасшедшая
сваливала от охраны, заполонившей
фабричную зону. Один раз мы завернули за
угол и влетели прямо в пятерых. К
счастью, мы с Крониным шустро
сообразжали, и уложили их после короткого
боя. Они были хорошо вооружены, что было
впервые, у них оказались тяжелые
автоматические пистолеты, которые
наша троица изъала у бесчувственных
тел. Это все привело нас к тому месту,
где я сейчас оказался. Я сижу с
пистолетами в обеих руках на верху
лестницы, пока Страйден и Кронин за
моей спиной пытаются рычагом выломать
вентиляционную решетку. Это было
чистой удачей, что мы выбрали поворот,
ведущий сюда, в заброшенный фабричный
район. Еще один удачливый поворот привел

нас к этому заводу фильтрации воздуха, и
отсюда уже с легкостью можно было на
некоторое время скрыться с улиц. Хотя
мы тут не абсолютно одни, я слышу
отдаленные перекрикивания охраны друг с
другом. Я не знаю, что происходит
снаружи, но вижу, что в здание еще никто
не вошел.

Раздается лязг, когда решетка
падает на пол, и я вздрагиваю,
обеспокоенный тем, что это мог
услышать кто-нибудь еще. Развернувшись,
я увижу, как мне ухмыляется Страйден.

--- Вы двое вперед, держитесь левее и
не сворачивайте, пока мы не выработаем
какой-нибудь план, --- говорю я им, глядя
вниз по лестнице, чтобы проверить, что
никого нет рядом. Покрытый рокотом
пол завода так же пустынен, как и
секундой раньше. Удовлетворенный тем,
что мы в безопасности, я проталкиваюсь
через отверстие и следую за остальными.

--- ФРАГ ЕГО! --- ору я, ударяя кулаком
по линии металлических труб, --- ради
Императора, дайте отдохнуть!

Я сваливаюсь на землю и от обиды
сжимаю зубы. Полчаса мы ползли вдоль
трубы и затем, когда она расширилась, я
подумал, что мы куда-то выберемся. Я
ошибался. Примерно в двадцати метрах
перед нами вращается огромный
вентилятор, блокируя путь вперед.
Ползти в темноте, не уверенный, что не
провалишься в какую-то дыру в этой
крошечной тьме, мои нервы от всего
этого начали сдавать. Вот только этого
мне не хватало — вернуться на пару сотен
метров назад к последнему повороту.

Собравшись, я встаю и подхожу
поближе к вентилятору. Он вращается не
слишком быстро, но достаточно, чтобы
нельзя было перепрыгнуть через лопасти.
За ними я вижу область, похожую на
коммунальный холл жилой зоны. Как и
большая часть Коританорума, это фойе
выложено плиткой различных цветов и
оттенков, поразительный контраст
блестящему и тусклому металлу улья, в
котором я вырос. Я вижу двух детей,
сидящих в центре открытого холла,
играющих в какую-то игру с

использованием рук. В общем, это не
выглядит неприятным местом для жизни,
даже с беснующейся войной за стенами.
Изучаю сам вентилятор, кажется он
сделан из какой-то керамики, его диаметр
примерно четыре метра. На другой
стороне тонкая металлическая сетка, ее
ячейки забиты всяким мусором и прочей
дрянью, я полагаю, она предназначена,
чтобы вентилятор не заклинило.

--- Чуть отойдите, --- говорю я
остальным, отшагивая от вентилятора и
доставая из-за пояса рабочего комбинезона
пистолеты.

--- Ты что собираешься делать? ---
спрашивает Страйден, глядя на
пистолеты.

--- Проявляя инициативу, --- отвечаю я
ему, целясь из обеих в трубу.
Ослепительно вспыхивают стволы,
отражаясь от металла воздушной шахты,
и труба наполняется звоном от
грохнувших выстрелов. Как я и
рассчитывал, лопасти крошатся на куски,
которые летят во все стороны. Когда слух
восстанавливается, я слышу крики с другой

стороны шахты. Я проталкиваюсь вперед, мимо искореженных останков привода вентилятора. В коммунальной зоне в этот момент собралось около двух десятков человек, все смотрят на меня, стоящего в конце трубы, с пистолетом в каждой руке. Я пинаю решетку, заставляя некоторых из них отпрыгнуть, она со звоном падает на пол.

--- Любой, кто двинется --- умрет, --- спокойным и уверенным голосом заявляю я им. Именно это я и имею в виду. Я смотрю на их ошеломленные лица, и мой внутренний взор видит в каждом из них всего лишь кучку тепла. Они все умрут, если ты преуспеет. Они все ходячие трубы. Кронин и Страйден толпятся за моей спиной, и я спускаюсь вниз на пару метров по стене, размахивая пистолетами, чтобы никто не подобрался слишком близко. Двое детей прилипли к своей маме, тонкой молодой женщине в красном рабочем комбинезоне, их глаза широко раскрыты от страха. Но на самом деле, они не дети, просто две маленькие, жалкие кучки тепла. Я слышу, как остальные прыгают за

льной, держа в руке пистолет, но мне
подходит Кронин. Когда мы идём вперед,
толпа расступается перед нами, все
внимание каждого приковано к грозному
очарованию чужаков, которые столь
жестоко и неожиданно ввалились в их
жизни.

Мы почти достигаем уводящего
отсюда коридора, когда это случается,
какой-то геройский игрок пытается
схватить оружие Кронина. Пистолет в
моей руке изрыгает смерть и
отбрасывает изуродованный труп в толпу,
которая немедленно начинает истерично
вопить и разбегаться по своим квартирам.
Мы тоже срываемся в бег, спеша убраться
оттуда. Я не хочу тратить и лишней
секунды на мертвецов на площади.

* * *

ВЫБРОСИВ оружие в мусорную
яму -- для конспирации они не очень-то
подходят -- мы идём дальше, к следующим

воротам. Что ж, насколько я могу сказать, время, проведенное в воздушной шахте, каким-то образом включилось мое чувство направления. Мы пересекает своего рода рынок, огромное открытое пространство, полное палаток, большинство из которых вроде бы закрыты. Я полагаю, пока Коританорум в осаде, мало товаров осталось на продажу. Огромная бронзовая статуя, гутаю Махариуса, возвышается в центре площади, стоя на мраморном пьедестале, высотой примерно на три метра выше меня. Хотя это место весьма оживленное, это дает нам возможность избежать бродящих по округе патрулей, мы ныряем в толпу, если они подходят слишком близко. Большинство вокруг составляют женщины и дети, я полагаю, что старшие дети и мужчины тяжело трудятся на фабриках и сражаются, чтобы сдержать огромную цитадель, поскольку петля сил Империи снаружи сжимается все сильнее. Мне интересно, что произошло с остальными штрафниками «Последнего шанса», я бы с радостью дал им пойти и закончить

миссию, пока мы спрятались бы в какой-нибудь дыре. Хотя это не вариант — если только не я мечтаю поджариться в плазменном взрыве.

Тем временем, сделав огромный круг по второму кольцу, мы утвдряется и обрататься к главному коридору. Отсюда легко взять направление и мы спешим, как можем. Понятия не имею, что мы будем делать, когда доберется до прохода, или как мы свяжемся с Полковником, но я решил, что в этот момент нам нужно беспокоиться только об одном. Возрастающая частота появления охраны предупреждает нас о том, что мы приближается к соединяющему туннелю и идем прямо к нему. Про себя отмечаю, насколько хорошо вооружена охрана. Я не могу остановиться и сосчитать их, не вызвав подозрений, но я полагаю, там как минимум десяток бойцов. Мы проходим еще одну сотню метров по коридору, когда мы подходим к сторожке, эмблема сил безопасности украшает крепкие, двойные двери. Рядом никого нет, никакой охраны, и я подхожу поближе, чтобы остотреться,

двое других тупо тащатся за мной, довольные просто следовать моему руководству. Осознав, что нам тут делать нечего, я начинаю разворачиваться. В этот момент я улавливаю, как за мной скрипнула дверь. По моей спине бежит дрожь, когда я слышу, как оттуда кто-то выходит. За спиной я слышу голос Полковника.

--- Заходи внутрь, идиот!

* * *

ДВАДЦАТЬ мертвых охранников лежат внутри сторожки, которая оказалась всего лишь помещением с терминалами, с парой катер вдоль одной из стен. И снова тут мозаика, в этот раз это изображение какой-то битвы из древности, а не абстрактные очертания. Я не могу сказать, что это за сражение, поскольку тела мертвых офицеров безопасности заслоняют обзор. Их раздутые трупы очень сильно напоминают

зваргейцев в башне у ворот, и это
подсказывает мне, что не мы одни
сражаемся против повстанцев изнутри.

--- Вы вовремя, --- говорит Лорон, когда
мы заходим внутрь.

--- Что здесь случилось? --- спрашивает
Страйден, глядя на трупы.

--- Они были мертвы, когда мы
прибыли, --- пожав плечами, отвечает
Лори, --- я думаю, наш невидимый
помощник из сторожевой башни все еще
пристатривает за нами.

--- Вы намеренно что ли хотели
попасться, Кейдж? --- требует ответа
Шеффер, закрывая двери за нами. Он
указывает на Гудманза, который сидит за
самым здоровым терминалом, снова
подключенный.

--- Отсюда мы получили доступ ко
всей сети безопасности и следили за всеми
коммуникационными каналами. Мы
отслеживали доклады о вашем
местонахождении последние четыре часа.
К счастью для вас, Гудманз угрожался
создать несколько ложных докладов и
якобы пожаров, чтобы сбить их со следа.

--- Так как мы пройдем через следующие ворота? --- спрашивает Страйден. --- Они теперь очень внимательны.

--- Как и в прошлый раз, мы просто пройдем через них, --- отвечает нам Полковник, указывая в сторону униформы на трупах вокруг нас.

--- Последние два часа туда-сюда шагают отряды безопасности, еще один не вызовет нежелательного внимания.

Все внимание приковано к Гудманзу, когда он вздыхает, и пока я смотрю, невзвешенный шнур возвращается в голову, после чего он откидывается на спинку стула.

--- Что такое? --- спрашивает Полковник, наклоняется над стулом и пристально взглядывается в полудюжину экранов терминала.

--- Я больше не могу использовать терминальную сеть, --- медленно произносит он, восстанавливаясь от какого-то шока, --- они распознали, что я сделал, и другие техножрецы начали сканировать сеть, ища меня. Я углубился

отключиться до того, как они нашли, но только потому, что у меня достаточно такой практики за последние два дня. Они найдут меня сразу же, как только я снова появлюсь в сети.

--- Что последнее ты выяснил? --- спрашивает Шеффер, отводя взор от экранов, чтобы посмотреть на техножреца.

--- Ничто не указывает на то, что они знают о том, что мы направляемся к плазменным реакторам, --- уверяет он нас, --- они подозревают, что мы пытаемся пробраться в одну из башенных групп в центральной крепости. Им и в голову не приходит, что мы можем сделать что-то более неприятное, чем отключить пару орудий.

--- Хорошо, значит, мы можем продолжать, --- говорит Полковник, выпрямляясь, и пробегаются взглядом по мертвым охранникам в комнате, --- мы должны будем добраться до последнего туннеля до ночи, третье кольцо совсем небольшое.

--- И потом что? --- спрашивает Лорон.

склонившись, чтобы снять комбинезон с
подходящего по размерам охранника.

--- Мы завершим нашу миссию, ---
трачно отвечает Полковник.

--- Я ДУМАЛА насчет нашего
таинственного стража, --- говорит Лори,
пока мы спускается по пролету, который
выводит нас из главного коридора третьего
круга. --- Почему он не взорвал реакторы?

--- Это очень сложный процесс ---
надругаться над сдерживающим полем
такого типа, о котором мы говорили, ---
объясняет Гудманз, пока прихрамывает по
покрытым ступенькам перед нами.

--- Большая часть реактора
предназначена для создания печатей и
хелиграмм, чтобы наверняка сохранилось
благословение Бога-Машины. Множество
систем безопасности будут
останавливать вас, вы не можете просто
дотронуться до руны и пропеть пару
гимнов, чтобы они отключились.
Понадобится кто-нибудь из моего ордена.

--- И я понимаю, почему не послали
туда тебя одного, --- добавляет Лорон.

сылаясь на все возрастающую хрупкость техножреца. Тот, словно каждый час старится на год, он начал сильно медлить с тех пор как, я встретил его три дня назад. Он говорил, что пройдет как минимум месяц, но глядя на его текущее состояние, я не могу вообразить, что он переживет хотя бы послезавтрашний день. Полковник снова молчалив, явно в напряжении от того, что мы приближаемся к цели нашей миссии. Он некоторое время уже вел себя почти как человек, но сейчас вернулся к своему поведению человека-машины.

Третье кольцо похоже на второе, террасы фабрик пересекаются с лабиринтами жилых блоков. Это странная смесь металлических панелей, кирпичной кладки и плитки, все это можно найти во внешних кольцах. Стараясь представить в голове образцы различных стилей, исходя из того малого, что я знал о плане Коританорула, мне кажется, что изначально эта область на самом деле была несколькими цитаделями, которые со временем

медленно переплелись друг с другом, а центральные туннели доступа были сооружены позднее, чтобы связать их всех вместе.

Снаружи наступила ночь, казалось, что все вокруг стало тише. Мы видим немногих людей, большинство из охраны, они обмениваются приветствиями и убегают дальше по своим делам. Когда мы подходим к последнему проходу, протянутые комнаты выглядят по-военному, множество закутков с терминалами и вроде бы как бараки. Пока мы маршируем вдоль изгибающихся коридоров, я ощущаю, как все занервничало, и старюсь отвлечь остальных штрафников «Последнего шанса», чтобы они не сильно дергались.

--- Я вот думаю, как проживает Линскраг? --- спрашиваю я.

--- Ставлю на то, что он рад, что не пошел с нами, --- рискнула предположить Лори, внимательно глядя в боковой туннель.

--- Он мертв, --- тихо информирует идущий впереди нас Полковник.

--- Откуда вы знаете? --- спрашивает Лорон.

--- Потому что штрафной легион, в которые его отослали, получил приказ выступить с диверсионной атакой, когда мы пошли к проходу, --- объясняет он, не глядя на нас.

--- И избегая пламени, Святой Бакстер прыгнул со скал, --- наполовину про себя бормочет Кронин.

--- Он все еще может быть жив, --- говорит Лорон, цепляясь за осколки надежды о судьбе нашего отколовшегося товарища.

--- Нет, --- отвечает нам Полковник, --- я лично отдал комиссару Ханделю четкий приказ --- стоять до последнего человека. Он осуществил приказ буквально.

Следующие пару минут мы идем в тишине, обдумывая такой поворот событий.

--- Что бы вы сделали, если бы мы все отказались от этой миссии? --- спрашивает Лорон, пока Полковник ведет нас налево, через мостик, который проходит над какими-то металлическими

конструкциями, чьи печи в данный момент выключены, -- вы были бы в заднице, если хотя бы половина из нас отказалась.

-- Должен признать, я не ожидал, что Линскраг откажется, -- отвечает Полковник, все еще глядя вперед, -- я думал, что никто из вас не откажется от возможности, которую я предоставил вам. Линскраг оказался более слабохарактерным, чем я думал.

-- Почему вы были так уверены, что мы пойдём? -- упорствует Лорон, поспешив вперед, чтобы пойти рядом с Шеффером.

-- Потому что именно по этой причине вы все еще здесь, -- отвечает он, -- в вас есть жажда к жизни, которая бросает вызов всему. Я знал, что если предложу вам шанс освободиться, вы схватитесь за него.

-- Но Линскраг отказался, -- победоносно выкрикивает Лорон. Пока мы не дошли до конца мостика, мы с минуту молчим, после чего выходим в еще один покрытый металлом коридор, мимо нас пробежала пара психов, бросая на нас

подозрительные взгляды.

--- Должно быть, это напугало вас, --- говорит Лори, когда тифонцы скрываются из виду, --- должно быть, вас встряхнуло, когда Линскраг сказал нет.

Полковник резко останавливается и разворачивается на месте, чтобы взглянуть на нас.

--- Я не выбирал Линскрага в штрафники «Последнего Шанса», он был навязан мне, --- рычит он на нас, --- остальных из вас я выбрал лично. Я изучил ваши дела, наблюдал за вами в бою и оценил ваши личности. Я не просто так побывал на войнах в десятке миров за последние три года. Я был там, чтобы убедиться в вас.

На этих словах он разворачивается и шагает дальше. Пару секунд мы ошеломленно смотрим друг на друга, после чего спешим за Шеффером.

--- Вы имеете в виду, что знали, почему все это приведет? --- спрашиваю я, пораженный этой идеей.

--- Да, --- вот и все что он отвечает.

--- Вы собрали четыре тысячи

человек, когда знали, что только горстка
стожит добратся до этого места? ---
настойчиво дожилаю я.

--- Да, --- и снова это все, что он
произносит, я ощущаю, как он просто
светится от злости.

--- Почему? --- требую я ответа. --- На
кой черт все это нужно было?

--- Потому, что нам нужны были
лучшие, Кейдж, --- отвечает он сквозь
сжатые зубы, --- нравится вам это или
нет, «Последний шанс» в этой части
галактики производит лучших, умеющих
остаться в живых бойцов. Вы все показали
свои навыки боя и качества личности,
необходимые для этой миссии. Я
испытывал вас уничтожением, но не смог
слобить.

--- Испытывали? --- я почти ору на
него, обуздывая свой гнев до последнего
момента, не желая привлекать к себе
внимания. Легко забыть о том, что мы в
центре вражеской крепости. Белый свет с
желтоватым оттенком, излучаемый
светополосами на потолке, начинает
мерцать при переходе в другую зону, и

коридор кажется темнее остальных. Проблемы с распределением энергии, считаю я. Если мы преуспеем, проблема с энергоснабжением Тифона станет намного хуже.

--- Это --- правда, --- настаивает Полковник, сжимая переносицу, словно у него болит голова или что-то вроде того. --- Многие события за последние три года выбраны или срежиссированы, чтобы сфокусироваться на различных военных умениях или персональных чертах. Они тестировали вашу инициативность и изобретательность. Они позволяли исследовать ваши намерения, чувства, долг, дисциплину и реакцию на страх. Должен признать, что это не четкий процесс, но думаю, вы согласитесь, что я утрудился обернуть все ситуации в свою пользу, и за это время мы помогли выиграть несколько войн. Разве это плохо?

--- Не четкий процесс? --- злобно исторгаю я, --- я думаю, что Сердце Джунглей было несколько неожиданным, не так ли? А что насчет атаки эльдар на транспорт? Неудобство? А крушение

шаттла на Гиперноле?

Он не отвечает, просто продолжает решительно маршировать по коридору. Затем мой разум осознал то, что он сказал ранее.

— Вы сказали «срежиссированы», — повторяю я, удивленный тем, что могу стать еще злее от того, что этот человек сделал с нами.

— Да, — признается он, глядя на меня через плечо, — по большей части, я выбирал ситуации, которые создадут необходимые условия, но кое-что было подстроено преднамеренно. Нагение шаттла было одной из таких ситуаций. Разве можно было надеяться, что такое произойдет само по себе?

Это меня просто добивает, что-то внутри ломается. Я прыгаю вперед, хватаю Шеффера за плечо и разворачиваю его. Прежде чем я успеваю что-то сделать, он тыльной стороной руки залепляет мне пощечину и практически сшибает с ног. Самое это действие ошеломляет меня так же, как и боль — я никогда раньше не видел, чтобы он ударил штрафника

«Последнего шанса», который не атаковал его первым.

--- Сохраняйте дисциплину, лейтенант Кейдж, --- холодно замечает он, глядя на меня с тем самым ледяным блеском своих глаз, --- я больше не потерплю нарушения субординации.

От всего этого я только наполовину шокирован. Наши подозрения росли, особенно в последние несколько месяцев, но размах, с которым Полковник создавал и манипулировал событиями, --- в него просто нельзя было поверить. Я начал задумываться, а как часто он такое проделывал раньше? Сколько раз он убивал тысячи солдат, чтобы найти лучших, величайших последних героев? Сколько еще раз он провернул такое? Это кажется столь беспощадным, столь безучастным, но какая-то часть меня понимает его. Мы живем в беспощадной и равнодушной галактике, и если остальные задачи столь же важны, как эта, чтобы спасти целые миры, я почти готов простить его. Почти. И все же, это не объясняет, почему с начала миссии он стал таким

скрытныи. Он действительно считал, что мы повернем, когда осознаем каковы ставки? Или он настолько плохо думал о нас, что не верил, что нам хватит благородства и смелости с желанием сражаться во имя спасения целого мира, за сотни тысяч гвардейцев и флотских, которые положили свои жизни, пытаясь взять это место силой? Мы идем в обожженном молчании.

НАЙДЯ комнату, похожую на заброшенный архив, мы спрятались и начали формулировать следующую часть нашего плана. Ряды и ряды пергаментов, инфопластин и дисков-кристаллов окружают нас бесконечными полками. Спрятавшись среди шатающейся массы информации, мы собрались вокруг побитого деревянного стола, пристально взглядываясь в план внутренних построек Коританорула, который, словно магически появился из широкого рукава Гудманза.

--- Наш благодетель что-нибудь говорил по поводу этого? --- спрашивает Лорон, склонившийся над схемой на

дальнем краю стола.

--- Мы работаем сами по себе, ---
отвечает Полковник, качая головой. Все
взгляды устремляются к Гудманзу.

--- Это будет непросто, --- тяжело
произносит он, делая глубокий вдох, ---
чтобы открыть ворота, требуется
сканирование сетчатки.

--- И что? --- спрашивает Лори, глядя
через стол, куда она забралась на край и
согнулась над картой.

--- Полните, на первых воротах,
сканер считал отпечатки пальцев
офицера безопасности? --- спрашивает он, и
мы согласно киваем. Кто мог забыть этот
жуткий эпизод?

--- Так вот, у этих ворот есть
аппарат, который сканирует сосуды крови
в вашем глазу.

--- В глазу? --- восклицает полностью
опечаленный Страйден. Он начал было уже
снова веселиться, думая я, после этого
ужасного случая с женщиной.

--- Это будет еще сложнее, чем
заполучить руку!

--- Забудьте о глазе, --- тихо говорит

Полковник, и мы смотрим на него, он сидит чуть в отдалении от стола, на подбитом кресле, поставив локоть на подлокотник и подперев правой рукой подборок, -- мы сделаем прощ.

* * *

СЕЙЧАС, я не могу сказать, что предложенное Полковником будет легче, но это определенно намного проще. Когда мы приближается к оружейной, снаружи стоят двое гвардейцев с лезганами наготове. Они немного расслабляются, когда видят униформу Полковника, -- старшего офицера безопасности, -- но все равно стоят навытяжку. Полковник подходит к объективу оптика рядом с бронированными дверями в склад оружия.

-- Цель вашего посещения, -- произносит бестелесный голос из решетки спикера над оптиком.

-- Разрешите войти? -- спрашивает Полковник, практически идеально

имитирую шипящий акцент тифонцев.

--- Нам приказано, никого не пускать
внутрь, --- отвечает гвардеец изнутри.

--- У меня есть письменное
разрешение, --- говорит Полковник,
размахивая стопкой солидно выглядящих
листов, которую мы позаимствовали из
инфо-библиотеки. Пока ожидаем решения
охранника, проходим почти полминуты.
Беспечно пожимаем плечами перед гвумя
гвардейцами.

--- Есть приказы --- давайте на них
посмотрим, --- наконец произносит он, с
громким лязгом падает запирающий
стержень, и дверь на силовых петлях
открывается. Полковник целенаправленно
шагает внутрь, дверь, скрипя, закрывается
за ним. Страйден нервно почти
перепрыгивает с ноги на ногу, и я бросаю
строгий взгляд на него, надеясь, что он
успокоится, прежде чем вызовет
подозрения у гвардейцев. Я ощущаю, как
ручейки пота бегут по правой лопатке,
мне приходится воевать с собственным
беспокойством, надеясь, что это будет не
заметно.

— Что-то он там долго, а? —
комментирует один из гвардейцев,
оглядываясь через плечо на тяжелую дверь.
Я просто бормочу что-то неразборчивое, и
согласно киваю, не доверяя своим
лингвистическим способностям исполнить
роль тифонца. Возможно, это был умный
ход, оставить Лорона, Лори и Гудманза в
зале архива. Этим гвардейцев, кажется,
уже ввели в курс дела, и им должны были
сказать, чтобы они проверяли любых
странных людей с бледной кожей и в
компании с техножрецом. Я подозреваю,
что план Полковника на данный момент
лучший, нет ни единого шанса провернуть
какой-нибудь хитрый трюк в последнем
туннеле.

Неловкое молчание прервано
шипением снова открывающейся двери.
Там стоит Полковник с компактным
стаб-пистолетом в правой руке,
громогласный глушитель наведен на дуло.

Болтливый гвардеец оглядывается,
его глаза расширяются от удивления за
секунду до того, как первая пуля взрывает
ему голову. Весь пол справа от меня

заливает кровью и мозгами. Другой быстро разворачивается, но его лапзан только на полпути, когда следующий выстрел попадает ему в грудь и откидывает обратно на стену.

--- Хватай их, и тащи внутрь, --- приказывает Полковник, отходя обратно в оружейную, -

изнутри я дам знать остальным в архиве, вскоре они будут здесь. И поручи кому-нибудь разобрать этот беспорядок.

--- ВРЕМЯ играть по-серьезному, --- говорит Лори, когда мы вместе проходим меж высоких стоек с энергоячейками и боеприпасами.

--- Будем надеяться, что никто не припрется для пополнения запасов, --- комментирует за моей спиной Лорон.

--- Нам нужно что-то мощнее лазганов, --- спереди отзывается Полковник, когда мы осматриваем ряды коробок и стойки с оружием, --- нам нужно что-то, что убивает с одного выстрела, если мы собираемся столкнуться с таким численным перевесом противника.

Мы еще несколько минут ищем, пока
Гудманз не находит стеллаж с
пятнадцатью болтерами.
Свеженачищенные, они мерцают в ярком,
белом свете оружейной, для моего глаза
они столь же красивы, как и смертоносны.

— Боеприпасы в этих ящиках сверху, —
говорит Гудманз, указывая на ряд черных
контейнеров, висящих над болтерами.
Лори хватает один и переворачивает его,
позволяя содержимому упасть на пол.
Внутри около десятка болтерных
магазинов, заряженные и готовые к
использованию. Она и Лорон начинают
нагружать тяжелую рабочую тележку,
которую толкает Страйден.

— Мне нужно что-нибудь более
скорострельное, — бормочу я про себя,
оглядываясь в поисках подходящего оружия.

— И награда Императора будет
обильной для тех, кто трудится во имя
его, — с улыбкой произносит Кронин,
используя лом, чтобы открыть тяжелый
ящик, в котором оказываются упакованные
рядом осколочные гранаты. Он начинает
кидать их Страйдену, который

укладывает их рядом с болтерами.

--- Вот это тебе понравится? --- спрашивает Гудманз, поднимая глинную винтовку. От ее черной эмали веет страхом и смертью.

--- Оох, похоже то, что надо, --- оценивая говорю я, подходя поближе, --- что это такое?

--- Штурмовая лазерная винтовка образца кузницы Фрактрикса, --- отвечает он с улыбкой, с любовью пробегаясь своими узловатыми пальцами по стволу. Впервые с тех пор как я его встретил, он выглядит счастливым.

--- Пять выстрелов в секунду, двойная энергоячейка, способная пятьдесят секунд вести непрерывный огонь. Дальномер с множественными целеуказателем. Я был надзирателем на одной из производственных линий, --- добавляет он, глядя на меня.

--- Надежная? --- спрашиваю я, зная, что всегда есть подвох, иначе такое оружие было бы у каждого гвардейца.

--- О да, она очень надежна, --- уверяет он меня, --- единственный недостаток ---

фокусирующую призму нужно менять каждую тысячу выстрелов, и для этого необходим техноагент. Не особенно практична для длительных боев, но отлично подходит для нашей задачи.

Я беру винтовку и прикладываю ее к плечу, закрыв левый глаз, чтобы посмотреть через прицел. Я ничего не вижу и в замешательстве смотрю на техножреца.

— Ты должен снять предохранитель, прежде чем оптический массив включится, — говорит он мне, указывая на стержень, размером с ноготь, как раз над спусковой скобой. Я нажимаю на него, и штурмовой лазер начинает тихонько гудеть, пока прогреваются энергоячейки. Снова вздохнув, я смотрю через прицел на остальных. В маленьком окуляре прицела, каждый окружен небольшим, светло-синим сиянием, подчеркивающим их силуэты.

— Он также может работать в температурном режиме, — с гордостью говорит мне Гудманз, — может быть, таких людей ты не увидишь, но точно увидишь их силуэты.

Я үстехаяусь сам себе и поворачивая лазер так, чтобы винтовка целилась в Полковника. Одно нажатие на спусковой крючок и буря лазерных лучей разорвет его на маленькие кусочки. Я спрашиваю себя, почему я не должен этого делать? Почему бы мне не нажать на спусковой крючок? Но на самом деле я знаю ответ. Для начала, я начинаю осознавать, что Полковник не стал бы так с нами поступать, если бы считал, что есть какой-то альтернативный путь. У него были свои собственные причины, и для него они оправдывали любой поступок, включая убийство трех миллионов человек. У меня была мысль насчет того, в чем они заключались, но я не был уверен. Во-вторых, он был единственным, с кем были хоть какие-то слутные шансы выбратся живыми из Коританорута. Внутри крепости у него есть какой-то тайный агент, и он изучал это место намного больше, чем любой из нас, и, возможно, знал о нем даже больше Гудманза. Я думаю, что он провел большую часть последних трех лет, планируя эту

операцию, и я уверен, что в ней есть пункт, где мы выбираемся живыми. Он, может быть, не планирует взять нас с собой, кто знает, но если я буду держаться поближе к нему, тогда у меня будет самый лучший шанс на спасение. Я снова нажимаю на стержень, и маленький кружок целеуказателя гаснет.

--- Бронежилеты и шлемы вгору следующего прохода, --- говорит Полковник, указывая налево. Он разворачивается и видит меня, с направленным в его сторону оружием. Он спокойно смотрит мне в глаза.

--- Она подходит тебе, --- говорит он и отворачивается, совершенно не обеспокоенный. Он знает, что ему ничего не угрожает. Ублюдок.

--- Верно, --- объявляю я, закидывая штурмовую винтовку через плечо, --- и теперь мне нужны по-настоящему хорошие ножи.

--- ПОМНИТЕ, один нам нужен живым, --- напоминает нам Гудманз, когда мы толкаем к проходу тележку с оружием и боеприпасами, спрятанными под

камуфляжной сетью. Должно быть, снаружи была середина ночи, хотя светополосы сияют здесь столь же ярко, как и всегда. Все спят, или, по крайней мере, мы на это надеемся. Судя по плану, ближайшая плазменная камера была всего лишь в восьмистах метрах от ворот, так что идея была в том, чтобы ударить по врагу мощно и быстро. Мы нападем на охрану у двери, используем одного живого, чтобы пройти сканер глаз, и затем рвем вперед что есть мочи, штурмуем комнату плазменного реактора и сдерживаем ее от тифонцев, пока Гудман занимается делом. Техножрец думает, что понадобится пара часов, чтобы деактивировать все печати в плазменной камере, следовательно, нам понадобятся все боеприпасы с тележки, которую мы со Страйденом толкаем перед собой. Шесть человек будут сражаться с целым городом? Я очень надеюсь, что в этот раз Император нас прикроет. Как только все начнется, у нас будет примерно пара часов, чтобы сбежать.

Мы оглядываем угол, и нам даже не

понадобился приказ открыть огонь. Я
стреляю из штурмовой винтовки от бедра,
посылаю десятки красных лазерных лучей в
тифонцев у ворот, сбиваю людей с ног и
оставляю опаленные отметины вдоль
стен. Лорон и Лори начинают палить из
своих болтеров, разрывные снаряды
шарахают рябью пламенных цветков,
проделывают дыры размером с кулак в
груды тифонцев и отрывают им
конечности. Я вижу, как голова гвардейца
взрывается от прицельного попадания
болт-пистолета Полковника. Один из них
пытается открыть ответный огонь,
треск его лазгана еле слышен в перерывах
между ревом болтеров. Лазерный луч
пронесся вдоль стены и чиркнул Лори по
плечу, закружившись, она падает на пол.
Страйден поднимает свой гробовик и
почти наугад начинает палить в
оставшихся гвардейцев, создавая кровавый
туман в проходе. И затем, так же
внезапно как все началось, бой
заканчивается. Несколько секунд
концентрированного кровопролития и дело
сделано.

Полковник кидается вперед и, одновременно перезаряжая, пробирается мимо искореженных тел тифонцев. Лорон склоняется над своей сестрой-близнецом, на его лице отражается страдание.

--- Она в порядке? --- спрашиваю я, подходя к ним.

--- Все хорошо, --- отвечает Лори, вскакивая на ноги, кровь стекает по левой руке, словно оборачивает ее в красный саван. Лорон отрывает полосу от туники мертвого гвардейца, и Лори обматывает ее вокруг бронежилета и рубашки. Оставив Лорона перебинтовывать ее, я проверяю Страйдена и Кронина, которые находились в главном коридоре в конце прохода, следя, чтобы на нас никто не наткнулся. Я слышу, как Полковник издает удовлетворенное рычание, и вижу, как он тащит одного из тифонцев к сканеру сетчатки у ворот. Он приставляет лицо человека, секундой позже ворота начинают отъезжать в сторону.

--- Мы внутри, --- говорит Полковник, вставляет болт-пистолет под подбородок гвардейцу и вышибает ему мозги.

разбрасывая кусочки черепа по сканеру и стенам. Мы секунду стоим там и смотрим на странную сцену, как Полковник держит безголовый труп.

--- Двигается! --- орет он, с глухим звуком бросая тело, и мы бежим, Кронин и Страйден схватили тележку и бросились вперед, Полковник и Гудманз впереди, я и близнецы прикрываем тылы. Когда мы все проходим через двери, я бью по рычагу, который закрывает ее, дверь с хрустом встает на место, я втыкаю гранату в силовую кабель, ведущий к запорной балке. Когда я отбегаю, то слышу взрыв и оглядываюсь, с удовлетворением замечая скрученную мешанину из проводов.

Мое внимание привлекает выстрел болт-пистолета Полковника, со штурмовой лазерной винтовкой наготове я спешу вперед. Впереди оказываются несколько гвардейцев, как раз за изгибом главного туннеля, они используют боковой коридор в качестве прикрытия. Мимо меня с шипением пролетают лазерные лучи, оставляя слабые подпалины, они со свистом вбиваются в стены и пол.

Полковник присел на корточки за дверь, выставил пистолет и выстрелил наугад, болт оторвал кусок металла от стены.

Я прыгаю вперед, перекачиваюсь по полу, когда в нас бьет залп нестройных лазерных лучей, и перебираюсь за дверь слева от прохода. Когда я успокаиваюсь и приседаю, то нацеливаю винтовку на ближайшего тифонца, примерно в двадцати метрах дальше по той же стороне коридора. В прицеле отчетливо подсвечены его голова и плеча, и когда он высовывается из-за угла, я резко нажимаю на спусковой крючок. Пять лазерных зарядов попадают в верхнюю часть тела, пара из них пролетает насквозь и рассеивается дальше по туннелю. Еще один залп лазерных лучей вынуждает меня нырнуть обратно в комнату.

Это может продолжаться бесконечно, говорю я самому себе, осознавая, что чем больше нас прижимают здесь, тем больше солдат подойдет в эту зону.

— Гранаты! — ору я, снятая одна с ремня. Когда я швыряю ее вниз по проходу, еще три стучат по полу вслед за ней. Один

стелый гвардеец кидается из укрытия, чтобы подобрать их и закинуть обратно, но выстрел Лорона или Лори пробивает ему ногу, взрыв болта разрывает ее в колене. Его крик эхом разносится по коридору примерно секунду, после чего гранаты взрываются, подбрасывая тело в воздух. Пока дым от взрывов не рассеялся, я кидаясь вниз по коридору, оперев винтовку в плечо, используя прицел, чтобы различать тифонцев сквозь дымку.

Должно быть, я упустил одного в боковом туннеле, потому что пока я стрелял вперед, то почувствовал, как что-то ударило меня в правую сторону шлема, в ушах зазвенело и колени задрожали. Разворачиваясь, я вижу тифонца, мужчину средних лет, его униформа несколько мала ему. Я вижу, как его глаза сузились, пока он прицеливается для следующего выстрела, дуло его лазгана указывает прямо в мое лицо. В меня что-то врежется и отшвыривает в проход, единственное, что я успеваю ощутить — запах падающей на меня Лори. Пока мы катимся по металлическому полу, над

наши вспыхивают лазерные разряды. Остановившись, Лори мгновенно вскакивает на ноги и поднимает лазеристолет. Ее первый выстрел проходит чуть ниже, энергетический разряд раздирает гвардейцу бедро. Тот валится на бок, следующий выстрел уходит в потолок. Зато Лори во второй раз не мажет и превращает его пухлое лицо в маленький фонтан крови и разбитых зубов. Тело отбрасывает назад.

— Ты или герой или идиот, — говорит она мне с улыбкой, помогая встать на ноги, — к счастью для тебя, я тоже или стелая или глупая.

В установившейся тишине я слышу, как стонет солдат, его быстрое успокаивает выстрел гробовика Страйдена. Я снимаю шлем и смотрю на него, голова еще немного кружится от попадания. Как раз напротив правого уха осталась обугленный кратер, практически прожегший шлем насквозь. Я втыкаю туда палец и шокирован тем, что он свободно проходит. Лазерному разряду не хватило буквально чуть-чуть, там осталась броня

не толще тонкого пергамента! Поблагодарив Императора за защиту, я водружаю шлем обратно и подбираю штурмовую винтовку.

Сзади по коридору слышится рев болтера Лорона, должно быть, подходят еще тифонцы. Полковник выскакивает из-за изгиба, буквально таща за собой Гудманза, Кронин, толкая тележку, бежит за ним, ее безумно бультыхает из стороны в сторону, поскольку колеса пытаются одновременно уехать в разных направлениях.

--- Тащите его в плазменную камеру, --- орет Полковник, толкая Гудманза ко мне и Лори. Зажав престарелого техножреца тележкой собой, мы направляемся в туннель. Я слышу крики других и звук попаданий в стены и потолок коридора. Гролкий «бам» гробовика Страйдена подчеркивает почти постоянный грохот болтера Лорона и болт-пистолета Шеффера, и в свете ярких дульных вспышек, я вижу отбрасываемые или туманные тени на стенах. Гудманз тяжело пыхтит и едва способен стоять, пока мы тащим его под

руки вгиль прохода.

--- Сколько еще? --- спрашивает Лори
сквозь сжатые зубы.

--- Еще... еще примерно двести
метров, --- задыхается техножрец, его
лицо бледное, в глазах сквозит боль,
вызванная столь стремительно
стареющим телом. В этот момент,
круглый предмет, размером примерно с
кулак отскакивает от потолка и падает
на пол прямо перед нами.

--- Граната! --- шипит Лори, роняя
Гудманза и прыгая вперед. Мощным
ударом ноги, она отправляет гранату
обратно, секундой позже раздается
предупреждающий крик, за ним почти
мгновенно следует взрыв. Я бросаю
Гудманза около стены и готовлю
винтовку, в этот момент Лори
растягивается на полу и достает
болтающийся за спиной болтер.

--- Примерно десяток, --- говорит она
мне, прежде чем открыть огонь,
стреляные гильзы каскадом летят из
эжектора и кучами падают вокруг нее.

--- Дверь слева... --- я слышу, как

хрипит сзади меня Гудманз.

--- Что? --- равную я, вслепую стреляя
вдоль прохода, пока обернулся к нему.

--- Дверь слева... идет вдоль... пять
кубриков... --- объясняет он, между рваными
вдохами, --- приведет тебя... к ним в тыл.

--- Сдерживай их! --- кричу я Лори и
кидаюсь через указанную дверь.

--- Обязательно! --- слышу я ее ответ.

Как Гудманз и сказал, я оказываюсь в
одном из соединенных кубриков, каждый
примерно десяти метров в длину,
трехъярусные кровати стоят вдоль левой
стены, справа шкафчики. Я могу видеть
два следующих, но из-за резкого изгиба
внутреннего круга Коританормта,
остальные не видно. Не верю, что они
оставили без прикрытия этот проход и
присаживаюсь на корточки. Мне нужно как
можно дольше сохранить элемент
неожиданности, и пока я крадусь, то
бросаю штурмовую винтовку на одну из
кроватьей, взамен достаю один из шести
боевых ножей, которые привязал к груди и
к бедру.

Прекрасное ощущение снова

чувствовать нож в руке, в душе я всегда любил клинки. Признаюсь, я предпочитаю личный контакт, когда бьешь кого-то — стрелять с расстояния мне кажется несколько оскорбительным. Все же, если какой-то говнюк стреляет в меня, я как можно быстрее отвечу ему, и не стану рисковать своей шеей, чтобы медленно и с большим удовольствием вознать лезвием меж ребер. Я быстро ныряю обратно, когда первый раз замечаю впереди гвардейца. Подгнищем ярүсных кроватей для меня вполне хватает места, и я ползу под ними. Проталкиваясь вперед на животе, я могу видеть шагающие вперед-назад ботинки гвардейца, пока тот присматривает за проходом, чтобы никто не появился этим путем. Я осознаю, что задержал дыхание на секунду, после чего снова дышу. Мне не нужно стараться особо не шуметь, я слышу треск лазерного огня и грохот взрывающихся снарядов болтера в туннеле, все это маскирует любые звуки, которые я могу случайно произвести. Я скользнул на пару метров вперед и оказываюсь у тифонца сзади.

Я снова жду несколько секунд, стараясь сообразить, как лучше уложить гвардейца. Взглянув вверх, я вижу, что кровать не жестко скреплена с рамой, она просто лежит сверху на паре распорок. Я тут же пытаюсь перевернуться на спину, так, чтобы мои ноги были вытянуты прямо в сторону тифонца. С рычанием, я из всех сил толкаю и подбрасываю матрас. Он подлетает и сверху опрокидывается прямо на бойца. От неожиданности его палец сжимает спусковой крючок, возникает вспышка света, и заряд энергии обжигает один из шкафчиков. До того как он приходит в себя, я запрыгиваю на него сверху, и слышу, как он пытается отдышаться. Даже не взглянув, я десятком раз полосую и тыкаю ножом под матрасом, ощущая, как он разрезает плоть и, задевая, царапает кость. Он перестает трепыхаться и вокруг меня начинает расплываться тельно-красная лужа, впиваясь в изогранное, серое постельное белье.

Вскочив на ноги, я вижу еще одного гвардейца, стоящего на коленях в проходе в

следующую комнату, его внимание приковано к коридору, он падает из лазгана по главному проходу. Он даже не замечает меня, пока не становится слишком поздно, потрясенный вопль срыгается с его губ за мгновение до того, как лезвие ножа входит ему под подбородок. Я рывком дергаю нож, но он застрекает в челюсти, и я оставляю его, доставая еще один из бангалер. В тот же миг, когда я поднимаю голову, я замечаю еще одного тифонца, как раз в коридоре напротив, в десяти метрах от меня. Он тоже замечает меня и поднимает лазган, я перекатываюсь назад и закрываюсь мертвым гвардейцем. Секунду или две я лежу за ним, пока лазерные разряды вбиваются в тело, ощущая, как оно трясется от попаданий. Сжав зубы и морщась от таких близости выстрелов, я свободной рукой шарю в поисках лазгана убитого. Еще энергетически разряды начинают лупить по телу, и я ощущаю, как один из них попал мне в ткань брючины, при этом попалив волосы и кожу на левой голени. Нашарив пальцами спусковую скобу

отброшенного лазгана, я подтягиваю и
тыкаю дулом в коридор, держа спусковой
крючок и паля наугад добрые пять секунд.

Я жду ответных выстрелов, но их
нет, так что рискую выглянуть из-за
разорванного теперь тела. Дверной проем,
где находился гвардеец, пусть, за
исключением брызг крови на блестящей
плитке и торчащей изнутри кровати
ноги, которая в спазме бьется о косяк.
Медленно выдохнув, я остаюсь лежать,
ожидая, когда в грудной клетке
перестанет бешено стучать сердце.

Кто-то встает наго мной, хватается
за плечи и ставит на ноги. Это Шеффер,
Гудманз за ним опирается о кровать, одной
рукой стирает пот с лица, другой
протягивает мне штурмовую винтовку.

--- Нет времени валяться тут,
Кейдж, --- говорит Полковник, высовываясь
из прохода с болт-пистолетом наготове,
проверяя путь вперед.

--- Нам нужно еще раз повернуть
налево и мы очутимся у дверей в
плазменную камеру.

Лорон и Лори осторожно проходят по

коридору и расслабляются, как только видят мое уродливое лицо.

--- А я раздумывала, получится у тебя или нет, --- говорит Лори, ее глаза обыскивают меня в поисках ран. Я покрыта кровью и небольшими шрамами на обугленной коже, но большая часть крови не моя.

--- Кронин, Страйден --- говорит Полковник парочке, которая бежит через кубрики, толкая тележку. Шеффер забирает у Страйдена тележку и проталкивает ее через дверь.

--- Вы двое прикрываете главный проход, пока мы не попадем в плазменную камеру.

Остальная группа спешит к повороту, ведущему к реактору, но оружие не понадобилось. Кронин и лейтенант флота занимают позиции по разным сторонам в боковых туннелях, сдерживать оба направления, в то время как остальные бегут к огромной бронированной двери в другом конце.

--- Есть мысли, как попасть внутрь? --- спрашивает Лорон, когда мы встаем перед

ней. Бросив только взгляд на эту
противовзрывную дверь, можно сказать,
что она крепкая.

--- Кажется, я всю жизнь провела,
пытаясь пройти через гребаные двери, ---
жалуется Лори, хмуро глядя на сваренные
металлические плиты двери.

--- У нас есть мелта-заряды, ---
подсказывает Гудманз, вытаскивая
цилиндр из хорошо поредевшей кучи
патронташей и энергоячеек в тележке.
Открыв крышку, он переворачивает
цилиндр и десять дисков, каждый
размером с ладонь, греют по полу.

--- Сколько их нужно? --- спрашивает
техножреца Шеффер, поднимая и
рассматривая один диск. Он четырех
сантиметров толщиной, разделен на две
части по окружности. В центре ярко-
оранжевая кнопка, утопленная в небольшом
гнезде.

--- Я похож на эксперта по подрыву,
полковник Шеффер? --- огрызается в ответ
Гудманз, усаживаясь у стены, --- почти все
эти тепло-пластины изъяли, помните? ---
добавляет он с кислой миной на лице.

--- Да к фразу! Давайте используем все, --- решает за всех Лори, хватая пару мелта-зарядов, Гудманз посоветовал сдвинуть половинки в разные стороны, чтобы активировать магнитный зажим. Мы все хватаем по несколько и начинаем лепить их к двери, оставляя большинство вокруг огромных петель.

--- Лучше несколько оставить, на всякий случай, --- предлагает Лорон, и я хватаю четыре штуки и последний цилиндр. Защвырнув их обратно в тележку, я выжидательно смотрю на дверь.

--- Нужно активировать заряды, --- тяжело вздохнув, говорит нам Гудманз, вынужденно вставая на ноги, используя для поддержки стену, --- нажмите на красную кнопку, и она выставит пятисекундную задержку. Затем быстро статывайтесь, хотя большинство зарядов направлены на дверь, все равно будет небольшая отдача.

--- Мы с Кейджет активируем заряды, --- говорит Полковник, отталкивая тележку в сторону. Именно в этот момент раздается характерный звук

попадания лазерного луча в металл, вылетевший в конце коридора Кронин издает удивленный вопль, погналина на его бронежилеты дымится как раз напротив сердца.

--- Быстрее! --- шикает Страйден, поворачивается на корточках и шарахает из гробовика в коридор. Мы с Полковником взглянули друг на друга и начинаем тыкать в запальные кнопки. Мы успели нажать примерно половину, когда Полковник хватает меня за воротник и откидывает назад, отлетая вместе со мной на пол. В спину бьет поток горячего воздуха и с оглушительным лязгом бронированная дверь рушится на пол. Оглянувшись назад, я вижу, что вместо двери осталась рваная дыра, в воздухе висит густое облако дыма, стены забрызганы каплями расплавленной стали.

--- Вперед! --- гавкает Полковник, вскакивая на ноги и доставая свой болт-пистолет. Мгновением позже он отпрыгивает назад, когда залп лазерных лучей начинает со свистом обжигать стены вокруг нас. Я слышу, как Страйден

проорал что-то, но не могу разобрать ни слова через «бум» его дробовика. Лорон бежит к нам и тащит за собой бесчувственное тело Кронины.

--- Сколько сзади? --- спрашивает Полковник, стреляя наугад в плазменную камеру из болт-пистолета.

--- Думаю, большая часть, --- отвечает он нам. Я оглядываюсь через плечо и вижу, как Лорон занимает позицию Кронины, ее бледное лицо окрашивается желтым от вспышек болтера, когда она начинает палить в главный коридор.

Я осторожно выглядываю из-за того, что осталось от стены разрушенного твердого проема, и различаю около десятка или около того тифонцев, размещенных внутри реакторного зала. Они прячутся за терминалами и катушками труб, которые змеятся во всех направлениях. Зал огромен, округлый или может быть шестиугольный, сложно разглядеть стены из-за загромождающей машинерии. На дальней стене здоровый инфоэкран, вмонтированный в стену, но нету

пробегают цифры. С первого взгляда других дверей больше нет. Залп лазерных разрядов с визгом проносится в мою сторону, и я быстро прячусь обратно.

--- Нам нужно попасть внутрь, --- хрипит Гудманз.

--- Жду предложений, --- огрызаюсь я, снимаю с плеча штурмовой лазер и выпускаю град лазерных разрядов в голову, высунувшуюся из-за выступающей опоры в стене справа. Снова быстро заглянув за дверь, я замечаю, как кто-то крадется вдоль металлического мостика, висящего примерно в пяти метрах над землей. На нем рабочий комбинезон, который, кажется, общепринят здесь, и я замечаю у него в руках два автоматистолета, магазин с патронами воткнуты за ремень. Я задыхаюсь от шока, когда он открывает огонь, всаживает пули в спины тифонцев и укладывает половину с первой очереди. Когда они разворачиваются в сторону новой угрозы, яростно паля из винтовки, я кидаюсь вперед. Я слышу, как загрохотал болт-пистолет Полковника, когда он следует за мной. Лазерные разряды

отлетают от металлических ячеек
лестничка, незнакомец перегибается через
перила, все еще стреляя свободной рукой.
Атакующие с двух фронтов гвардейцы
погибли за секунды.

--- Все внутрь! --- кричит Шеффер, и я
выглядываю в коридор, по которому уже
бегут Лори и Страйден. Тифонцы
показываются в конце коридора, но
стремительно кидаются обратно из-за
очереди болтов Лорона.

--- Я полагаю, это наш тайный
помощник, --- говорит Лори, изучая
появившегося, пока тот смотрит в
коридор, перезаряжая автоматистолеты.

--- Штрафники «Последнего шанса», ---
говорит Полковник, махнув рукой в
сторону незнакомца, --- позвольте мне
представить вам человека, за которого
мы сейчас сражаемся: Инквизитор Ориель.

--- ОНИ, кажется, отступили, ---
кричит Лорон от разорванной дыры
вместо дверного проема в плазменную
камеру.

--- В этот момент их офицеры,

видимо, проклиная архитекторов
Коританорула, --- говорит инквизитор
Ориель, заталкивая автоматолеты за
пояс комбинезона. Черные, тонкие волосы
обратляют его узкое, начисто выбритое,
лицо. От него исходит аура спокойствия,
но в то же время веет угрозой.

--- Весь внутренний круг
проектировался как последняя линия
обороны, что в данном случае нам на руку.
Все это и гало возможность для этой
миссии.

Теперь я понимаю. Плазменная
камера шестиугольная, примерно
двадцати метров от стены до стены. Тут
несколько отдельно стоящих панелей с
дисплеями, разбросанные тела тифонцев и
из отверстий в стене змеятся силовые
кабели к центральному терминалу на
противоположной от входа стене, скрытые
из вида огромным инфоэкраном. Проход к
камере шириной пяти метров от силы,
практически невозможно спуститься к
входу одновременно больше четырех
бойцам, его глина составляет примерно
тридцать метров --- настоящий огневой

мешок.

--- Инквизитор? --- спрашивает все еще ошеломленная Лори. Она присела рядом с Крониным, который все еще без сознания лежит около стены. Он едва жив, лазерный разряд со всей силы ударил его в грудь.

--- Понятно, --- отвечаю я, --- у кого еще хватит ресурсов или власти уничтожить базу сектора?

--- Пройдет немного времени, прежде чем они предпримут еще одну атаку, --- говорит нам Полковник, возвращая к насущной проблеме, --- Гудманз, присоединяйся и начинай перегрузку. Мое почтение, инквизитор, сколько еще путей ведут в катеру?

--- Только главный вход и трубопровод техобслуживания, через который появился я, --- отвечает он, указывая на мостик над нашими головами.

--- Тогда мы сможем сдерживать их даже с горсткой бойцов.

--- А что насчет трубопровода? --- спрашиваю я, обеспокоенно глядя наверх.

--- Я там оставил небольшой сюрприз любому, кто попытается пройти тем

путем, — с трачной улыбкой уверяет он меня.

— Вы изменились, — говорит Полковник, глядя на инквизитора, чем немого ошарашивает нас. Я удивлен тем, что они встречались раньше, но затем подумал, что не стоило. Я подозреваю, что между капитаном штрафного батальона близнецов и инквизитором, стоял Полковник, и он представляет собой гораздо больше, чем мы осознавали.

— Мм? Ах, борода? Мне нужно было сменить личность, как только штаб узнал, кто я такой, — отвечает он нам, — это самый простой способ. Это и подходящая личина рабочего техобслуживания.

— Что-то происходит, — зовет Лорон, привлекая наше внимание к коридору снаружи. В дальнем конце я замечаю движение, в поле зрения появляются головы, проверяющие, что происходит.

— Атака? — спрашивает стоящая рядом с проходом Лори, готовясь открыть огонь и сжимая массивный болтер у груди.

— Кажется, нет других вариантов, —

соглашается Полковник.

--- Может нам построить баррикады или что-то такое? --- предлагает Страйден, вставляя патроны в казенник дробовика.

--- Один вход, один выход, --- указывает Лори, тыкая через плечо большим пальцем в коридор, --- когда придет время убираться, нам придется бежать быстро.

--- Я никогда даже не думал, что мы выберемся, --- признается Страйден, вытирая слезы от пота волосы, --- попасть сюда, казалось, нелепым планом.

--- Тебя вообще здесь не должно было быть! --- рывкую я на него. --- Так что хватит жаловаться.

Атака начинается ливнем лазерных разрядов с одной стороны коридора, смертоносный дождь барабанит по стенам, врывается в проем и вспыхивает в плазменной камере. Когда загадочный огонь заставляет нас поддаться назад, отделение гвардейцев с другой стороны коридора кидается вперед, ревя при этом какой-то боевой клич.

Мы с Полковником метаем пару

осколочных гранат через проем, и боевой клич превращается в панические вопли. Взрывы шарахают в проходе и куски шрапнели секут проем, когда дым рассеивается, я выглядываю из-за края проема и вижу груды искореженных трупов тифонцев, пойманных врасплох взрывом, некоторые пытались развернуться назад и убежать назад к остальным.

--- Один ноль в пользу штрафников «Последнего шанса», --- смеется Лори, выглядывая из-за моего плеча.

--- Сколько нужно, чтобы выиграть? --- спрашиваю я ее, и она пожимает плечами.

--- Из трех с половиной миллионов людей в Коританоруме, --- подсказывает нам инквизитор с другой стороны проема, --- семьсот тысяч --- это полностью обученные гвардейцы. Вот именно столько нужно набрать.

--- Семьсот голбанных тысяч? --- фыркаю я. --- Как, фраз его деру, мы должны выбираться?

--- Когда плазменный реактор пойдет на перегрузку, этот вопрос точно будет у всех на уме, Кейдж, --- отвечает мне,

сидящий рядом с Ориелом, Полковник, ---
они не слишком рьяно захотят сражаться,
когда это произойдет.

--- Хорошая мысль, --- соглашается
Лорон, --- тогда единственная битва
предстоит за места в шаттле!

--- Силати Империиума предприняла
еще одна атака на северную стену, ---
добавляет инквизитор, --- и придется
сражаться на два фронта.

--- А что будет с нашей пехотой, когда
все это место взлетит на воздух? ---
спрашивает Лорон. Наши шутки вскоре
прерываются серией характерных «вүүмн»,
и пять предметов, размером с кулак,
начинают прыгать по полу плазменной
камеры.

--- Добланные гранатометы! --- орет
Лори, толкая меня на землю и бросаясь на
Кренина. Гранаты взрываются, шрапнель
стучит по стенам, небольшой осколок
попадает мне в левое предплечье.
Шарахает еще один залп, и я
откатываюсь в сторону, как можно дальше
от входа. Еще взрывы оглушают меня,
обломки барабанают по оборудованию вокруг

нас.

--- Вы что, хотите взорвать реактор? --- орет Ориель в коридор. Возникает затишье и инквизитор смотрит на нас с улыбкой.

--- Они ведь не знают, что мы и так этим занимаемся, --- хихикает он, --- зато теперь они остерегутся использовать против нас любое тяжелое оружие.

ЗА СЛЕДУЮЩИЕ полчаса они предприняли еще пять атак. Тела более сотни бойцов грудями усеивают коридор, каждую последующую волну затегают насыпи из труб. Приглушенный взрыв над головами, как раз перед последней атакой, подсказал, что кто-то пытался пройти по трубопроводу техобслуживания и попал в миную-ловушку инквизитора.

Последние пятнадцать минут все тихо. Гудманз все еще подключен к плазменному реактору, его лицо словно покрылось воском, стало похоже на помертвевшую маску. Он так и сидит в трансе, я задумался, а не умер ли он, но Лори проверила, и он все еще дышит. Кто

знает, что за битву он ведет с другими техножрецами в терминальной сети. У нас кончаются боеприпасы, и мне пришлось выкинуть штурмовую винтовку, когда она отказалась стрелять во время четвертого штурма. Видимо, я уже сделал свою тысячу выстрелов. Я забрал один из запасных болтеров, огромный кусок металла давит на руки, он представляет собой полный контраст по отношению к легким лазганам, к которым я привык.

--- Не понимаю, почему они не попытаются еще раз, --- произносит Лорон.

--- Ох, фраз, --- бормочу я, когда осознаю, одну из доступных для них возможностей.

--- Что такое? --- требует ответа Полковник, злобно бросая на меня взгляд.

--- Газ, --- коротко отвечаю я, --- никаких повреждений реактору, зато мы все мертвы или спим, или беззащитны.

--- Они не могут использовать обычное газовое оружие, --- информирует нас Ориель, --- вентиляция каждого круга герметична, чтобы предотвратить агентурные террористические атаки

снару́жи, но это так же означает, что любой газ рассеется по окружающим коридорам. Еще одна защитная система работает против них.

--- Я слышал о вирусах с коротким жизненным циклом, --- настаивает Страйден, --- у нас было несколько таких боеголовок на «Благосклонности Императора». Они смертоносны всего лишь несколько секунд. База размером с Коританорум должна иметь что-то такое.

--- Да, у них были, --- подтверждает с ухмылкой инквизитор Ориель, --- к несчастью, их запасы, кажется, кто-то уже истратил.

--- Наблюдательная башня и охрана... --- делает вывод Лори, --- очень изящно.

--- Я тоже так подумал, --- отвечает инквизитор, почесывая ухо. В этот момент кто-то орет из коридора.

--- Бросайте оружие и с вами поступят по справедливости! --- взывает безымянный, --- просите прощения Императора и ваша смерть будет быстрой и безболезненной!

--- Надо думать... --- Борточет в ответ Лорон.

--- Вы --- проклятые повстанцы! --- Борточет в ответ Лори. --- Сами просите прощения!

--- Это их немного возбудит, --- комментирует Ориель, --- только командный состав по-настоящему повстанцы.

--- Тогда зачем остальные сражаются с нами? --- спрашиваю я. --- Если они все еще преданы, они могли бы с легкостью подавить командующих.

--- А зачем им? --- возражает он, слегка пожимая плечами.

--- Потому что так поступил бы любой, преданный Императору, --- отвечаю я. Для меня это кажется очевидным.

--- Не понимаю, --- добавляет Страйден, --- я разделяю точку зрения Кейджа.

--- Почему вы решили, что они повстанцы? --- спрашивает Ориель, глядя на нас.

--- Ну, вы, Полковник, все говорят так, --- отвечает Лорон, кивая на

инквизитора и Шеффера.

--- Я тоже так считаю, --- криво ухмыльнувшись, соглашается Ориель, --- вы знаете, что они повстанцы, потому что вам так сказали.

--- А тифонцам сказали, что предатели --- мы, --- добавляю я, осознавая, что сказал Ориель, --- мы все знаем, что они могут быть правы, но верим Полковнику. Мы не решали кто враг, мы просто следовали приказам и убивали тех, на кого нам указали...

--- Ну и они так же, --- заканчивает Ориель, опять глядя в туннель.

--- Вот именно по этой причине восстание в командовании сектора столь опасно и его нужно подавить, --- развивает мысль Лорон, --- если они захотят, то штаб может убедить адмиралов и полковников во всем секторе, что любой, на кого они укажут --- враг. Штаб скажет, что любая сила, которая выйдет против них --- восставшие против Императора.

--- Да, это одна из причин, --- подтверждает Полковник. Наши мысли по поводу опасностей цепочки командования

прерваны лазерными разрядами,
ударившими в пол.

--- Некоторые проползли через тела, ---
выглянув, говорит Полковник, --- еще
больше лезут вперед.

--- Хитрые ублюдки, --- ругается Лори,
присаживаясь рядом со мной с болтером
наготове.

--- Открыть огонь! --- приказывает
Полковник, поднимает болт-пистолет и
делает пару выстрелов.

БОЛЬШУЮ часть следующего часа
занимали периодические перестрелки.
Невозможно сказать, сколько тифонцев
находятся в туннеле, они прячутся за
завалами из трупов, практически
превосходно маскируясь в насыпи из тел в
униформе. Вскоре я не смог стрелять. У
нас начались серьезные проблемы с
боеприпасами и каждый болт или луч
были на счету. Тифонцы, с другой стороны,
со всей радостью лупили в нашу сторону,
как только кто-нибудь выглядывал или
высовывал ствол.

Я лежу на полу с правой стороны
прохода, рядом со мной присела Лори. На

другой стороне Полковник и Лорон, в то время как Ориель и Страйден прячутся за панелями управления, практически напротив входа. Дрожащий кашель Гудманза привлекает наше внимание, и я оглядываюсь, он, шатаясь, отходит от терминала дальше в зал, невральный шнур снова затягивается обратно в череп.

--- Получилось? --- требует ответа Полковник.

--- А вы слышите аварийные сирены, полковник Шеффер? --- раздраженно огрызается тот, --- я поставил блоки и ловушки, так что процесс перегрузки можно будет остановить только из этой комнаты, но не с других терминалов.

--- Так сколько еще? --- ору я ему.

--- Недолго, но мне нужна кое-какая помощь, --- отвечает он. Полковник кивает Страйдену, рывкнув дробовиком, тот выскакивает из укрытия. Спустя мгновение после того как он отпрыгивает в сторону, залп тифонцев бьет в инфопанель и разбрасывает в разные стороны куски выгранного металла. Гудманз хватается за Страйдена и

отталкивает за экран. Стук ботинок в коридоре моментально привлекает мое внимание обратно.

--- Они наступают! --- орет Лорон, его болтер оживает, сгорающий боезаряд болтов освещает туннель небольшими вспышками. Слева я мельком замечаю Ориеля, с автоматостолетатами в каждой руке, он перекачивается к панели и стреляет по ходу дела. Вскочив на ноги, он отбрасывает пистолет из левой руки и выхватывает силовой меч Полковника из его ножен. С воплем он прыгает прямо на атакующих тифонцев, синее свечение силового меча отражается от стен коридора.

Столкнувшись с первыми атакующими, инквизитор втыкает клинок в живот первого тифонца и, крутясь, обратным ударом испаривает голову следующему. Инквизитор подныривает под удары штыка, отсекает ногу тифонца у бедра, артериальная кровь тут же заливает его комбинезон. Какая-то отстраненная часть моего разума наблюдает, как сражается Ориель,

сравнивая его текучие, словно танцующие движения с точным, машинальным стилем боя Полковника. В правой руке плязгает автоматистолет, выстрел попадает еще одному тифонцу прямо в лицо, силовой меч бьет по лязгану, который держит наподобие глубины, мерцающий край клинка разваливает оружие нагвое.

Ориель проревел что-то, но я не расслышал из-за воплей утирающих и стрекота автоматистолета, его лицо искажается от ярости.

Я замечаю, как из-за груды тел за Ориелем поднялся тифонец, у него отсутствует отсеченная у локтя левая рука, правая сжимает штык. Даже не раздумывая, я нажимаю спусковой крючок болтера, и миг спустя поясица гвардейца взрывается, с перебитым позвоночником его ноги отказывают. Тифонцы разворачиваются и начинают разбегаться от гнева инквизитора. Самый медленный падает на пол, рассеченный на две половинки еще одним ударом Ориеля. С дальнего конца коридора снова бьют лазерные лучи, заставляя насыпь из трупов

двигаться. Огн, кажется, попадает Ориелю в грудь, и ослепительная вспышка бьет по глазам. Когда протергавшись от фиолетовых пятен, я замечаю, что Ориель все еще там, прыгает в укрытие за кучей мертвых тифонцев.

--- Его защищает сам Император, --- в благоговейном страхе шепчет Лори.

--- Колдовство! --- вопит Страйден, его глаза широко открыты от ужаса.

--- Или технология, --- добавляет столь же испуганный Лорон.

--- Конверсионное силовое поле, --- спокойно отвечает нам Полковник, вставляя новые болты в пустой магазин. Мы обмениваемся ступенными взглядами, никто из нас не понимает, о чем он говорит. Все снова стихает и Ориель ползет обратно к двери, я слышу, как зади меня Гудманз затянул торжественную литургию.

--- И четвертая печать будет поднята во славу Бога-Машины, --- поет он, его голос эхом отражается от металлических стен, --- и да будет отделение четвертой печати

провождено звуком радости Бога-
Машины. Лейтенант Страйден,
пожалуйста.

Раздается лязг металла о металл,
зашипела панель слева от меня. Где-то у
нас над головой три раза трубят
высокочастотный визг.

--- Сколько еще? --- орет Полковник,
пока Ориель отдает ему силовой меч,
лезвие тускло серое, поскольку
энергетический поток отключен.

--- Четыре из семи печатей подняты,
Полковник Шеффер, --- в ответ орет
Страйден, --- я полагаю, уже скоро.

--- Они снова атакуют, они
становятся отчаянней! --- фраза Лорона
возвращает наше внимание к коридору.
Узкий туннель, кажется, задыхается от
несущихся к нам тифонцев, на их лицах
отражается отчаянье и ужас. Я полагаю,
что они поняли, что мы делаем, если до
этого момента не догадывались. Теперь
они будут сражаться еще упорнее, борясь за
спасение своих готов, грузей и семей. В
конце концов, ит как нам, нечего терять.
Если у них не получится --- они трупы. Я

находил бесстысленную резню
отвратительной, если бы не образ
прощения, который висел на заворках
моего разума. Эта картинка, и горстки
тепла, которыми на самом деле являются
бегущие ко мне мужчины и женщины. И все
потому, что какие-то командующие
решили остелиться испытать на себе гнев
Императора и сражаться за свою славу, а
не Его. Я как-то не вижу тут никого из
них, чтобы они самостоятельно кидались
на стену огня ради своих идеалов.

Это не бой, у них вообще нет шансов.
Переключив болтер на полуавтомат, я
посылаю очередь крошечных разрывных
ракет по проходу, сбиваю с ног тифонцев и
вырываю куски из уже мертвых тел.
Гвардейцы яростно стреляют в ответ,
еще больше лазерных лучей вливается в
стены прохода. Они продолжают
наступать, перелезают через мертвых и
утирающих. Они все кричат, на нас или на
себя, я не могу сказать.

И только когда болтер начинает
щелкать, я замечаю, что магазин пуст и
ощущаю, что отдалился от

происходящего. Мое тело продолжает
сражаться само по себе, без сознательных
усилий моего разума. Лори кидает мне
еще один магазин, и я выдерживаю пустой и
вставляю новый. Атакующие в
нерешительности от
сконцентрированного в проходе огня.
Тифонцы физически не могут больше
идти вперед.

Я стреляю: к потолку подлетает
оторванная рука. Еще выстрел: солдат
откидывает назад, его кишечник
вываливается из разогранной дыры в
животе. Еще выстрел: облаком крови
исчезает половина головы. Еще выстрел:
от попадания взрывается лагерь. Еще
выстрел: голову в шлеме откидывает
назад. Еще выстрел: женщину швыряет в
стену, она хватается за культю правой
руки, ее волосы слиплись от крови ее
товарищей. Это не сражение, это тир с
живыми мишенями.

Большинство из тифонцев
разворачивается и бежит, и я паляю им в
спины, сшибаю с ног, каждый рык болтгана
забирает жизнь женщины или мужчины.

Кто-то трясет меня за плечо, воля мне
что-то в ухо, но за воем сирен я ничего не
слышу. Мой разум медленно фильтрует
внешнюю информацию, и я чувствую себя
так, словно нахожусь на грани между сном
и явью. Да, вокруг воют сирены, их визг
эхом отражается от стен и пола.

--- У нас получилось! --- орет мне в ухо
Лори. --- Они бегут! У нас получилось!

--- Кронин мертв, --- говорит
Страйден, и все смотрят на него, он
склонился около стены над Кронином.

--- Мертв? --- спрашивает Лорон, явно
шокированный. Я тоже удивлен, я не думал
о раненом безутце, пока сражался за свою
жизнь. Я ощущаю печаль, что он умер в
одиночестве, никем не замеченный. Он был
одиночкой, пока был жив, и кажется
непочтительным то, что никто из нас не
заметил, как он умирает. Я возношу
молитву за его покойную, измученную
душу, в надежде, что еще не слишком
поздно.

--- Наверно, --- внутреннее
кровотечение, --- объявляет Ориель,
выдерживая меня из размышлений, ---

теперь и мне пришло время покинуть вас.

--- У НАС не получилось, --- тяжело шепчет Гудманз.

Мы уже почти уже у ближайшего терминала шаттлов, на пути к свободе и жизни, но несколько тифонцев решили прихватить нас с собой, заставив занять временное укрытие за альковом терминала в главном коридоре. Ориель ушел в противоположном направлении, никто не знает, куда он направляется. Несколько минут назад рев сирен остановился, что было невыносимым облегчением для моих нервов и ушей. Мне не нужно никаких напоминаний, что вскоре целый город прекратит свое существование.

--- Что ты имеешь в виду? --- требует ответа Шеффер, хватая техножреца за руку.

--- Предупреждающие сирены не должны были отключаться, --- говорит Гудманз, отталкивая руку Полковника и указывая на терминал, --- отпусти, я проверю.

Все смотрят на техножреца, пока он ловко манипулирует рунами и верньерами терминала. Его плечи, кажется, опустились еще сильнее, он разворачивается к нам, на его лице отчаяние.

--- Прошу прощения, у меня не получилось, --- говорит он, рхнуv на пол, --- я не нашел потайной предохранитель. Реактор не перегрузится.

--- Ох, фраз, --- бормочу я, падая на колени.

--- Мы что-нибудь можем сделать? --- требует ответа Полковник, его заметно трясет от гнева.

--- Предохранитель хладагента недалеко отсюда. Возможно, получится уничтожить его, --- отвечает Гудманз, хотя явно без особой надежды.

--- В какую сторону? --- рычит Полковник, ставя техножреца на ноги.

--- Обратно к плазменной камере, коридор слева с надписью «распределение энергии», --- отвечает он нам, --- я не думал, что это важно.

--- Ты фракнуvтый идиот! --- ругается

Лорон, хватая Гүлманза и впечатывая его в стену. -- Бесполезный старый дурак!

-- Давайте просто выбираться отсюда! -- кричу я им, -- Это единственный шанс свалить из города живыми!

-- Чертовски верно, -- соглашается Лори, глядя на Полковника.

-- Хватит! -- отрезает Полковник, отталкивая Лорона от техножреца, -- Мы идем к предохранителю и деактивируем его. Мы должны спешить, пока гвардия тифона и охрана не осознали, что им больше ничего не грозит. В противном случае, они бросят на нас все, что у них есть. Паника -- это единственное, что у нас осталось.

-- Миссия провалена, -- говорю я Полковнику, глядя прямо в лицо, -- нам нужно убираться отсюда.

-- Миссия не может быть провалена, -- отвечает Полковник, отталкивая Лорона и глядя прямо на меня.

-- Почему нет? -- требует ответа Лори, горячо возражая Полковнику. -- Потому, что ты так сказал?

--- Не пытайся остановить нас, ---
предупреждает Лорон, поднимает болтер
и прицеливается в Полковника.

--- Ты не постеешь, --- шипит Шеффер
солдату-альбиносу, глядя прямо на него.

--- Мы уходим! --- решительно
отвечает Лорон.

--- Коританорум должен быть
уничтожен! --- восклицает Полковник, и
впервые я замечая нарек, только слабый
нарек на отчаяние в его голосе. Я
медленно отогвигаю в сторону дуло, и
разворачиваюсь к Полковнику.

--- Хорошо, говорите, --- тихо
произношу я, вставая между Полковником
и остальными, в попытке разрядить
обстановку. Если какой-то идиот
подстрелит Полковника, случайно или
намеренно, мы никогда не выберемся.

--- Почему? Почему миссия не может
быть провалена?

--- Нет времени объяснять, --- сквозь
зубы отвечает Полковник. Я наклоняюсь
ближе, все еще глядя в его ледяные глаза.

--- Вам придется рассказать, --- шепчу
я ему в ухо. Он вздыхает.

— Если ты провалится, весь сектор
бюджет уничтожен, — отвечает он нам.
Глядя на наше недоверчивое выражение
лица, он продолжает.

— Я не знаю всех деталей, только
инквизитор Ориель знал.

Он делает паузу, когда слышится
удар закрывающейся двери дальше по
коридору. Ища нас, тифонцы обыскивают
помещение за помещением.

— Вкратце, — говорит он, бросая
взгляд на дверь, — штаб Коританорума
попал под инопланетное влияние.
Конкретно — под влияние генокрагов.

— Генокрагов? — ступенно спрашиваю
я. — Вы имеете в виду одну из
тиранидских тварей, с которыми мы
сражались на Учаре-IV? Они же просто
ударные войска. Конечно, они смертоносны,
быстры и способны разорвать человека за
удар сердца, но их должна быть целая
армия, чтобы устоять против семисот
тысяч гвардейцев. В чем проблема?

— Как я сказал, я не полностью
понимаю, — продолжает быстро
рассказывать Полковник, — они не только

эффективные убийцы, но и лазутчики. Генокрады каким-то образом могут контролировать других, я полагаю, какой-то гипноз. Внутри общества они создают сочувствующих, зараженных персон. Они их защищают, позволяют контролировать других, строят мощную базу изнутри. Это может привести к восстанию и мятежу, как это здесь и произошло. Если говорить более конкретно, как только культ влияния достаточно вырастет, он может создать своего рода психический маяк, так мне сказали, словно астронавт, послать сообщение в варп. Флот-улей тиранидов может его поймать и последовать за ним. Флот-улей Дагон, кажется, обнаружил Тифон Прайм и летит сюда.

--- По-прежнему не складывается, ---
появляется голос Лори, --- все это кажется крайними мерами, особенно, если тираниды все равно уже летят сюда. Если мы отобьем Коританорум и восстановим базу, это я бы могла понять, но мы же ее разрушаем. Какая разница, останется она под контролем генокрадов или будет уничтожена?

--- Потеря Коританорума, как базы
Умпериума, на самом деле печальное
событие, --- соглашается Полковник, все-
еще быстро рассказывая, --- но не столь
ужасное, как если ее секреты попадут в
руки тиранидам. Флот прилагает все
усилия, чтобы остановить флот-улей
Дагон, но мы должны предполагать, что
произойдет, если их постигнет неудача.
Когда флот-улей прибьет сюда,
тираниды поглотят все данные с базы и
весь инфицированный персонал, познавая
тем самым сокровенные секреты о силах
Умпериума в секторе. Они найдут все базы
флота, все миры, где набирается
Умперская Гвардия, все наши
стратегические и производственные
мощности. Без Коританорума сражение и
так будет смертельным, но если
тираниды получат такую информацию,
они с легкостью поглотят весь сектор. По-
правде говоря, вообще невозможно себе
представить, как в таком случае
противостоять им.

--- Пятьсот миллиардов человек, ---
тихо шепчу я, --- вы думаете, это

справедливая цена? Смерть трех с половиной миллионов и разрушение Коританорула дадут шанс на выживание пятистам миллиардам, живущим в секторе.

— Людей можно заменить, — трично отвечает Полковник, строго глядя на каждого, — планеты, пригодные для обитания — нет. Миры, разграбленные тиранидами, невозможно восстановить или заселить.

Хлопает еще одна дверь, на этот раз ближе.

— Вы думаете, ваши жизни этого стоят? — спрашивает он с презрением. — Достаточная цена для самопожертвования? Или я ошибался, давая сточным потокам, как вы, шанс что-то изменить? Или вы на самом деле ничего не стоящие преступники, как все думают?

Я обмениваюсь взглядами с остальными штрафниками «Последнего шанса», этот короткий миг говорит о многом. Это не ради прощения, и даже не ради спасения сектора. Речь идет о нашем

долге, нужно выполнить то, на что мы
присягнули, вступая в Имперскую Гвардию.
Мы клялись защищать Императора, Его
Империи и Его слуг. Может быть, мы не
выбирали стать штрафниками
«Последнего шанса», но мы решились
встать на опасный путь, добровольно были
готовы пожертвовать своими жизнями
ради исполнения долга.

--- Вперед! --- рывкает Полковник,
плечом открывая дверь и прыгая в коридор,
сверкают выстрелы болт-пистолета. Мы
прыгаем вслед за ним и бежим, вокруг нас
визжат лазерные разряды тифонцев.
Тудманз вскрикивает и, с рваной,
обожженной дырой в спине на робе, летит
вперед. Страйден останавливается, чтобы
подобрать техножреца, но я хватаю руку
лейтенанта и толкаю его вперед.

--- Он уже мертв, --- говорю я офицеру
флота, пока он сопротивляется, --- и тоже
произойдет со всеми на пятидесяти
планетах, если мы не разобьем этот
предохранитель.

К СЧАСТЬЮ для нас, тифонцы не

ожидают, что мы повторно вернемся, возможно, предполагая, что мы отрезаны и бежим. Нельзя их винить за это, только их командиры понимают, что за ставки в этой игре, если хоть кто-то из них действительно это понимает. В данный момент они абсолютно дезорганизованы. Неожиданная атака изнутри, вой сигнализаций, побег к порту шаттлов, штурм снаружи Имперской армии. Должно быть, к этому моменту тифонские офицеры уже вырвали все свои волосы на голове.

Информация Гудманза была точна. Мы подскакиваем к табличке «Распределение энергии» и боковой туннель приводит нас в комнату, которая выглядит очень похожей на плазменную камеру, хотя и намного меньше, едва больше четырех метров шириной. Она наполнена множеством труб, резервуаров и проводов, десятками измерительных шкал, их указатели дергаются, красные сигнальные лампы горят почти на всех панелях.

— Что мы можем сделать без

Гудманза? --- спрашивает Страйден, многозначительно глядя на меня. Мы смотрим друг на друга, ища хоть какое-то вдохновение.

--- Ох, великолепно, --- говорит подавленный Лорон и хлопает себя рукой, --- мы все были готовы поступить правильно и теперь, потому что старый техножрец позволил себя убить, мы ничего не можем сделать.

--- Должны что-то сделать, --- возражает Страйден, оглядывая комнату.

--- Мы штрафники «Последнего шанса», --- с устешкой отвечаю я, --- Если сомневаешься --- стреляй!

Когда я открываю огонь из болтера по змеящимся трубам и проводам, остальные присоединяются ко мне, паля во все, что видят, разбрасывая во все стороны каскады искр, взрываются ряды машинерии. Несколько секунд мы стреляем, вокруг нас поднимаются завитки дыма и шумит пар, но, кажется, это не оказывает хоть какого-то эффекта, большинство наших выстрелов, не причиняя вреда, рикошетят от укрепленных трубопроводов.

--- Эй! --- зовет нас Лори, вытаскивая что-то из-за ремня. Последний цилиндр с мелта-зарядами. --- Это может пригодиться!

--- Я тебя обожаю, --- отвечаю я ей, пока она раздает их. Я решаю установить свой на трубу, которая идет от пола к потолку, ее ширина такая, что я не смог бы обхватить ее руками.

Нажав на кнопку, я отхожу на пару шагов назад. Труба начинает светиться белым и секунду спустя разрывается потоком испаренного металла и пластика. Я слышу точно такие же взрывы, густой, маслянистый дым наполняет комнату, панели взрываются разноцветными искрами, внезапно снова оглушительно начинают верещать сирены. Страйден хохочет от восторга, Лорон шлепает меня по плечу, ухмыляясь как дурак.

--- Время уходить, --- приказывает Полковник, направляясь к двери. Лорон выскакивает первым, остальные тут же следуют за ним. Всего лишь короткая прогулка к ангару шаттлов и мы на

свободе. Лорон оглядывается и улыбается, но когда выходит в главный коридор, его голова взрывается, заливая кровью Лори, которая идет прямо за ним.

Она издает сдвленный крик, капли крови на ее алебастровом лице выглядят очень темными, ее голубые глаза, словно готовы выскочить из орбит. Я хватаю ее и оттаскиваю назад, поскольку лазерные лучи начинают бить в стену, но она разворачивается и вцепляется мне в лицо, ее ногти оставляют глиняные царапины на лбу. Я твердо держу ее, пока она силой пытается вырваться, но внезапно она с ошеломительной силой бьет коленом и мной пах взрывается болью. Я инстинктивно отпускаю ее и, сжав руки на причинном месте, падаю на пол. Страйген кидается за ней, но она правой бьет его в подборок и отбрасывает. Остановившись, чтобы схватить болтер брата, она кидается вперед, стреляет с двух рук в коридор на бегу.

--- Она бежит не туда! --- кричу я, глядя, как она уносится налево, в другую сторону от ангара шаттлов.

— Она гасит нам дополнительное
время, — холодно замечает Полковник,
поворачивая направо. Я все еще слышу рев
болтеров слева, но уже не вижу Лори. Я
замешкался на секунду, поднимаясь на ноги,
готовясь броситься за ней. Передо мной
встает Страйден и упирает в мою грудь
руку.

— Она не хочет жить, Кейдж, — с
отрачным выражением лица говорит он, —
твоя смерть ей не поможет.

Я готов оттолкнуть его в сторону,
когда слышу визг, кажется, заполнивший
весь коридор. Я слышу, как мимо меня
шагает Полковник, его ботинки топчут
по металлическому полу. Страйден
отходит и спешит вслед за Полковником.
Я остаюсь в одиночестве, напрягаю слух,
дабы различить звук еще хоть одного
выстрела из болтера.

Ничего. Я осознаю, что остался
единственным штрафником «Последнего
шанса». Я ощущаю пустоту. Одиночество в
душе давит почти так же, как физическое
одиночество. Смерть Лори, кажется,
подвела итог. В конечном счете,

бесстысленный и бесполезный. Зачем мне
все это нужно было? Я действительно
считал, что что-то изменится, через год,
десять лет, век? В этом времени нет
героев, подобных Махариусу или Долану,
только бессчетные миллионы мужчин и
женщин, умирающих в одиночестве, не
замеченные большинством, и не вписанные
в анналы истории. Я ощущаю, как падаю
на колени и сгибаюсь. Желание жить,
которое пронесло меня через три года
этого ада, просто улетучилось. Болтер в
руках стал тяжелее, чем обычно, кажется,
что его нагрузили бесчисленные смерти.

Я почувствовал вкус крови во рту и
осознаю, что так сильно закусил губу, что
она закровила. Этот вкус приводит меня в
чувство. Я все еще жив, благодаря им в
той же степени, что и себе, вот так это и
заполняют, чтобы не случилось, эта
жертва, и эти страдания не утратят
вместе с нами. Я разворачиваюсь на
месте, снова сжимаю болтер, меня опять
наполняет стремление, и трясцой бегу за
Страйденом.

--- СЮДА! --- возражает Страйден, собираясь повернуть налево.

--- Прямо, --- парирует Полковник, указывая на главный коридор.

--- Я запомнил карту, --- настаивает офицер Флота, и, не оглядываясь на нас, шагает налево. Я слышу, как где-то позади нас закрылась еще одна аварийная переборка. Полагаю, что это автоматическая реакция, поскольку не представляю, чтобы тифонцы разгυливали в окрүге и закрывали противовзрывные двери. И насколько я могу сказать, нельзя полагаться, что от этого будет хоть какая-то польза. Еще один резкий звук заставляет меня обернуться, и я вижу, что последний туннель за нами справа запечатался. Полковник шагает к Страйдену и хватает его за воротник. Мгновение спустя опускается переборка, металлическая стена выскальзывает из потолка и отрезает меня от них. Я ошеломленно затираю на минутү, не в

силах поверить, что их нет.

Внезапно удары ботинок по коридору сзади привлекают мое внимание, и я вижу, как бегут семь гвардейцев. Ни один из них не взглянул в моем направлении, они все убегают. Я решаю, что они бегут к шаттлам и спешу за ними. Постоянный вой сирен болезненно закладывает уши, этот пронзительный тон, словно пробивает до самого мозга. Я почти врезаюсь в пару тифонцев, когда они выскакивают из двери слева от меня. Я шарахаю одному, молодому человеку с длинным носом, в челюсть болтером. Другой смотрит на меня в замешательстве, пока я не нажимаю на спусковой крючок, болт разрывает ему грудь, отгача почти выворачивает мне руку. Его круглое лицо мгновение смотрит на меня в ужас, после чего он резко рушится на пол. Пяткой ботинка я бью по лицу первого, с хрустом костей, вминаю его голову в пол.

Это все меня отвлекает, и я теряю бойцов, за которыми бежал, на мгновение я останавливаюсь, чтоб вслушаться. Пару

минут я иду в одиночестве, пока мне не
показалось, что я слышу звук бега в
коридоре слева от меня. Поспешив вперед, я
внезапно замечаю движение в
противоположном коридоре. Когда я
заглядываю туда, мои пальцы
разжимаются от оцепенения, болтер с
лязгом падает на пол. Прямо на меня
внимательно смотрит генокраг. Точно
такой же, как на Учаре-IV. Его
испещренные прожилками черные глаза
упокают в широком черепе, в его взгляде
читается смертный приговор. Немного
горбясь, на своих глиняных, двусуставчатых
ногах он стремительно кидается ко мне.
Его верхние четыре руки подняты для
равновесия, верхняя пара оканчивается
костьяными, похожими на кинжалы,
когтями, нижняя пара, больше похожая на
руки, медленно разжимается.

Мой взгляд встречается с взглядом
пришельца, и я ощущаю, как из моего тела
высасывается сама жизнь. Они как две
темные ямы и я чувствую, что как будто
упокаю в них. Я смутно осознаю, что
справа от меня кто-то стоит. Но все

кажется уже не важным, все, что действительно видят мои глаза — это двавидела с тенями.

Он раскрывает свою широкую пасть, обнажая массу острых, как бритва, зубов. Так вот как я умру, сплотно глотаю я. Он наклоняется еще ниже, и я замечаю, что его язык протягивается ко мне, на его конце раскрывается какая-то щель. Этот убийца обладает какой-то странной, завораживающей красотой. Гладкие, почти темно-синие пластины хитина над его жилистой, фиолетовой плотью. Меня восхищает превосходная целеустремленность его когтей и клыков.

Сердце Джунглей.

Эта мысль внезапно появляется на задворках моего разума, и что-то внутри меня всколыхнулось. Словно появился еще один голос, побуждающий меня вспомнить об ощущениях инопланетного влияния на разум. Воспоминания о беспомощности. Сражение за контроль над собой.

Учар-IV.

В этот раз воспоминания еще более красочные. Груды тел, разорванных на

части такими же существами, какое
стоит передо мной. От лесов остались
голые скалы, даже грязь поглощена роет
тиранидов. Огромный био-титан шагает
по руинам фабрики очистки воды, стиная
своими лапами целые здания, ужасающие
орудия выпускают брызги био-кислоты и
залпы пожирающих плоть личинок.

Сектор Тифон.

Мгновенно мой разум умножает
ужасы Учара-IV на пятьдесят. Вот это и
произойдет.

Когда язык генокрада пробегается по
моей глотке, я буквально выскакиваю из
оцепенения гипнотического транса.

— Фраз тебе в задницу! — рычу я,
действуя инстинктивно — выбрасываю
кулак, в превосходном апперкоте костяшки
правой руки врезаются в его челюсть.
Пойманный ударом врасплох, генокрад
отшатывается, когтистые лапы скребут
по прочному металлическому полу,
пытаясь за что-то зацепиться, после чего
он валится. Мгновение он лежит, после
чего в прыжке вскакивает на ноги, его
мышцы напрягаются, дабы сделать

убийственный выстрел. Я странно спокоен.

Стена около нас разрывается потоком металлических осколков, генокрад разворачивается и отпрыгивает. Еще взрывы бегут по полу перед ним, пока он пытается сбежать и затем исчезает в вентиляционной трубе, махнув на прощание хвостом.

--- Спасибо Полковник, --- не оборачиваясь, говорю я.

--- Не в этот раз, --- отвечает инквизитор Ориель, проходя мимо меня с дымящимся болт-пистолетом в правой руке, --- я сделал так, чтобы эта тварь не выбралась из города, но она снова улизнула от меня. Я почти добрался до нее в этот раз.

Я все еще ошеломлен, инквизитор подбирает мой болтер и вкладывает его в мои бесчувственные руки.

--- В этот раз, я ее угроблю наверняка, --- говорит Ориель, обращаясь скорее к себе, я полагаю, --- я не позволю ей снова улизнуть от меня. Он утрет в Коританоруме.

Я просто киваю, мое тело начинает

грожать от произошедшего. Тенокрад был в двух метрах от меня, и я все еще жив. Еще жив. Ориель забывает обо мне и идет по коридору к разбитой вентиляции, бормоча что-то про себя.

Рокот вернувшихся к жизни двигателей привлекает мое внимание в реальный мир, и я плетусь к посадочным площадкам шаттлов. Примерно через сто метров по коридору, я слышу реактивный свист справа. Следуя за шумом, я прохожу огромные двойные двери.

Внутри примерно двадцать тифонцев сражаются друг с другом, пытаясь вскарабкаться по лестнице к одному из двух оставшихся в ангаре шаттлов. Стоящий наверху пытается оттолкнуть остальных обратно, чтобы можно было открыть люк. Остальное обширное пространство завалено разбросанными бочками и ящиками, спешно выкинутыми из грузового отсека, чтобы освободить место. Воздух мерцает от раскаленного тарева и дыма, оставленного улетающими шаттлами. Никто вообще не обращает на меня

никакого внимания.

— Вот мой шаттл, — говорю я сам себе, вытягивая последнюю осколочную гранату с пояса, и зашвыриваю ее наверх посадочной лестницы. Взрыв разбрасывает людей по воздуху, отправляет их кувыркаться по металлическому полу, некоторые из них падают вниз кровавым дождем. В моей руке ревет болтер, снаряды дырявят выживших, перекидывают через перила, разрывают тела на части. Никто из них не вооружен, и казнь занимает секунды.

Пробежка по ступенькам наполняет меня приливом свежей энергией, под ногами стонут раненные. От свободы меня теперь отделяет только пара минут. Только небольшое путешествие к оставшейся части моей жизни. Я пролезаю через люк и иду в кабину. Пилот шаттла разворачивается в кресле и орет на меня, чтобы я вылетался. Он с тревогой кричит, когда я достаю один из ножей с перевязи через грудь, и мгновение бешено вертится, не способный сражаться, пока пристегнут противоперегрузочными

релнями безопасности. Его руки и кисти
разрезает до кости, когда он пытается
защитить себя, он постоянно вопит.
Вопль превращается во влажное бульканье,
когда я утүдряюсь найти брешь в обороне и
воткнуть нож.

Бросив на пол нож и болтер, я
усаживаюсь в кресло второго пилота. Я
смотрю на ручки управления, и меня
начинают дүшить сомнения. Какого флага
я полезу в шаттл, разве я умею им
управлять? Ладно, я смогу разобратъся,
ведь это не может быть сложнее, чем
управлять «Химерой», верно? Если моя
свобода зависит от того, смогу ли я
пролететь пару километров, то я все
сделаю. Я слишком заголжал самому себе.
Я начинаю хихикать, осознав иронию
происходящего. Побег на шаттле как раз
привел меня впервые к Полковнику и
«Последнему шансу», и теперь я угоняю еще
один, чтобы стыться от всего этого. Через
иллюминаторы кабины я вижу, как кучка
тифонцев бежит по ангару, стреляя в
сторону входа. Должно быть, там
Полковник, но это его проблема. Есть еще

один шаттл, он разберется. Эти тифонцы
могут решить попытаться отбить этот
у меня, и я не знаю, смогу ли остановить
их. Неа, я чертовски уверен, что не стану
ждать Полковника. Он обещал мне
прощение и свободу, и я собираюсь
заполучить все.

Внезапное понимание бьет меня,
словно пуля снайпера. Прощение ни фрага
не стоит без подписи Полковника и
печати. Просто кусок бумаги с
множеством бессмысленных слов на
Высоком Готике. Ох, что за дерьмо,
думаю я. После того, что тут произойдет,
все забегают как безголовые потойные
науки. Никто не заметит меня, один
гвардеец из миллиона. Может быть,
Полковник будет охотиться за мной, если
выберется, но может быть, и нет. Он
может решить, что я мертв или в любом
случае отдать мне мое прощение. Он не
знает, что я сижу тут и решаю, помогать
ему или нет. Будет ли он винить меня за
это?

Не, не будет, в этом-то и проблема.
Он ожидает, что я сбежу от него.

Сошнотворные мысли, которые не давали мне покоя, как только я очутился на этой планете, снова наседают на меня. Воин или преступник? Стою я чего-нибудь или нет? Я выглядываю наружу и вижу, как один из тифонцев встал на колени, прислонив к плечу плазменную винтовку. Энергетический шар с ревом скрывается из виду, и я принимаю решение. Подняв болтер и направляясь к лестнице, я обнаруживаю, что в магазине осталось всего четыре патрона, и у меня больше нет боезапаса. Пять гвардейцев, четыре патрона. Почему Император не дал мне гребаную передышку и не оставил полный магазин? Ругаясь, я перепрыгиваю по три ступеньки за раз.

Один из тифонцев замечает мой стремительный забег по ангару, и я сворачиваю налево, под укрытие каких-то металлических коробок, вслед за мной визжат лазерные лучи. Четыре патрона, пять гвардейцев. Прижав болтер к плечу, я выглядываю из-за коробок. Когда лазерный луч чуть не изжаривает мое левое ухо, я нажимаю спусковой крючок и замечаю, как

пламенный след от болта пересекает ангар за долю секунды, разрывает плечо одному из тифонцев. Его разворачивает, и он рúшится на пол. Следующего я укладываю выстрелом в голову, но третьему только царапаю руку. Трое выживших стремительно переглядываются, то на меня, то на вход, когда одного из них сшибает с ног попаданием в грудь. Я стреляю последний патрон, когда они оборачиваются к Полковнику, который с мерцающим силовым мечом тчится по ангару. За ним бежит Страйден, сжимая болт-пистолет обеими руками, он делает еще один выстрел и тифонца отбрасывает метров на пять, когда болт-снаряд попадает его в верхнюю часть груди. Последний, кажется, решает отказаться от сражения и складывается пополам, когда метровое лезвие силового клинка Полковника втыкается ему в живот.

Я выскакиваю из укрытия и ору. Страйден почти стреляет меня, но вовремя приходит в себя.

— Кейдж? — спрашивает Полковник.

замечая, как я со всех ног несусь к ним. — Я
думал, нам помогает инквизитор Ориель.

— Мне никогда не нравилось, как
убивают хороших людей, — отвечаю я ему.

Когда он поворачивается ко мне, я
шокировано замечаю, что его левая рука
оканчивается чуть выше локтя обугленной
массой. Я никогда раньше не видел, чтобы
Полковника ранили в битве. Ни единой,
даже малейшей царапины и теперь у него
отсутствует рука. Это пугает меня, не
знаю почему. Полагаю потому, что я
считал его неуязвимым. Думаю, я волнуюсь
об этом больше, чем он сам, когда его
ледяной взгляд осматривает зал в поисках
врагов. Он, кажется, даже не замечает,
что у него отсутствует рука. Дьявол в
теле человека, так я однажды назвал
Шеффера. Я вспоминаю об этом факте,
когда смотрю на него, стоящего с одной
рукой, как всегда бдительного и готового к
действию.

— Плазменный взрыв, — объясняет он,
проследив за моим взглядом.

Мы светливо забираемся по
посадочной лестнице ближайшего

шаттла. Я почти заскакиваю за
остальными, когда слышу за спиной крик.
Развернувшись, я вижу, как через ангар к
нам несется инквизитор Ориель.

— Он готов к взлету, — зовут
изнутри Страйден. Ориель взлетает по
ступенькам, но я загораживаю путь, когда
он пытается нырнуть в шаттл.

— Что это значит, лейтенант? —
требует он ответа, выправляясь.

— Как генокрады добрались сюда,
когда до ближайшего флота-улья месяцы,
годы пути? — спрашиваю я его, внезапно в
моей голове сложилась вся мозаика.

— Я агент Святейшего Ордена
Императора — Инквизиции, — рычит он на
меня, — я могу убить тебя за такое.

— Ты не ответил на мой вопрос, —
говорю я ему, скрестив руки. Я прав, и у
этого человека есть все ответы.

— Отойди в сторону, — ревет он,
делая выпад. Я отшагиваю в сторону и
взмазываю коленом ему в живот, заставляя
того рухнуть на колени. Он ошеломленно
смотрит на меня, удивленный, что я
постел ударить его. К счастью, он этого

не ожидал. Я не гутаю, что смог бы
задеть его даже пальцем.

--- Ты сказал, что не позволишь ему
снова удрать от тебя, --- говорю я, пока он
хрипит стоя на коленях.

--- Ты позволил ему сбежать, не так
ли? Фраг, да ты сам мог его притащить
сюда, я так понимаю.

--- Ты не понимаешь, --- задыхаясь,
отвечает он, заставляя себя подняться, ---
это просто несчастный случай, вот и все.

Он хватается за кобурку на поясе, но
она пуста.

--- Вот это ищешь? --- спрашиваю я
его, поднимая болт-пистолет, который
выхватил, когда ударил коленом.

--- Четыре тысячи мертвых
штрафников «Последнего шанса».
Несчастный случай. Три с половиной
миллиона мертвых тифонцев.
Несчастный случай. Миллион гвардейцев
со всего сектора. Несчастный случай.
Пятьдесят планет в опасности.
Несчастный случай?

--- Ты никогда не поймешь, ---
огрызается он, отходя на шаг, --- чтобы

победить тиранов, мы должны изучать их. Ставки выше, чем несколько миллионов человек. Выше чем пятьдесят миллионов. Весь Империиум человечества может быть вырезан этими тварями. Их нужно остановить любой ценой. Любой ценой!

--- Я думаю, это тоже просто несчастный случай, --- добавляю я, вбивая рукоять пистолета ему в подбородок, он слетает вниз по ступенькам. Я шагаю в шаттл и закрываю люк, вращая колесо замка.

--- Летим! --- ору я Страйдену. Когда я пристегиваюсь рядом с Полковником, двигатели оживают и отрывают нас от земли. Меня вжимает на месте, когда Страйден дает полный газ, шаттл вылетает из дока, подобно снаряду из пушки. Мы пролетаем небольшой туннель, по пути периодически задеваем стены из-за неопытности Страйдена, после чего с воем вылетаем на яркий дневной свет, ослепленные после освещения светополос за последние несколько дней. Я смотрю вниз и вижу простирающийся Коританорум.

построенный в горах и тянущийся почти
пятьдесят километров.

За нами начинает разрастаться
оранжевый шар, бьющий вогворот
энергии, окруженный вспыхивающими
дугами молний. Следов взрываются еще
два реактора, образуя треугольник,
пока их взрывы сливаются в один.
Плазменный шар стремительно
увеличивается, подбрасывает к небесам
камени и метал, перед тем как сжечь их.
На мгновение мне показалось, что я вижу
черную точку, несущуюся перед плазменной
бурей, но это, может быть, мое
воображение. Опять же, в ангаре оставался
еще один шаттл. От взрыва рушатся
горы, и все, о чем я могу думать, так это
о том, что от них останется лишь пепел.
Гора пепла, ценой в три с половиной
миллиона жизней из-за чьей-то ошибки.
Мои мысли возвращаются к собственному
выживанию, и я вижу, как ревущий ветер
гонит камни и пыль к нам.

--- Быстрее! --- ору я Страйдену, когда
ударная волна поднимается в воздух.
Невиданные силы колышут землю, скалы

дробятся на части, высокие стены
взрываются миллионати осколков.
Последним конвульсивным спазмом,
плазма поглощает все. Свет обжигает
тне глаза, звук взрыва достигает слуха,
когда шаттл взлетает над взрывной
волной и нас швыряет в облака. Корпус
оглушительно гребезжит от попадания,
метал скрипит под натиском
сверхъестественного шторма, на своих
местах нас швыряет то вверх, то вниз. Я
слышу, как спереди истерично хохочет
Страйден, но я больше сосредоточен на
своих подпрыгивающих внутренностях,
пока нас вертит, швыряет и
перекатывает взрывом.

Когда мы вылетает, то все начинает
успокаиваться, я слышу странный звук и
разворачиваюсь, чтобы взглянуть на
Полковника. Он смеется, дико гогочет. Он
сидит там взъерошенный — одна рука
оканчивается рваным обрубок, другая
покрыта кровью и кусками внутренностей
убитых — и ржет. Он смотрит на меня,
его ледяные глаза блестят.

— Каково ощущать себя героем.

Кейдж? -- спрашивает он.

Эпизод.

Полковник отсылает суетливого дежурного раздраженным жестом руки. Я нетерпеливо стою там, ожидая получить на руки свое прощение. Мы вернулись на пост комиссариата, где нам в свое время поведали о задании. За мной со скрипом открывается дверь и входит личный писчий Шеффера, клерикус Амагуель, край его коричневой туники волочится по полу. С ним кто-то еще, молодой человек, на его лице татуировка черепа и шестеренки Агентус Механикус. Амагуель держит в руках связку прощений, в то время как техноагент несет какое-то причудливое устройство, которое выглядит, словно помесь лазнистолеа и паука.

--- Вот документы, Полковник, --- медленно произносит Амагуель, выкладывая их на чистый деревянный стол перед Шеффером.

Я одергиваю себя от желания схватить всю связку и найти свое.

Полковник намеренно не торопится, подписывает прощения остальных — Франкса, Кронины, Лори, Лорона и Гудманза. Прощение для мертвых, живые подождут. Он работает медленно и методично, клерикус держит перед ним пергамент, пока он подписывает его здоровой рукой. Амагуель передает ему горящую красную свечу, и с той же, приводящей в бешенство неторопливостью, он капает воском на каждый пергамент, затем Полковник скрепляет печатью, которая появилась из рукава ничего. В конечном итоге, кажется, что прошла вечность, когда Полковник достает мое.

— Есть определенные условия, при которых действует прощение, Кейдж, — строго заявляет он мне, наконец-то взглянув в мою сторону.

— Да? — спрашиваю я, с подозрением гудая о том, что дальше скажет Полковник. Я не считаю, что он из тех людей, которые будут пытаться извернуться или что-то такое. У него есть честь, я в этом уверен.

— Первое: вы ни с кем не имеет право

обсуждать детали миссий «Последнего шанса» в Коританоруме, кроме тех, кто специально уполномочен моим приказом или Святейшими Орденами Инквизиции Императора, — мрачно произносит он, считая условия подняв палец.

— Забыть о том, что произошло, верно, сэр? — подтверждаю я.

— Верно, — кивнув, отвечает он, — нас здесь никогда не было, отказ реакторов Коританорума вызвал разрушение цитадели. Волеизъявление Императора.

— Понятно, — уверяю я его. Я ожидал что-то такое, с тех пор как шаттл приземлился, и нас в спешке усадили в еще один раскрашенный в черное броневтомобиль комиссариата.

— Второе, — говорит он, поднимая второй палец, — ты освобожден условно. Прощение будет отменено, если ты когда-либо нарушишь Законы Империи, или, если останешься в Имперской Гвардии, любые положения Кодекса Имперской Гвардии и Законы Поведения.

Он произносит это так, словно читает по бумажке у себя в голове.

--- Не дам повода для придираков, ---
отвечаю я ему и искренне киваю.

--- Сомневаюсь, --- внезапно криво
ухмыльнувшись, отвечает он, чем выводит
меня из душевного равновесия. Это ведь
почти шутка!

--- Просто постарайся, чтобы тебя не
загребли на чем-нибудь слишком серьезном.

--- Не волнуйтесь, Полковник, --- с
жаром отвечаю я, --- я так наслаждался
вашей компанией, что больше никогда не
хочу вас видеть.

--- Вот такие условия, --- завершает
он, ставит подпись на свиток и ударяет по
нему печатью. Небрежным жестом он
протягивает его мне. Я осторожно тянусь
вперед, почти ожидая, что он в последний
момент с жестоким стехом отдернет
руку.

Боюсь, что я почти выдерживаю его
из рук, после чего жадно вчитываюсь в
слова: «свобода... прощение всех
преступлений». Свобода!

--- Чем теперь займешься, Кейдж? ---
спрашивает Полковник, откидываясь на
хрупком деревянном стуле, под его весом

спинка трещит.

--- Останусь в Гвардии, сэр, ---
мгновенно отвечаю я. Я размышлял об
этом во время полчасового, ухабистого
полета на шаттле. Скорее, чтобы не
думать о слабых летных навыках
Страйгена, чем по какой-то другой
причине. Если бы разразилась еще одна
буря, то она нас угробила бы. Он
вопросительно поднимает бровь, и я
объясняю.

--- Я вступил в ряды Имперской
Гвардии, чтобы сражаться за Императора.
Я принес клятву защищать Его царство.
Я собираюсь сдержать клятву.

--- Очень хорошо, --- одобрительно
кивает Полковник, --- ваше звание
лейтенанта будет сохранено в любом
полку, к которому вы присоединитесь. Тут
их множество и есть из чего выбирать. Но
я бы посоветовал вам держаться подальше
от мордуанцев.

--- Так и буду, --- решительно заявляю
я, --- мне вроде как нравится униформа
Тробаранских Рейнджеров, так что,
возможно, я прилкну к ним, если они

возьмут.

--- Уведомите клерика Амагуеля, как только сделаете выбор. Он подготовит необходимые бумаги для приказа, --- говорит Полковник, кивая в сторону писчего. Амагуель смотрит на меня своим целеустремленным, ничего не выражающим лицом.

--- Еще одно, --- добавляет Полковник, когда я уже готов повернуться к двери. Он пальцем потанил к себе техноагента.

--- Я могу удалить вашу татуировку штрафного легиона, --- говорит агент, поднимая свой специфический аппарат, словно объясняя. Я закатываю рукав и смотрю на плечо, на котором еле видно эмблему из черепа и перекрещенных мечей. Выше над знаком можно прочесть «13-ый Штрафной Легион», а под ним до боли знакомая строчка «14-3889: Кейдж. Н». Хотя теперь ее не видно из-за белого рубца.

--- Я сохраню ее, --- объявляю я, позволяя рукаву опуститься.

--- Сохраните? --- интересуется Амагуель, не удержавшись.

— На память, — добавляю я, и Полковник понимающе кивает. Воспоминания о четырех тысячах погибших выгравированы у меня в мозгу. Было странное ощущение, что их также вытатуировали мне под кожу.

Мы больше не говорим ни слова, я отдаю честь, разворачиваюсь на каблуках и выхожу, сжимая рукой свое прощание так крепко, что костяшки пальцев белеют. Снаружи бункера два военных полицейских щелкают каблуками, отдавая честь, когда я прохожу мимо них, и я намеренно это игнорирую. День тому назад, они бы расстреляли меня, если бы я дал им малейший шанс или причину.

Пока я иду по усыпанной гильзами грязи, я оглядываюсь и вижу, как появляется Полковник. Внезапный рев двигателей и поток ветра возвещает о прибытии своего рода стратолета, длинного, гладкого, черного как уголь и совершенно без опознавательных знаков. Дверь с шумением откидывается в сторону, и спрыгивают три бойца, обернутые в темно-красные накидки.

которые бешено хлопают от нисходящего потока двигателей машины. Полковники кивком приветствуют их. Все четверо заезжают обратно и, со свистом ускорителей, машина снова скрывается в небесах менее чем за десять секунд. Вот таким я вижу его в последний раз, возможно, он уже планирует новую самоубийственную миссию для следующей группы бедных ублюдков, называемых штрафниками «Последнего шанса».

ПУСТАЯ бутылка разбивается, когда я небрежно роняю ее на пол, ее осколки стешиваются с осколками стакана и керамическими обломками предыдущих четырех бутылок. Я пьян. Сильно пьян. Я не пил три года, и первый стакан ударил мне в голову. Второй в ноги, остальные не в счет. Император только знает сколько! Вот так продолжается последние два месяца, по сути, каждая ночь в офицерской столовой, после чего я ползу к своей койке, когда меня вышвыривают.

Я очутился на Галасис Фортундус, снова в строю, в компании тифонцев и

тробаранцев. Я все еще ни с кем толком не познакомился, я проводил каждый вечер, заливая свое прошлое, пытаюсь забыть последние три года, что не просто. Парады и тренировки столь унылы, что той разут возвращается назад. К Избавлению, Проксима Финалис, Ложной Надежде и в другие места, где я игрался и сотнями утирали мои товарищи. Я кручу тифонское вино в серебряном кубке, припирываясь, что могу различить его деликатный букет через вонь от разжеванной сигары, зажатой в уголке рта. Глядя на тысячи свечей, висящих на десятке огромных канделябров, которые освещают траторный зал своим мерцающим светом, я задумываюсь, а хватит ли тут свечей на каждого убитого штрафника «Последнего шанса»?

Сегодня столовая, кажется, набита тифонцами, которые угрюмо смотрят в мою сторону, словно что-то знают, но я уверен, это не так. Мы одержали великую победу в Коританоруме, мы выиграли войну, и началась подготовка к появлению флота-улья Дагон, вот почему в данный

томент мы застряли здесь. Великая победа, но, кажется, никто ее не празднует. Все в столовой остаются мрачными. Я не знаю, чего они так грустят, у них отличное свежее мясо, свежие овощи, напитки, шлюхи, азартные игры, словом все, чтобы весело провести время вместо сражения. Я полагаю, именно поэтому я не вписываюсь, потому что начинаю скучать по сражению. Выкрикивать приказы кучке троллей в униформе, пока те маршируют туда-сюда по плацу, не сравнится с тем, чтобы ползти по грязи и крови, убить или быть убитым, это вдыхает в тебя жизнь. Жалкие ублюдки, они что, не знают, что мы только что выиграли войну?

Мрачное настроение всех и каждого несет мои мысли дальше. Я думаю о других штрафниках «Последнего шанса». О мертвых. О тех, кто получил свое прощение слишком поздно. Три тысячи девятьсот девяносто девять. Все мертвы. Кроме меня. Я начинаю задумываться, а почему я жив, а они нет? Что делает меня особенным? Мне просто повезло? Или беду

ответел от меня Император? Заманчивее
звучит второе, вот почему я снова встал в
строй, оплатить ему за то, что он
приглядывал за мной последние три года.
Император, желаю, чтобы эти тифонцы
повеселели, жалкие фразгеры.

--- Что ты сказал? --- требует ответа
мужчина у бара, примерно в трех метрах
справа от меня. Его униформа синего и
белого, тифонских цветов, золотое
племение висит через левую грудь, полная
планка медалей украшает правую. Я
полагаю, полковник. Должно быть, я
говорил вслух.

--- Че? --- лялю я в ответ,
неспособный вспомнить, о чем я думал,
пытаюсь выдернуть свой разум из
наполненной алкоголем муты.

--- Ты назвал меня жалким
фразгером, --- обвиняет он меня, идя через
дымку сигар, чтобы встать с другой
стороны маленького круглого стола. Я
откидываюсь, позволяя локтям
соскользнуть со стола, и пялюсь на него.

--- Мы только что спасли гребаный
сектор, а все хандрят, словно у них утерла

сестра, -- говорю я, когда за ним встают
еще два тифонца, судя по униформе или
майоры или капитаны.

-- Мне пришлось оставить жену и
улететь в какую-то убогую склизкую дыру
черт знает где, -- стоящий слева тыкает
в мою сторону пальцем, на его огромных
висячих усах все еще болтается пена от
пива, -- от чего мне веселиться?

-- Добро пожаловать в голбаную
Циперскую Гвардию, -- отвечаю я,
пожимаю плечами и опрокидываю
последний стакан вина. Я пытаюсь
встать, но первый, лысый мужчина
среднего возраста, усаживает меня
обратно на скамью, положив свою корявую
руку мне на плечо. Когда я плюхаюсь на
место, один из них выдергивает мое
прощание из нагрудного кармана кителя. Я
всегда храню его там -- талисман на
удачу. Окурок сигары падает мне на
колени, и я стахиваю его на пол.

-- Это что такое? Отребье
штрафного легиона! -- шипит он, читая
написанное на пергаменте.

-- Больше нет. Я теперь достойный

офицер, -- отвечаю я им, все еще с
придурью от вина, -- слушайте, я сижу
тут на своей толстой заднице и ничего не
делаю, ору на солдат и пытаюсь
запрыгнуть в койку к бабам в местном
городе, так что, должно быть, я -- офицер.

-- Тебя должны были повесить! --
добавляет Большие Усы, выглядывая из-за
плеча товарища. -- Ты -- позор Имперской
Гвардии!

-- Вы все были бы мертвы, если бы не
мы, -- тямлю я в ответ, -- вы должны
сказать мне спасибо, неблагодарные
ублюдки.

-- Ты так думаешь? -- встречает
третий, его свинячий нос почти упирается
в мое лицо. -- Ты ничто! Ты отброс!

-- Тебя должны были убить! --
объявляет Лысый, его лицо к этому
времени покраснело.

-- Мы были там! -- рычу я, меня
тошнит от их отношения ко мне. -- Мы
были доблестными героями. Вы, временные
солдатики, даже не заслужили лизать им
ботинки!

-- Ты -- предательская тразь, -- ревет

Свинячий Нос, вытаскивая из ножен декоративный меч, и размахивает им перед собой. Что-то внутри меня ломается, глядя на этих чопорных, напыщенных, испорченных снобов с мозгами личинки, типа офицеров. Я ощущаю то, что не чувствовал с Коританору́та, прилив жизненных сил и энергии, ощущаю себя живым, это вселяет в меня силу и мощь.

--- Я --- мужчина, солдат! --- ору я на них, вскакивая на ноги, --- Они все были солдатами, настоящими мужчинами и женщинами! Не отбросами!

Свинячий Нос неуклюже махает мечом, но он слишком близко и я хватаю его за запястье. Ловлю левой рукой за глотку и резко кручу ее, с легкостью выворачиваю из захвата, это столь легко, словно отобрать конфетку у младенца.

--- Хотите по-плохому? --- воплю я, всаживая рукоятку в его свинячий нос, кровь наскладом заливает белую грудь тунники. Они начинают отступать. Я слышу шорох по всей комнате.

--- Вы --- Гвардия, не можете драться

со мной? За что вам вручили эти медали?
За полировку? За крики? Деритесь со
мной, будьте вы прокляты!

Я шагаю вперед, тыкаю Большие Усы
рукояткой в пузо, тот сгибается пополам.
Они снова отшатываются, их глаза
оглядывают комнату в поисках солдат,
которые будут драться за них.

--- Больше никто не будет драться, ---
рычу я, --- вы сами пройдете через эту
грязь и кровь.

Люди начинают лотиться к двери,
повсюду слышатся возмущенные крики.

Летят столы и стулья, когда они
начинают отступать от вопящего и
размахивающего мечом безумца. Примерно
половина из них никогда не была в бою.
Смесь алкоголя с гневом наполняет меня
жаждой крови, красная дымка опускается
на глаза, и я вижу горстки пепла, безликие
незнакомцы из снов тянут ко мне свои
когти, разрывая людей на части. Моею
голову наполняет это видения, и я
чувствую головокружение. Словно четыре
тысячи голосов в моей голове возжелали
крови, четыре тысячи мужчин и женщин

плачут, чтобы их не забыли, вопрошают о
местах.

--- Это за Франкса! --- ору я, втыкая
меч в живот Свинячему Носу. Остальные
пытаются схватить меня, но я кидаясь на
них, рубя и размахивая мечом.

--- За Пола! Поливикза! Гудманза!
Ганно! Кайла! Алису! Денсела! Харлона!
Лорона! Джоретта! Маллори! Дональсона!
Фредерикса! Брокера! Розеленга! Славини!
Кренина! Линскрага!

Мои губы произносят литанию из
имен, пока я режу этих трех
высокомерных тифонцев на части, полосую
их неподвижные тела, кровь брызгает
летит на светло-голубой ковер, оставляя
там фиолетовые лужицы. С каждым
ударом я представляю смерти. Все,
которые я видел, они всплывают и
словно хотят вырваться наружу.

--- За всех, гребаных штрафников! За
Лори! --- заканчиваю я, оставляя саблю
торчать из груди Свинячего Носа.

Люди кричат и хватают меня, кто-
то набрасывается на меня справа, трюсы,
но я отталкиваю их, вспомнив в последнюю

секунду, что нужно вернуться и вытащить прощение из мертвых пальцев Лысого. Я, запинаясь, лечу из двери и бегу по улицам, дождь заливает мои окровавленные руки, пока я заталкиваю прощение в карман.

Я ПРОСЫПАЮСЬ с таким громким грохотом в голове, словно стучат все кузницы Марса. Во рту будто несколько мелких грызунов уже как год устроили гнездо, конечности ослабли. Со смутными подробностями туманные воспоминания о прошлой ночи начинают возвращаться ко мне. Я ощущаю на руках запекшуюся кровь тифонцев. Мне действительно нужно было контролировать свой нрав. Следующим шагом, я проверяю свое прощение. Я шарю по карману, и мое сердце уходит в пятки, когда я обнаруживаю, что тот пуст.

Именно в тот момент я слышу звук рвущегося пергамента и вынуждаю свои глаза открыться. Кто-то стоит надо мной, и я падаю на стену аллеи. Солнце отражается от стекла за фигурой, так, что она остается в тени. Прищурившись от света, все, что я вижу — две синие,

сияющие точки. Два кусочка вспыхнувшего
льда. Он что-то роняет, и я вижу свое
прощение, порванное нагвое, порхающее к
мокрой земле. Он достает болт-пистолет
и тыкает им мне в лицо. Первое что
приходит в голову: «Какого черта он здесь
делает?». Второе: «Во имя всех святых,
как он вернул свою руку?».

--- Я знал, что ты вернешься ко мне,
Кейдж, --- беспощадно тurlыкает
Полковник, --- ты принаглeжишь мне. У
всегда будешь принаглeжать. Я могу
убить тебя сейчас же, или могу дать тебе
еще один Последний шанс.

О, фраз...

Конец.